

Журналу 20 лет

ЭКОНОМИКА
и У правление:
научно-практический журнал

Региональная экономика

*Государственное и
муниципальное управление*

Инвестиции и инновации

Реальный сектор экономики

Менеджмент и маркетинг

3 / 2014

Экономика
и управление:
научно-практический журнал

№ 3 (119)

Выходит с 1994 г. 6 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Региональная экономика

- Р.МАЛИКОВ, К.ГРИШИН. Административная лояльность
как фактор инвестиционной привлекательности региона 4
М.МИНАСОВ, А.ШАКИРОВА. Аграрный сектор экономики:
состояние, проблемы, факторы и условия устойчивого развития 10

Государственное и муниципальное управление

- З.САБИРОВА. Социальное предпринимательство в рамках
муниципально-частного партнерства 16
С.РЕЙТЕР. Мотивационные аспекты внедрения формата административного
содействия предпринимательству в муниципальном образовании 20
Р.АХМЕТЬЯНОВА, Р.ИМИЛЬБАЕВА. Преодоление информационного
неравенства как условие модернизации системы государственного управления 26

Вопросы теории

- Л.ТОМАШЕВСКАЯ. Соотношение понятий «стоимость» и «институт» 31
Е.ЖУК. Проблемы использования теории позиционирования Дж.Траута
и Э.Райса при формировании конкурентных преимуществ компании 35
Р.ГУБАРЕВ. Эволюция теорий мотивации и стимулирования труда 40
Р.ДАНИЛКО. Оценка эффективности научных моделей
административно-территориального деления 45

Инвестиции и инновации

- Н.КУЗЬМИНЫХ. Интенсивность и экстенсивность инновационного развития 51
К.САДЫКОВА. Адаптационная динамика системы трансфера
технологий в Республике Башкортостан 56
А.СОКОЛИНСКИЙ. Зарубежный опыт инновационного
развития дорожного хозяйства 62
Е.ГЛАДЫШЕВА. Карта рисков венчурного проекта
как инструмент научно-технического обновления 68

Реальный сектор экономики

Н.САМОФЕЕВ. Подходы к выбору эффективных решений в жилищном строительстве Республики Башкортостан	72
С.САЛЧЕВА. Алгоритм оценки альтернативных комплексных инвестиционных проектов в нефтеперерабатывающей промышленности	76

Менеджмент и маркетинг

Т.ЛЕЙБЕРТ, Э.ХАЛИКОВА. Методический инструментарий оценки инвестиционного проекта технического перевооружения производства строительной продукции	83
Л.МАРТЫНОВ. Инновационный характер развития организационного механизма в виртуальной бизнес-среде	88
Ю.ЛУТФУЛЛИН, А.КРАСНОВ. Организационный потенциал как элемент конкурентоустойчивости предприятия	92
Д.ВОЛКОВ. Маркетинговые инструменты в оценке деятельности государственного сектора: измерение удовлетворенности	96
А.ШЕСТАКОВИЧ. Роль руководителя в процессе развития вуза: опыт передовых университетов	100

Социальная сфера

Р.МУСТАФИН, Р.ХИСАМУТДИНОВ, Э.ГАЙНУЛЛИНА. Проблемы развития физической культуры и формирования здорового образа жизни молодежи	104
А.ОРУДЖЕВА. Благополучие населения как приоритетное направление социальной политики в Азербайджанской Республике	109

Хроника. Юбилей

Р.МАГАЗОВ. Высокий профессионализм плюс активная гражданская позиция	115
И.АСФАНДИЯРОВА, А.НИЗАМОВА. Управление архивами Башкирии: история создания и становления	118

Аннотации и ключевые слова	121
-----------------------------------	-----

Редакционная коллегия

Г.М.Россинская (главный редактор), Л.С.Валинурова, Р.А.Галин, Е.Р.Гильмханова (заместитель главного редактора), Ю.Н.Дорожкин, Е.В.Евтушенко, В.В.Еникеев (ответственный секретарь), Л.А.Исмагилова, С.Ю.Кабашов, Ю.М.Малышев, М.Ш.Минасов, Д.Б.Миннигулова, Б.М.Миркин, И.Ш.Рысаев, Р.Р.Салахутдинова, Н.З.Солодилова, И.В.Фролова

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Уфа, БАГСУ, 2014

© «Экономика и управление: научно-практический журнал», 2014

CONTENTS

Regional Economy

- R.MALIKOV, K.GRISHIN. Administrative Loyalty as a Factor of Region's Investment Appeal 4
M.MINASOV, A.SHAKIROVA. Agricultural Sector of Economy: State, Problems,
Factors and Conditions of Sustained Development 10

State and Municipal Administration

- Z.SABIROVA. Social Entrepreneurship within Municipal-Private Partnership 16
S.REITER. Motivation Aspects of Launching Administrative Promotion
of Entrepreneurship in a Municipal Entity 20
R.AKHMETJYANOVA, R.IMILBAEVA. Information Inequality Overcoming
as a Condition of Public Administration System Modernization 26

Theory Issues

- L.TOMASHEVSKAYA. Correlation of Notions «Value» and «Institute» 31
E.ZHUK. Problems of Implementing a Theory of Positioning by J.Trout
and A.Ries while Producing Company's Competitive Advantages 35
R.GUBAREV. Evolution of Labour Motivation and Stimulation Theories 40
R.DANILKO. Scientific Models' Efficiency of Administrative- Territorial Division Evaluating 45

Investments and Innovations

- N.KUZMINYKH. Intensity and Extensity of Innovation Development 51
K.SADYKOVA. Adaptive Dynamics of Technologies' Transfer System
in the Republic of Bashkortostan 56
A.SOKOLINSKIY. Foreign Experience of Road Sector Innovation Development 62
E.GLADYSHEVA. Map of Venture Project Risks as a Tool of Scientific-Technical Renovation 68

Real Sector of Economy

- N.SAMOFEEV. Approaches to Selection of Effective Solutions in House Building
of the Republic of Bashkortostan 72
S.SALCHEVA. Algorithm of Evaluating Alternative Complex Investment Projects
in Oil-Refining Industry 76

Management and Marketing

- T.LEIBERT, E.HALIKOVA. Methodical Tools of Investment Project
Evaluation of Construction Production Technical Upgrading 83
L.MARTYNOV. Innovationnal Nature of Organizational Mechanism Development
in Virtual Business Environment 88
Ju.LUTFULLIN, A.KRASNOV. Organizational Potential as an Element
of Enterprise's Competitive Stability 92
D.VOLKOV. Marketing Assessment Tools in the Public Sector Performance:
Satisfaction Observation 96
A.SHESTAKOVICH. Leader's Role in Institute Development Process:
Experience of Advanced Institutes 100

Social Sphere

- R.MUSTAFIN, R.KHISAMUTDINOV, E.GAINULLINA. Problems
of Physical Training Development and Healthy Lifestyle Creation of the Youth 104
A.ORUDZHEVA. Population Well-being as Priority of Social Policy in the Azerbaijan Republic 109

Chronicle. Jubilee

- R.MAGAZOV. High Professionalism Together with Active Civil Position 115
I.ASFANDIYAROVA, A.NIZAMOVA. Bashkortostan's Archives Management:
Origin and Formation 118
Abstracts and Key Words 121

Административная лояльность как фактор инвестиционной привлекательности региона

Р.МАЛИКОВ, К.ГРИШИН

В современных условиях одним из ключевых факторов, оказывающих сдерживающее воздействие на социально-экономическое развитие регионов, является низкое качество институционального сопровождения деловых практик в процессах взаимодействия бизнес-структур и органов власти. До сих пор в российской деловой среде не решены проблемы построения цивилизованных отношений бизнеса и власти на основе принципов корпоративизма, партнерства и социальной ответственности, что продуцирует возникновение разнообразных негативных практик в процессе осуществления предпринимательской деятельности: административных барьеров, предоставления преференций «своим» компаниям, «теневой» деятельности хозяйствующих субъектов, различных форм недобросовестной конкуренции (в том числе с использованием административного ресурса), преднамеренного банкротства с последующими рейдерскими захватами активов и др. За последние годы государством накоплен значительный опыт упорядочивания системы взаимоотношений властных и предпринимательских структур в деловой среде (совершенствование законодательства в сфере регулирования предпринимательской деятельности, внедрение института омбудсмена по защите прав инвесторов и предпринимателей, оценка регулирующего воздействия нормативно-правовых актов, реализация положений Национальной предпринимательской инициативы, разработка проекта по созданию благоприятных условий для ведения бизнеса в регионах – Регионального инвестиционного стандарта и др.). Необходимо отметить, что принятые государством меры внесли определенный вклад в повышение качества деловой среды, что нашло отражение в улучшении позиций России в ряде международных рейтингов (например, в рейтинге World Bank Doing Business наша страна за два последних года поднялась на 28 пунктов, со 120 на 92 место). Вместе с тем пространство делового сообщества России в разрезе регионов остается неоднородным и имеет различные показатели инвестиционной и деловой привлекательности.

Политика открытости во взаимоотношениях с бизнесом, провозглашенная властью в рамках административной реформы, а также меры по разработке и совершенствованию инструментов, призванных внедрить этот принцип в реальную практику, пока еще не встречают адекватной реакции со стороны бизнеса, а предпринимательское сообщество продолжает оставаться закрытым. Такая модель поведения делового сообщества является, в частности, показателем низкого уровня доверия бизнеса к власти, то есть отсутствия полной уверенности в том, что деятельность административных органов власти может быть полезна деловому сообществу. В этом контексте интересны результаты исследования «Пульс бизнеса», проведенного Фондом общественного мнения (ФОМ) совместно с Агентством стратегических инициатив (АСИ). В ходе исследования в 75 регионах в рамках случайной выборки было опрошено от 500 до 800 респондентов (в регионах с численностью населения более 400 тыс. чел. было опрошено по 800 респондентов, а в остальных – по 500). Рейтинг базируется на мнениях тех, кто сам относится к сфере бизнеса (группа «сфера бизнеса») или близок к этой сфере (группа «окружение сферы бизнеса»).

Маликов Рустам Илькамович, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент» Уфимского государственного университета экономики и сервиса (УГУЭС).
E-mail: MalikovRI@rambler.ru

Гришин Константин Евгеньевич, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент» УГУЭС

В группу «сфера бизнеса» (6,3 % опрошенных) включались: действующие и бывшие предприниматели, руководители, заместители руководителей или главные бухгалтеры частных компаний, а также лица, планирующие заняться предпринимательством в ближайшие два года. В группу «окружение сферы бизнеса» (20,4 % опрошенных) включались: лица, регулярно имеющие дело с предпринимателями; близкие друзья, родственники или знакомые предпринимателей; интересующиеся вопросами развития предпринимательства в России [2]. В ходе исследования данные группы граждан оценивали условия ведения бизнеса в своем регионе. Очень показательна в этом опросе оценка роли властных структур в содействии развитию предпринимательства (табл. 1). Даже принимая во внимание определенный субъективизм оценок, необходимо отметить, что в целом крайне незначительная часть опрошенных из обеих категорий респондентов выбрала в качестве ответа вариант «безусловно способствует» (за исключением жителей Республики Башкортостан). Необходимо отметить, что процент тех, кто считает, что власть скорее способствует развитию бизнеса в регионе, значительно выше, чем доля граждан, ответивших иначе. Однако при этом значительное число участников опроса выбрали варианты ответов «скорее препятствует» и «безусловно препятствует», что свидетельствует о наличии определенных проблем во взаимодействии бизнеса и власти. Достаточно высок процент участников анкетирования, которые считают, что власть в их регионе остается нейтральной по отношению к субъектам предпринимательской деятельности, то есть не препятствует, но и не способствует развитию бизнеса.

Таблица 1

Оценка респондентами деятельности органов власти по содействию развитию предпринимательства в регионах ПФО (%)

Регион ПФО	Категории респондентов	Безусловно способствует	Скорее способствует	Не способствует и не препятствует	Скорее препятствует	Безусловно препятствует	Затрудняюсь ответить
Республика Башкортостан	Сфера бизнеса	19	25	17	11	17	11
	Окружение сферы бизнеса	15	48	7	15	3	12
Республика Марий Эл	Сфера бизнеса	5	10	51	15	10	10
	Окружение сферы бизнеса	4	27	38	12	4	15
Республика Мордовия	Сфера бизнеса	0	52	18	21	0	9
	Окружение сферы бизнеса	5	37	24	16	1	17
Республика Татарстан	Сфера бизнеса	6	26	26	31	6	5
	Окружение сферы бизнеса	2	31	25	21	5	16
Удмуртская Республика	Сфера бизнеса	0	12	30	36	16	6
	Окружение сферы бизнеса	2	31	27	20	7	14
Чувашская Республика	Сфера бизнеса	4	17	42	27	8	2
	Окружение сферы бизнеса	3	22	40	19	5	9
Пермский край	Сфера бизнеса	2	14	38	23	16	7
	Окружение сферы бизнеса	5	24	34	19	7	11
Кировская область	Сфера бизнеса	0	14	54	16	8	8
	Окружение сферы бизнеса	5	19	51	17	3	5
Нижегородская область	Сфера бизнеса	2	22	42	20	7	7
	Окружение сферы бизнеса	2	14	35	18	4	27
Оренбургская область	Сфера бизнеса	4	21	41	25	8	0
	Окружение сферы бизнеса	6	27	41	19	3	5
Пензенская область	Сфера бизнеса	2	26	19	33	5	14
	Окружение сферы бизнеса	2	42	32	15	1	9
Самарская область	Сфера бизнеса	2	11	36	24	13	13
	Окружение сферы бизнеса	1	20	47	13	5	14
Саратовская область	Сфера бизнеса	3	27	30	21	6	13
	Окружение сферы бизнеса	2	16	33	25	8	17

Как известно, важнейшим индикатором устойчивого развития экономики региона является его инвестиционная активность и привлекательность. Стимулирование и наращивание как внутренних, так и внешних инвестиций является одним из наиболее эффективных инструментов «разогрева экономики» региона и вывода ее на уровень развития, обеспечивающий эффективное решение социальных задач [6]. Все это обуславливает повышенное внимание к инвестиционной политике регионов, в том числе со стороны федерального центра, которое нашло свое концентрированное выражение в разработанном АНО «Агентство стратегических инициатив» совместно с «Деловой Россией» проекте по созданию благоприятных условий для ведения бизнеса в регионах – Региональном инвестиционном стандарте, реализуемом в рамках исполнения указа Президента РФ В.В.Путина «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности» [7]. Данный стандарт включает 15 лучших инвестиционных практик, используемых экономически наиболее успешными регионами, а пилотная реализация проекта уже началась в 11 регионах России.

Однако процесс внедрения лучших инвестиционных практик в деятельность регионов, даже в условиях предполагаемой постоянной адаптации стандарта к практическим реалиям, требует разработки методического и организационного инструментария эффективной реализации проектов с учетом региональной институциональной специфики.

По нашему мнению, эффективность инвестиционной политики в значительной мере определяется институциональной конфигурацией деловой среды региона, под которой мы понимаем параметры соотношения базовых институтов и дополнительных региональных институций деловой среды. Данные параметры определяют степень взаимного воздействия институтов и институций и выражаются в характере трансформации базовых институтов при их «погружении» в региональную деловую практику. Следовательно, параметры инвестиционной привлекательности и соответственно предпринимательской активности в регионе во многом формируются под воздействием региональных институций деловой среды. Так, по нашему мнению, инвестиционный «бум», способный спровоцировать «открытие второго дыхания» у региональной экономики, возможен только в условиях устойчивости внутренних правил ведения бизнеса, гарантирующих предпринимателям (инвесторам) лояльность региональных (местных) органов власти¹. При этом под *лояльностью власти по отношению к бизнесу (административной лояльностью)* мы понимаем категорию, которая характеризует параметры рационального функционирования совокупности представителей властных структур, определяющие конфигурацию применения институционально-правовых норм регулирования предпринимательской деятельности, обеспечивающую максимизацию общественной полезности при условии максимизации полезности бизнеса. В свою очередь лояльность власти по отношению к бизнесу должна поддерживаться *ответной лояльностью бизнеса по отношению к власти (предпринимательской лояльностью)*. Под последней мы понимаем категорию, характеризующую параметры рационального функционирования совокупности субъектов

¹ В настоящее время особую актуальность приобретает также позиция общественности по отношению к тому или иному предпринимательскому проекту. Так, если возможность влияния государственных органов власти на судьбу инвестиционного проекта бизнесом воспринимается как нечто естественное, то способность общественных институтов оказывать блокирующее воздействие на планы инвесторов пока еще не всегда учитывается в должной мере, хотя в некоторых случаях общественность может оказывать серьезное влияние на перспективы проекта (достаточно вспомнить массовые выступления местных жителей против строительства завода по производству строительных материалов и глубокой деревообработке компании Kronospan Holdings East Ltd. в г. Уфе).

предпринимательства в контуре институционально-правовых норм, при котором достигается максимизация полезности бизнеса при условии максимизации общественной полезности [1]. Следовательно, правила ведения бизнеса в регионе, обеспечивающие формат взаимной лояльности властных и предпринимательских структур, являются наиболее приемлемыми для инвестора, так как подразумевают модель отношений, которая обеспечивает взаимную выгоду предпринимателей и органов власти, что фактически нивелирует угрозу возникновения административных рисков для инвестиционного проекта. При этом, по нашему мнению, именно формат взаимной лояльности обеспечивает наиболее благоприятные условия для социального развития местных и региональных сообществ и, таким образом, является мерилем эффективности взаимодействия властных и предпринимательских структур. Однако выход на формат взаимной лояльности бизнеса и власти в современных условиях осложнен рядом факторов, ключевым из которых является лабильность (неустойчивость) институциональных параметров деловой среды. Необходимо отметить, что в российских регионах существуют два взаимодополняющих типа правил ведения предпринимательской деятельности – формализованный и неформализованный. При этом до настоящего времени формализованная платформа отношений властных и предпринимательских структур остается крайне неустойчивой, практически ежегодно принимаются новые нормативно-правовые акты (прежде всего – на федеральном уровне), которые в некоторых случаях вносят серьезные изменения в региональные правила ведения бизнеса, заставляя субъекты предпринимательства пересматривать стратегии развития. Более того, «подвижность» формализованной платформы ведения бизнеса в значительной мере дополняется «подвижностью» региональных и муниципальных неформализованных правил осуществления предпринимательской деятельности. В свою очередь степень распространенности и применения неформализованных правил ведения бизнеса, устанавливаемых и регулируемых властью по своему усмотрению, в значительной мере повышает административные риски инвесторов-предпринимателей, несмотря на то, что в отдельных случаях неформальные отношения могут являться более эффективными [3]. В результате при осуществлении предпринимательского (инвестиционного) проекта появляется вероятность того, что в процессе его реализации стороны могут отклоняться от формализованных правил ведения бизнеса, что ведет к утрате уверенности в выполнении взаимных обязательств в соответствии с договоренностями. Другими словами, неустойчивость формализованных правил ведения бизнеса при широком распространении неформализованных условий осуществления предпринимательской деятельности в регионах снижает уровень взаимного доверия между субъектами предпринимательства и органами власти, которое является основой формирования партнерских взаимовыгодных отношений. Кризис взаимного доверия, в свою очередь, провоцирует взаимный оппортунизм бизнеса и власти, ведет к возникновению ситуаций, при которых взаимодействующие стороны в своей деятельности выходят за рамки институционально-правовых норм, что не позволяет им выстраивать взаимоотношения в формате взаимной лояльности.

В таких условиях перед бизнесом (инвесторами) стоит достаточно сложная задача встраивания своей деятельности в общую парадигму развития территории, определяемую и регулируемую региональными органами власти. В условиях существующего явного доминирования властных структур над деловым сообществом при неустойчивости региональной деловой среды субъекты предпринимательства (инвесторы) вынуждены выстраивать свою предпринимательскую бизнес-траекторию с учетом факторов рисков региональной деловой среды и потенциальной доходности проектов. При этом в структуре рисков для предпринимателя-инвестора в условиях сложившейся модели отношений бизнеса и власти, характеризующейся доминированием административных факторов регулирования деловой среды,

ведущую роль занимают административные риски, то есть сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий, вызванных действием (бездействием) органов власти различных уровней, осуществляющих функции регулирования и регламентирования предпринимательской деятельности в регионе.

Показатель рисков деловой среды региона (коэффициент дивергенции) характеризует возможные параметры расхождения реальной бизнес-траектории предпринимательского проекта с первоначально спроектированной, в том числе в результате изменения «правил игры» по инициативе органов власти, и может быть определен по формуле:

$$K_D = q * \left(\frac{1 + (q - 1)}{q * \ln(1 - q)} \right). \quad (1)$$

Коэффициенты q и q вычисляются следующим образом:

$$q = \frac{BI_{min}}{BI_{max} - BI_{min}}, \quad (2)$$

$$q = \frac{BI_{min}}{BI - BI_{min}}, \quad (3)$$

где q – показатель неустойчивости параметров реализации предпринимательского проекта; q – пороговое значение зоны риска (в том числе административного); BI – совокупный предполагаемый эффект от реализации предпринимательского проекта; BI_{max} – максимальный эффект от реализации предпринимательского проекта (например в условиях максимального уровня административного содействия); BI_{min} – минимальный эффект от реализации предпринимательского проекта.

Совокупный предполагаемый эффект от реализации инвестиционного проекта рассчитывается следующим образом:

$$BI = w * BI_{max} + (1 - w) * BI_{min}, \quad (4)$$

где w – специальный показатель для учета неопределенности эффекта, отражающий систему предпочтений предпринимателя-инвестора в условиях неопределенности, рассчитываемый по формуле:

$$w = \frac{U_d}{U_r}, \quad (5)$$

где U_d – уровень доходности до реализации проекта; U_r – уровень доходности после реализации проекта.

Подставив формулу (4) в формулу (3), получим следующие выражения:

$$q = \frac{q}{(w - 1)}, \quad (6)$$

$$q = q * (w - 1). \quad (7)$$

После соответствующих преобразований формулы (1) с учетом полученных выражений получаем показатель коэффициента дивергенции:

$$K_D = q * (w - 1) \left(1 + \frac{1 - q}{q} * \ln(1 - q) \right) \quad (8)$$

Полученная формула позволяет определять степень дивергенции проекта с учетом его влияния на уровень потенциальной доходности в условиях высокого уровня неопределенности в зависимости от показателя предпочтений предпринимателя-инвестора и порогового значения зоны административного риска (см. табл. 2).

Таблица 2

Значение коэффициента дивергенции K_D в зависимости от показателя предпочтений предпринимателя w и порогового значения зоны административного риска g

$w \backslash g$	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9
1,1	0,0005	0,0021	0,005	0,0093	0,0153	0,0233	0,0338	0,0478	0,0669
1,15	0,0007	0,0032	0,0076	0,0143	0,0230	0,0355	0,0508	0,0717	0,1008
1,2	0,0010	0,0042	0,0100	0,0187	0,0306	0,0466	0,0677	0,0956	0,1339
1,25	0,0012	0,0053	0,0126	0,0238	0,0383	0,0592	0,0848	0,1195	0,1680
1,3	0,0015	0,0064	0,0150	0,0280	0,0460	0,0700	0,1016	0,1434	0,2009
1,35	0,0018	0,0075	0,0177	0,0334	0,0536	0,0830	0,1187	0,1673	0,2352
1,4	0,0020	0,0085	0,0201	0,0374	0,0613	0,0933	0,1355	0,1912	0,2678
1,45	0,0023	0,0096	0,0228	0,0429	0,0690	0,1067	0,1526	0,2151	0,3024
1,5	0,025	0,0107	0,0251	0,0467	0,0767	0,1167	0,1694	0,2390	0,3348

Предложенный методический инструментарий позволяет просчитывать зоны институциональных ограничений с точки зрения совокупной полезности деятельности субъектов бизнеса при различных правилах ведения бизнеса в том или ином регионе, а также обосновывать выбор возможных решений и стратегий субъекта предпринимательства в зависимости от региональных условий осуществления бизнес-проекта, его потенциальной доходности и степени административного риска в процессе его реализации.

Литература

1. Дегтярев А., Маликов Р., Гришин К. Взаимная лояльность как условие модернизации системы взаимодействия бизнеса и власти: региональный аспект // Экономическая политика. – 2013. – № 5. – С. 168–186.
2. Исследовательский проект Фонда общественного мнения «Пульс бизнеса». – <http://fom.ru/pulse/index.html>
3. Маликов Р., Гришин К. Влияние неформальной компоненты взаимодействия власти и бизнеса на эффективность региональной инвестиционной политики // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2012. – № 3. – С. 17–22.
4. Олейник А. О природе и причинах административной ренты: особенности ведения бизнеса в российском регионе N // Вопросы экономики. – 2010. – № 5. – С. 58–80.
5. Полтерович В. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4. – С. 17–29.
6. Тамов А. Методические основы оценки стратегического потенциала региональных среднесрочных программ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5 «Экономика». – 2009. – № 1. – С. 54–58.
7. Указ Президента РФ от 10 сентября 2012 г. № 1276 (ред. от 7 апреля 2014 г.) «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161490/

Аграрный сектор экономики: состояние, проблемы, факторы и условия устойчивого развития

М.МИНАСОВ, А.ШАКИРОВА

Период развития экономики Республики Башкортостан, приходящийся на конец XX – начало XXI столетия, можно подразделить на следующие этапы. До 1998 г. для развития экономики был характерен спад (среднегодовой темп снижения ВРП около 6 %). После августовского кризиса 1998 г. произошел перелом и начался второй этап: с 1999 г. республика вышла на траекторию устойчивого экономического развития со среднегодовым темпом прироста 6,8 %.

Начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис обусловил снижение объема выпуска продукции по многим видам экономической деятельности. В 2009 г. впервые за десятилетие в экономике Башкортостана имело место падение ВРП на 3,5 %, при этом в промышленном производстве спад составил 1,7 % (по России спад составил около 9 %, по Приволжскому федеральному округу – более 12 %).

Накопленный запас прочности, а также опыт управления экономикой в кризисном 1998 г. и в последующие годы позволили хозяйственному комплексу республики противостоять вызовам, связанным с последствиями нового кризиса, сохранить в непростой обстановке относительное равновесие. В результате темпы падения в 2009 г. оказались менее значительными, чем в период финансового кризиса 1998 г.

Необходимо особо отметить, что кризис оказал и продолжает оказывать негативное влияние на развитие аграрного сектора. Объем продукции сельского хозяйства снизился до 88 млрд руб., в том числе производство продукции животноводства сократилось на 14,6 %, продукции растениеводства – на 58,0 %. Отметим, что ряд экспертов связывают это исключительно с катастрофически неблагоприятными природно-климатическими условиями 2010 г. (засухой).

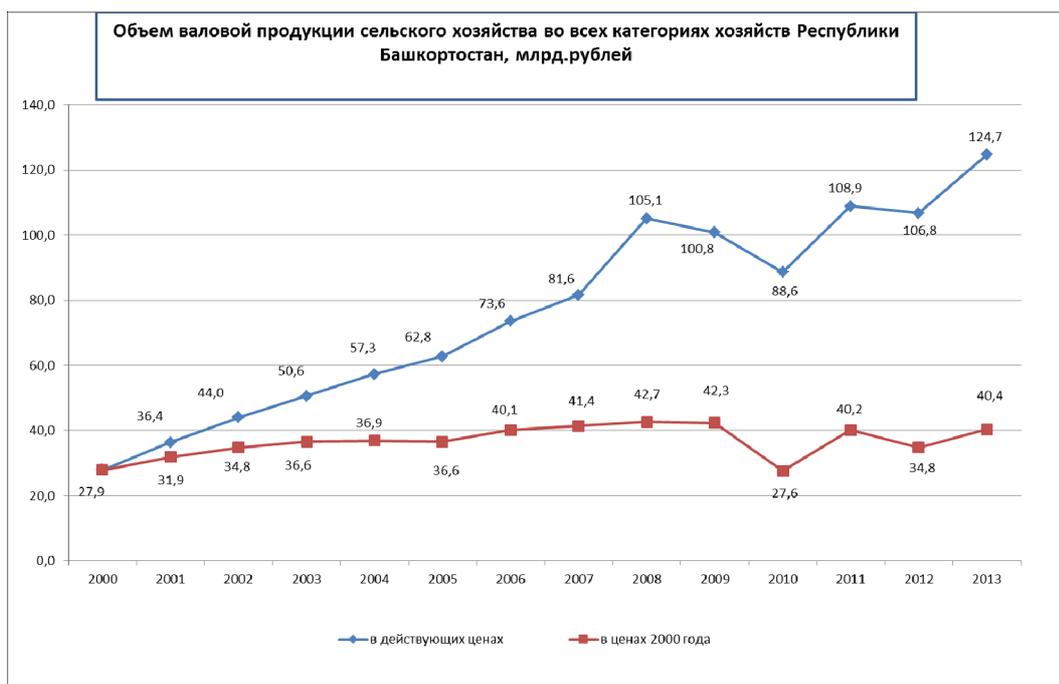
Сельское хозяйство – жизненно важный вид экономической деятельности, определяющий социально-экономическое положение регионов и страны в целом, уровень и качество жизни всего населения. На долю сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий АПК Республики Башкортостан приходится до 12 % валового регионального продукта.

В современной структуре аграрного сектора экономики представлены разные социально-экономические уклады, сельскохозяйственные предприятия различных форм собственности: крупнотоварное производство (обеспечивает около 30 % валовой продукции), а также крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) и хозяйства населения (мелкотоварное производство, доля которого составляет около 70 % валовой продукции). Все они выполняют определенные функции, имеют свои ниши в системе аграрного рынка.

Динамика объема валовой продукции сельского хозяйства в пересчете на сопоставимые цены 1990 г. позволяет выявить серьезные структурные проблемы, определяющие современное состояние аграрного сектора экономики. Так, в силу ряда объективных и субъективных причин объем продукции в крупнотоварном секторе сельскохозяйственного производства республики к 2013 г. сократился почти в два раза и составил 58,6 % от уровня 1990 г. (в РФ – 70,8 %). При этом двукратный (в РФ – в 1,2 раза) рост объемов производства в мелкотоварном производстве (ЛПХ) позволил увеличить общий объем валовой продукции сельского хозяйства только на 14,7 % к уровню 1990 г. (при этом по РФ произошло снижение на 2 % по сравнению с уровнем 1990 г.). Новый сектор – крестьянские (фермерские) хозяйства республики производят лишь около 6 % валовой продукции.

Минасов Марат Шамильевич, канд. экон. наук, профессор кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: marat.minasov@mail.ru

Шакирова Ануза Абударовна, соискатель кафедры экономической теории и социально-экономической политики БАГСУ

Динамика валовой продукции сельского хозяйства Республики Башкортостан в 2000–2013 гг. (см. рис.) формировалась в условиях реальной государственной поддержки, имевшей устойчиво растущую тенденцию и достигавшей уровня 9,5 млрд руб. в год. Кроме того, годовые капитальные вложения в сельскую инфраструктуру составляли 5–6 млрд руб., на строительство дорог в 2013 г. было направлено 8,2 млрд руб. Поддержку агропромышленному комплексу также оказывали администрации муниципальных образований за счет средств местных бюджетов. В то же время эффективность государственной поддержки из года в год снижалась. К примеру, только в последние три года объем производства сельскохозяйственной продукции на рубль государственной поддержки уменьшался, а по итогам 2013 г. составил (без учета капвложений) только 5,52 руб., что ниже уровня предыдущего года на 12 %.

Отмеченные процессы в аграрном секторе проходили на фоне устойчивого роста экономики республики в целом: ВРП увеличился в 2 раза, промышленное производство выросло более чем в 2 раза, объем инвестиций в основной капитал увеличился в 3 раза, объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», – в 2,3 раза, внешнеторговый оборот – в 5,6 раза. При этом реальные располагаемые денежные доходы населения и заработная плата в республике выросли в 3,3 раза.

В условиях более чем трехкратного увеличения возможностей населения республики по удовлетворению своих потребностей объем валовой продукции сельского хозяйства за этот же период по всем категориям хозяйств увеличился только в 1,5 раза.

В связи с отмеченными обстоятельствами возникает ряд принципиальных вопросов. Почему растущий спрос населения не сопровождается соответствующим ростом предложения со стороны аграрного сектора экономики? Почему потери объемов производства в крупнотоварном производстве не компенсировались ростом объема производства в новых секторах аграрной экономики, не имеющих «тяжелого наследия» прошлых этапов развития и располагающих собственным арсеналом материальных ресурсов и основных фондов? Почему трудовые ресурсы, не востребованные в крупнотоварном сельскохозяйственном производстве, не нашли применения в новых секторах аграрной экономики? Почему эффективность государственной поддержки аграрного сектора экономики из года в год уменьшается? Возможен ли рост в аграрном секторе экономики? Какие факторы и ресурсы развития станут определяющими в

современных условиях? Суть этих вопросов отражает серьезные объективные и субъективные проблемы в аграрном секторе экономики республики.

Всю совокупность факторов, отрицательно воздействующих на функционирование аграрного сектора экономики, по мнению аналитиков, можно представить в виде следующей цепочки. Это отсутствие адекватной желанием аграриев государственной поддержки, высокий уровень рисков в аграрном производстве, низкий уровень цен на сельскохозяйственную продукцию и высокий уровень цен на сельскохозяйственную технику и нефтепродукты («диспаритет цен»). При этом толчок к развитию, с точки зрения аграрного бизнеса и сельского населения, традиционно ожидается в первую очередь от государства, через государственные инвестиции и систему государственных расходов.

Представляется, что в современных условиях такого толчка к развитию не приходится ожидать, поскольку этот ресурс уже исчерпан опережающим наращиванием госрасходов по сравнению с доходами конца «нулевых» годов. Консолидированный бюджет отягощен действующими обязательствами и реально существующим дефицитом. При возрастании волатильности мировых сырьевых рынков становится ощутимым риск неисполнения расходных обязательств бюджетов всех уровней.

С другой стороны, совсем недавно многим экспертам казалось несомненным, что для обеспечения экономического развития аграрного бизнеса в первую очередь необходимы финансовые ресурсы (инвестиции). Но имевший место реальный рост объемов инвестиций в аграрный сектор (государственных и частных вложений, банковских кредитов) не обеспечил необходимых темпов роста объемов производства. Следовательно, реалии современности вынуждают нас усомниться в верности этого постулата. Таким образом, по-видимому, *факторы и источники ресурсов развития аграрного сектора экономики необходимо искать в другой плоскости*. На фоне глобальной экономической нестабильности, с одной стороны, и формирующейся новой технологической базы долгосрочного роста, с другой стороны, обостряются проблемы формирования эффективной модели экономики, способной адекватно реагировать на вызовы времени.

Современное экономическое развитие – это не просто увеличение масштабов производства, это, прежде всего, качественное совершенствование продуктов и факторов производства, улучшение качественных характеристик экономики в целом, знаменующих переход на новые уровни развития. Поэтому современную модель развития аграрного сектора экономики, обеспечивающую высокие темпы развития, можно представить как систему мер, в основе которой:

– последовательная модернизация аграрного сектора экономики, направленная на повышение эффективности, конкурентоспособности, обеспечивающая диверсификацию структуры экономики и значительный рост ее потенциала, эффективную интеграцию в экономическое пространство, благоприятный инвестиционный и предпринимательский климат;

– позиционирование аграрного сектора как вида экономической деятельности, обеспечивающего развитие кооперационных связей, которые позволяют оптимально сочетать общероссийские и региональные интересы;

– переход к принципам организации пространственного развития аграрной экономики, ориентированным на активизацию инновационных составляющих, увеличение объемов производства высокотехнологичной продукции, ускоренное внедрение новых технологий, новых видов инновационной продукции и услуг;

– поэтапное повышение качества жизни сельского населения, обеспечивающее развитие способностей каждого человека, улучшение условий жизни и качества социальной среды с тем, чтобы они в большей степени соответствовали уровню и потребностям модернизируемой аграрной экономики.

Современная экономика развивается в условиях долговременных системных вызовов, об этом свидетельствуют мировые тенденции. Один из таких вызовов – это

усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы управления. Второй вызов – новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающая влияние многих традиционных факторов роста.

Одним из важнейших направлений модернизации экономики является смягчение влияния ограничивающих факторов на траекторию устойчивого развития и обеспечение наиболее полной реализации конкурентных преимуществ. Действительно, особенностью современной модели устойчивого развития региона является то, что его результаты все в меньшей степени определяются географическим положением, климатом, наличием материальных и финансовых ресурсов и все в большей степени обуславливаются наличием нематериальных ресурсов: умением распоряжаться имеющимися ресурсами, эффективностью преобразования ресурсов или способностью хозяйственного комплекса к внедрению новшеств и модернизации, более того – умением формировать и накапливать потенциал развития. В данном случае речь идет о переходе от системы управления функционированием аграрной экономики к системе управления ее развитием, которое предполагает не столько количественный рост, сколько качественное улучшение социально-экономических составляющих развития на основе активного использования иных факторов и ресурсов этого развития.

Таким образом, эффективное управление как на макро-, так и на микроуровне является значимым ресурсом развития. В свою очередь эффективность управления определяется качеством объекта управления (качеством его интеллектуального ресурса в целом), а не только качеством субъекта управления (интеллектуального потенциала системы управления), и является фактором развития более высокого порядка.

Итак, на современном этапе развития России уже явно обозначилась серьезнейшая проблема, которую можно определить как *несоответствие уровня интеллектуального ресурса аграрного сектора экономики уровню решаемых им задач*. Это несоответствие проявляется в экономическом, кадровом, структурном, информационном, технологическом и других аспектах на всех уровнях организации и управления производством, в том числе в системе государственного управления.

Поскольку носителем интеллектуального ресурса развития аграрного сектора экономики является сельское население, следует оценить его состояние, рассмотреть в динамике процессы и тенденции. Именно с этих позиций нужно определять направления действий на ближайшую и долгосрочную перспективу.

На селе проживает около 1580 тыс. чел., или 40 % населения республики (в РФ – 26 %). Динамика этого показателя характеризуется устойчивой тенденцией сокращения: до 1941 г. его доля составляла 82 %, в 1959 г. – 62 %, 1980 г. – 41%.

Из общей численности сельчан около 920 тыс. чел. являются экономически активным населением. Из них в крупнотоварном производстве (сельхозпредприятиях разных форм собственности) занято 67,3 тыс. чел., в пищевом производстве – 25,9 тыс. чел., оставшаяся часть населения трудится в фермерском секторе (около 12 тыс. чел.) и в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ), которые также участвуют в производстве сельскохозяйственной продукции.

При этом необходимо отметить то, что численность работающих в сельскохозяйственных организациях с 1990 по 2008 г. уменьшилась с 287 тыс. чел. до 64,3 тыс. чел. (в 4,5 раза).

На фоне уменьшения общей численности сельского населения республики в период с 2003 по 2013 г. на 60 тыс. чел., некоторая стабилизация численности занятого в крупнотоварном производстве населения в 2009–2013 гг. (на уровне 64–65 тыс. чел.) стала следствием реализации небольшого ряда инвестиционных проектов по строительству крупных животноводческих комплексов мясного и молочного направления.

Отдельные исследователи в числе основных причин уменьшения численности сельского населения называют его естественную убыль и отрицательную динамику

миграции населения. Согласиться с таким выводом нельзя, потому что при реально имеющей место естественной убыли и отрицательной динамике миграции населения в республике отмечается рост городского населения.

Указанные тенденции, с нашей точки зрения, являются следствием других социально-экономических факторов, определяющих условия и характер жизнедеятельности людей, а именно – условий труда и быта сельского населения. Об обоснованности данного вывода свидетельствует то, что отрицательную динамику средней продолжительности жизни и уровень миграции сельского населения в первую очередь определяет отток молодежи (сельское население стареет быстрее городского). После получения образования только единицы возвращаются обратно в сельскую местность. Следовательно, молодое поколение предпочитает условия и качество жизни, существенно отличающиеся от условий, сложившихся в сельской местности.

Признав, что сельское население и его экономически активная часть – это определяющий ресурс развития аграрного сектора экономики, необходимо в полной мере понять, что негативные демографические процессы на селе могут привести к реальной потере потенциала развития и к разрушительным процессам в аграрном секторе со всеми вытекающими последствиями для региона. Речь здесь, прежде всего, идет об интеллектуальном ресурсе.

Интеллектуальный ресурс является многоплановой экономической категорией и самой большой ценностью, поскольку включает в себя накопленный запас знаний, уровень культуры и образования, приобретенные практические навыки, творческие и мыслительные способности, моральные и деловые качества, социальные ценности и уровень мотивации, которые в конечном счете и определяют уровень и качество развития аграрного сектора экономики.

Рассматривая структуру данной экономической категории, необходимо выделять составляющие интеллектуального ресурса развития: организационный (человеческий) и потребительский (клиентский) ресурс. Такое структурирование позволит обеспечить формирование адекватных мер по наращиванию интеллектуального капитала.

Человеческий ресурс (потенциал), в свою очередь, обладает собственной совокупностью структурообразующих признаков, то есть способностью к самовозрастанию, и характеризуется инвестиционной природой, включенностью в отношения рыночного обмена. В то же время ему присущи и специфические черты. Интеллектуальный потенциал невозможно отделить от конкретного человека и передать другому собственнику. Он может возрасти, истощаться или деградировать в результате устаревания знаний и навыков.

По сравнению с материальным ресурсом у человеческого ресурса значительно более продолжительные сроки окупаемости. Так, период получения общего и специального образования занимает как минимум 10–15 лет, лишь затем вложения в человеческий потенциал начинают приносить отдачу, возрастающую в течение 5–7 лет по мере накопления навыков и опыта. Существенными особенностями обладает и сам человеческий потенциал: он может отличаться по результатам функционирования, в основе которых – природные задатки, мотивации, жизненная позиция, трудовая активность и усердие работников.

Вместе с этим следует признать, что расходы на образование, безусловно, способствуют увеличению объема и качества накопленных профессиональных знаний. При этом прибыль, получаемая от инвестиций в развитие интеллектуального ресурса, по данным экспертов, почти втрое превышает уровень прибыли, получаемой от инвестиций в технику и технологии.

Заметим, что если в 1990–1995 гг. число дошкольных образовательных учреждений в сельской местности составляло 1478 единиц, то к 2012 г. данный показатель составил 1007 единиц (сокращение в 1,5 раза); при этом численность детей, посещающих дошкольные учреждения, уменьшилась с 75,3 тыс. чел до 66,9 тыс. чел.

(на 12,5%). С 1990 по 2012 г. число общеобразовательных школ в сельской местности сократилось с 2767 до 1186 единиц, то есть в 2,3 раза.

Если отмеченные выше процессы являются следствием реализации мер по оптимизации бюджетных расходов, то здесь важно оценить последствия от сегодняшней экономии, так как масштабы потерь в будущем будут в разы превышать величину полученной экономии.

Одним из признаков региона, эффективно реализующего свой потенциал развития, является капитализация интеллектуального ресурса, реально превышающего стоимость основных фондов, материальных и финансовых активов. Это превышение формируется за счет реализации интеллектуального ресурса в форме поставленных продуктов и услуг, прибыли, получаемой от патентов, торговой марки, организации эффективных взаимоотношений с потребителями и т. д.

Большинство экспертов считают, что интеллектуальный ресурс эффективно функционирующей экономики обычно в 3–4 раза превышает учетную стоимость ее доходов. Кратное превышение объясняется тем, что получаемый результат реализации интеллектуального ресурса характеризуется не простым сложением его отдельных частей, а синергетическим эффектом их взаимодействия.

Следует отметить и другой факт: регионы не имеют прав собственности на интеллектуальный ресурс, могут выступать только его совладельцами наравне с носителем интеллектуального ресурса. Только признав факт равноправного владения, можно получать выгоду от управления этим нематериальным активом.

Учитывая специфику интеллектуального ресурса и его особую роль в современных условиях, необходимо совершенствовать всю систему государственного управления аграрным сектором экономики, менять менталитет государственного аппарата, внедрять нестандартные, особые подходы, направленные не на выполнение регламентов и директив, а на результативную и творческую работу по изменению ситуации в сфере АПК.

Таковы отправные принципиальные положения современной модели устойчивого развития, ориентированной на формирование и реализацию ключевых ресурсов развития аграрного сектора экономики, региона и страны в целом. При сложившемся уровне издержек только при четырех-пятикратном увеличении объемов производства в крупнотоварном секторе аграрной экономики можно рассчитывать на создание достойных условий жизнедеятельности людей, то есть условий труда и быта сельского населения, не уступающих городским условиям.

Таким образом, с одной стороны, необходимо развивать аграрную экономику, чтобы получить возможности для улучшения условий жизнедеятельности сельского населения. С другой стороны, чтобы дать мощный импульс развитию материального производства, необходимо перераспределить имеющиеся материальные ресурсы в направлении повышения профессионализма, нравственного и духовного содержания работающего человека, повышения уровня культуры, образования и укрепления нравственного здоровья. Тем более что в новой экономике человеческий и социальный капитал являются определяющим ресурсом экономического прогресса.

Литература

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Минасов М.Ш. Слагаемые устойчивого развития агропромышленного комплекса. – Уфа: БАГСУ, 2004.
3. Минасов М.Ш. Интеллектуальный потенциал региона – важнейший фактор устойчивого развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2012. – № 4. – С. 29–35.

Социальное предпринимательство в рамках муниципально-частного партнерства

З.САБИРОВА

Современная ситуация диктует необходимость применения новых подходов к развитию социальной сферы, в частности, внедрения государственно-частного партнерства (ГЧП), которое становится одним из ведущих инструментов социально-экономического развития как страны, так и ее регионов. Основной задачей такого партнерства является построение институциональной среды (в первую очередь – законодательной базы) таким образом, чтобы инвестиционный потенциал социального предпринимательства и те возможности, которыми обладают социально ориентированные некоммерческие организации, могли эффективно использоваться для оказания широкого спектра социальных услуг и формирования новой социальной инфраструктуры.

Сегодня в большинстве субъектов Российской Федерации приняты законы, регулирующие отношения государственно-частного партнерства. В Республике Башкортостан создана вся необходимая нормативная правовая база для подготовки проектов ГЧП: действуют Закон РБ от 30 мая 2011 г. № 398-з «Об участии Республики Башкортостан в государственно-частном партнерстве», Закон РБ от 11 июля 2012 г. № 565-з «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Башкортостан», Постановление Правительства РБ от 26 февраля 2013 г. № 59 «Об утверждении Порядка подготовки и реализации проектов государственно-частного партнерства с участием Республики Башкортостан» и др.

В Министерстве экономического развития РБ совместно с Внешэкономбанком создан региональный центр ГЧП на основе заключенного соглашения о сотрудничестве между государственной корпорацией «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» и Правительством Республики Башкортостан. Основные задачи центра – прогнозирование и мониторинг социально-экономических процессов в Республике Башкортостан с использованием механизмов государственно-частного партнерства, а также разработка мер по привлечению инвестиций в проекты с использованием механизмов ГЧП с участием республики.

В 2013 г. в Республике Башкортостан началась подготовка к реализации двух инвестиционных проектов: «Создание нового выезда из города Уфы на автомобильную дорогу федерального значения М-5 «Урал» (Восточный выезд)» и «Строительство автомобильной дороги общего пользования регионального значения Республики Башкортостан “Стерлитамак – Кага – Магнитогорск”». В 2014 г. в республике планируется утверждение не менее пяти концепций инвестиционных проектов ГЧП, среди которых такие проекты, как «Строительство автомобильной дороги “Старобалтачево – Мишкино”», «Создание на территории Республики Башкортостан участка межрегионального автодорожного маршрута “Волжский транзит”» и «Развитие системы автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения» [4].

Крупные инвестиционные проекты государственно-частного партнерства федерального и регионального уровня, как правило, реализуются с использованием механизмов концессионных соглашений, концепций жизненного цикла, других моделей ГЧП, предусматривающих вложение так называемых «длинных» финансовых средств.

Проектное финансирование в отраслях социальной сферы в рамках предоставления социальных услуг требует формирования особых подходов. Здесь уместно вспомнить,

Сабирова Земфира Эмильевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: zemfira-2601@mail.ru

что в теории и практике государственно-частного партнерства имеет место муниципально-частное партнерство (МЧП) – объединение материальных и нематериальных ресурсов органов местного самоуправления и партнеров на долговременной и взаимовыгодной основе для решения вопросов местного значения. По сути, это то же самое государственно-частное партнерство, но по вопросам местного значения.

Муниципально-частное партнерство способно обеспечить на длительную перспективу стабильный экономический рост местной экономики через обеспечение занятости, развитие таких сфер, как торговля, бытовое обслуживание населения, туризм и рекреация, народные промыслы, увеличение спроса на услуги отраслей социальной сферы, стимулирование предпринимательства. В целом муниципально-частное партнерство является одной из форм развития государственно-частного партнерства с иерархическим разделением ответственности, рисков и экономических выгод.

С нашей точки зрения, и государственно-частное, и муниципально-частное партнерство является формой общепринятого понимания публично-частного партнерства (public-private partnership) – сотрудничества органов публичной (государственной и местной) власти с частным бизнесом, общественными институтами, которое основывается на принципах достижения баланса публичных и частных интересов, экономической эффективности реализуемых проектов, социальной направленности деятельности и взаимной ответственности сторон за принятые обязательства при финансировании, строительстве и обслуживании объектов инфраструктуры, оказании публичных (государственных и муниципальных) услуг. Сотрудничество обеспечивает взаимодействие бизнеса, некоммерческих организаций и соответствующих уровней власти в процессе решения как общегосударственных, так и местных задач.

Проекты МЧП в социальной сфере носят преимущественно локальный характер и реализуются на уровне местного самоуправления. Инициатором партнерства выступает муниципальная администрация, реже – администрация субъекта Федерации. Развитие форм муниципально-частного партнерства зависит от многих факторов: уровня социально-экономического развития муниципалитета, наличия нормативно-правовой базы по вопросам ГЧП, долгосрочных и среднесрочных программ социально-экономического развития территории.

Важнейшим условием успешной реализации МЧП является разработка концепций развития социальной сферы муниципального образования как главного звена в цепочке ответственности за обеспечение социальных гарантий населению.

Муниципально-частное партнерство может осуществляться только при наличии взаимной выгоды партнеров. При этом следует учитывать, что выгода для участников такого партнерства имеет разные, зачастую противоположные основания. Чтобы правильно сформулировать условия успешной реализации МЧП, нужно хорошо понимать природу выгоды для органов публичной власти и природу выгоды для бизнеса. Само возникновение муниципально-частного партнерства как новой формы взаимодействия его участников продиктовано теми возможностями, которые заложены в данном механизме: он позволяет извлечь существенные выгоды для каждого участника такого партнерства (обеспечение субъектов предпринимательства необходимыми ресурсами развития и формирование рынков сбыта производимой продукции и услуг, а также решение комплекса социально-экономических проблем развития муниципальных образований).

Практика свидетельствует, что социально ориентированные предприниматели начинают свое дело в рамках малого бизнеса. В этой связи именно социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) и малый бизнес являются основными организационными моделями для старта социального предпринимательства. Однако каждая из организационных форм имеет недостатки, связанные с целеполаганием их деятельности: для НКО это недостаточный опыт бизнес-планирования, разработки маркетинговой стратегии и др.; для малого бизнеса – недостаточная конкретизация и проработка социальных задач, которые решаются в основном по остаточному принципу.

В Республике Башкортостан институциональной поддержкой для субъектов социального предпринимательства и СО НКО должна стать деятельность автономной некоммерческой организации «Инфраструктурные проекты Республики Башкортостан», направленная на предоставление услуг по реализации мероприятий по развитию малого и среднего предпринимательства в регионе, развитие и продвижение социальных проектов субъектов малого и среднего предпринимательства, поддержку и сопровождение социально ориентированных некоммерческих организаций, расширение внешнеэкономического сотрудничества и содействие выходу экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства на международные рынки товаров, услуг и технологий с учетом задач модернизации экономики и перевода ее на инновационный путь развития [1].

Конкретное решение задач развития социального предпринимательства в регионе возложено на Центр инноваций социальной сферы Республики Башкортостан (ЦИСС РБ), который является структурным подразделением АНО «Инфраструктурные проекты Республики Башкортостан» и должен стать площадкой для профессионального взаимодействия всех участников социальных инициатив, агрегации лидеров и проектов социальной значимости.

В качестве субъектов малого предпринимательства, в том числе социального, являющихся потенциальными партнерами органов местной власти в процессе реализации проектов муниципально-частного партнерства, можно рассматривать:

- малые предприятия социально ориентированных сфер деятельности, например, малые предприятия, предоставляющие определенные виды социально значимых услуг в системе бытового обслуживания населения (в настоящее время такие предприятия на территории муниципальных образований представлены слабо и развиты в недостаточной степени);

- малые предприятия сфер деятельности, которые представляют интерес для развития экономики территории (туризм, народные промыслы и др.);

- малые предприятия, способствующие решению определенных социальных проблем на территории муниципального образования (например, занятость лиц с ограниченными возможностями, решение проблем женской и молодежной безработицы, локального рынка труда в целом и др.).

Эффективная поддержка социального предпринимательства невозможна без комплексной законодательной основы. Однако в настоящее время федеральное законодательство не содержит определения социального предпринимательства. В 2011 г. Министерство экономического развития РФ выпустило приказ, в котором попыталось сформулировать понятие социального предпринимательства и оговорить возможность получения грантов теми, кто под это определение подпадает. Социальное предпринимательство определялось как деятельность, направленная на обеспечение занятости инвалидов, матерей, имеющих детей в возрасте до трех лет, выпускников детских домов, а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы, при условии, что среднесписочная численность указанных категорий граждан среди работников компаний социального бизнеса составляет не менее 50 %, а доля в фонде оплаты труда – не менее 25 %. По мнению специалистов, формулировка оказалась неудачной (в частности, социальным предпринимателем почему-то признавался только тот, кто действует в сфере социального предпринимательства не больше года).

Другим препятствием на пути внедрения механизмов государственно-частного (муниципально-частного) партнерства является то, что на сегодняшний день нормы законодательства Российской Федерации предусматривают возможность использования ограниченного числа моделей ГЧП, которое осуществляется преимущественно в рамках реализации концессионных соглашений. Это существенно ограничивает возможности частных инвесторов по привлечению кредитных средств и осуществлению экономического взаимодействия с публично-правовыми образованиями, в частности с муниципалитетами.

В связи с этим в Государственной Думе РФ проходит чтение проект федерального закона № 238827-6 «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации», цель которого – создание единых правовых условий для привлечения частных инвестиций на основе ГЧП в экономику Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований, а также повышение качества и обеспечение доступности предоставляемых населению услуг. При этом законопроект определяет основы государственного регулирования ГЧП, полномочия Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований при реализации соглашений о ГЧП [2].

Следует отметить, что согласно законопроекту публичным партнером может являться не только Российская Федерация и/или субъект (субъекты) РФ, но и/или орган (органы) местного самоуправления в лице уполномоченных ими органов. В законопроекте также определены собственные полномочия муниципальных образований при реализации муниципальными образованиями соглашений о ГЧП.

В то же время необходимо учитывать, что местное самоуправление не является уровнем государственной власти и предназначено для решения местных публичных задач в целях удовлетворения основных жизненных потребностей населения муниципальных образований. Вопросы местного значения могут и должны решать именно органы местного самоуправления или население непосредственно, их передача органам государственной власти, в том числе на основе соглашений, не допускается.

В связи с изложенным, по мнению экспертов, в законопроект необходимо ввести понятие «муниципально-частное партнерство», предусматривающее участие в нем муниципальных образований в лице уполномоченных органов местного самоуправления в качестве публичного партнера и их взаимодействие на основе соглашений с частными партнерами в целях повышения качества и обеспечения доступности предоставляемых услуг населению, привлечения в экономику частных инвестиций. С точки зрения экспертов, необходимо различать понятия «государственно-частное партнерство» и «муниципально-частное партнерство». Для случая заключения многосубъектного соглашения о партнерстве между органами государственной власти, органами местного самоуправления и частным партнером в законопроект следует ввести понятие «государственно-муниципально-частное партнерство» [3].

В условиях, когда рецессия породила определенные трудности, связанные с реализацией масштабных ГЧП-проектов, растет спрос на использование инструментов муниципально-частного партнерства. При этом приоритетным сектором для взаимовыгодного сотрудничества являются объекты социальной инфраструктуры как основы развития территорий, формирования центров достойной и благополучной жизни населения. Но для этого государство, органы местной власти должны научиться воспринимать социальных предпринимателей, социально ориентированные некоммерческие организации как полноправных контрагентов в решении задач модернизации отраслей социальной сферы и создавать адекватную целям и задачам партнерства законодательную базу, инфраструктуру поддержки.

Литература

1. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 18 июля 2013 г. № 319 «О создании автономной некоммерческой организации “Инфраструктурные проекты Республики Башкортостан” и внесении изменений в некоторые решения Правительства Республики Башкортостан».
2. Проект федерального закона № 238827-6 «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации».
3. Волков В.В. Формирование правовых основ муниципально-частного партнерства в России // Практика муниципального управления. – 2013. – № 6. – С. 18–21 .
4. Официальный сайт Правительства РБ. – http://pravitelstvorb.ru/press_office/newsline/detail.php?ID=5419

Мотивационные аспекты внедрения формата административного содействия предпринимательству в муниципальном образовании

С.РЕЙТЕР

В настоящее время перспективы дальнейшего социально-экономического развития муниципальных образований связывают, как правило, с ростом сегмента малого предпринимательства. На всех уровнях государственной власти декларируется необходимость обращать особое внимание на развитие малого бизнеса, принимаются соответствующие нормативно-правовые акты, разрабатываются новые программные документы. Однако, с точки зрения большинства экспертов, потенциал малого и среднего бизнеса в муниципальных образованиях остается далеко не раскрытым и до конца не реализованным, что позволяет рассматривать обозначенный сектор экономики как серьезный резерв для повышения уровня социально-экономического развития территории. В настоящее время развитие малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях в определенной мере сдерживается ввиду недостаточности стимулов у органов местного самоуправления заниматься развитием данного сектора экономики. Отсутствие системной экономической мотивации у муниципальных администраций порождает модель поведения местной власти, характеризующуюся отношением к малому бизнесу как к вспомогательному сектору экономики, влияние которого на социально-экономическое развитие территории крайне незначительно.

Вместе с тем, как показывает опыт некоторых субъектов РФ, дальнейшее успешное развитие предпринимательства уже невозможно без принятия серьезных мер поддержки как со стороны органов местного самоуправления, так и со стороны органов региональной власти [1]. В деловой практике российских регионов имеется несколько удачных примеров, демонстрирующих, как благодаря активной позиции органов местного самоуправления и нетривиальным подходам к стимулированию предпринимательства в отдельных муниципальных образованиях в кратчайшие сроки удавалось вывести малый бизнес на совершенно иной уровень развития¹.

Таким образом, возникает необходимость разработки и внедрения комплекса организационно-мотивационных мер, позволяющих полнее раскрыть потенциал в сфере содействия развитию малого предпринимательства в муниципальном образовании, который имеется в арсенале местных органов власти. Его высокопродуктивная реализация, как показывает практика, вполне возможна при грамотной организации работы [5]. В конечном итоге организационно-мотивационные мероприятия должны способствовать формированию на территории муниципального образования формата административного содействия бизнесу, который предполагает *максимальное использование* всего имеющегося административного, ресурсного, нормативно-правового потенциала органов местной власти для увеличения доли малого и среднего предпринимательства в структуре экономики муниципального образования с одновременным поиском дополнительных механизмов стимулирования деловой активности и снижения уровня оппортунистического поведения со стороны бизнеса.

В этом контексте представляется, что одним из механизмов, способных реально стимулировать процесс активизации деятельности местных администраций по развитию малого предпринимательства на территории муниципального образования, является

Рейтер Станислав Евгеньевич, аспирант кафедры «Экономика и менеджмент» Уфимского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: ugaes.kafedrauietp@mail.ru

¹Таким примером может служить Саткинский район Челябинской области, где за последние три года число занятых в малом бизнесе выросло с 5434 до 11413 человек.

кратное увеличение объемов налогов от предпринимательской деятельности, зачисляемых в местные бюджеты. И в этом вопросе крайне важна активная позиция региональных органов власти в сфере межбюджетного регулирования. Согласно Бюджетному кодексу РФ, к налогам от предпринимательской деятельности, зачисляемым в местные бюджеты, в настоящее время можно отнести: единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности (100 %), единый сельскохозяйственный налог (100 %) и в некоторой степени налог на доходы физических лиц (до 15 %).

Однако наиболее серьезный мотивационный потенциал для местных администраций имеет практика дополнительного закрепления субъектами Российской Федерации за местными бюджетами отчислений от федеральных и региональных налогов. Так, этим правом в 2012 г. воспользовались 72 субъекта Российской Федерации. Помимо отчислений от налога на доходы физических лиц, они установили на постоянной основе единые нормативы отчислений по следующим видам федеральных и региональных налогов и сборов: налог на имущество организаций – 11 регионов; налог на прибыль организаций – 7 регионов; налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых – 13 регионов; налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, – 26 регионов; налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения по патенту, – 23 региона; акцизы – 9 регионов. При этом установленные субъектами Российской Федерации нормативы отчислений от налога на доходы физических лиц обеспечили дополнительное поступление в местные бюджеты 14,1 млрд руб., от налога на прибыль организаций – 10,1 млрд руб., налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, – 21,9 млрд руб., налога на имущество организаций – 3,7 млрд руб., транспортного налога – 7,9 млрд руб., налога на добычу полезных ископаемых – 1,2 млрд руб., акцизов – 0,1 млрд руб. [2].

По нашему мнению, эту практику необходимо расширять и законодательно выходить на следующую модель установления единых нормативов отчислений по федеральным и региональным налогам и сборам, уплачиваемых предпринимательскими структурами в связи с осуществлением хозяйственной деятельности:

- базовые нормативы отчислений по федеральным и региональным налогам и сборам, устанавливаемые в одинаковом объеме для всех муниципальных образований;
- стимулирующие нормативы отчислений по федеральным и региональным налогам и сборам, ежегодно устанавливаемые для муниципальных образований по результатам работы, связанной с развитием малого и среднего предпринимательства за предыдущий период (отчетный год).

При этом стимулирующие нормативы отчислений по федеральным и региональным налогам и сборам должны иметь достаточно привлекательные значения для администраций муниципальных образований. Так, например, для категории базовых нормативов может быть выбран налог, уплачиваемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения (до 100 %), а дополнительные стимулирующие нормативы могут устанавливаться в отношении налога на прибыль организаций, взимаемого на территории муниципального образования. С учетом того, что на современном этапе реформы местного самоуправления большинство муниципальных бюджетов являются глубоко дефицитными, дополнительный источник финансовых ресурсов будет являться серьезным стимулом для местных администраций в деле активного содействия малому предпринимательству на своей территории.

В целях установления стимулирующих нормативов отчислений по федеральным и региональным налогам и сборам в местные бюджеты нами предложена методика мониторинга уровня развития малого бизнеса на территории муниципального образования. Данная методика основана на шкалировании отобранных индикативных показателей, характеризующих отдельные параметры развития малого предпринимательства, путем приведения их к безразмерным величинам. Таким

образом, шкалирование осуществляется путем отнесения разницы между индикативным показателем муниципального образования и минимальным показателем среди муниципальных образований к разнице максимума и минимума показателей и рассчитывается по следующей формуле:

$$IP_i^j = \frac{IP_i^j - IP_{\min i}}{IP_{\max i} - IP_{\min i}},$$

где IP_i^j – i -й индикативный показатель j -го муниципального образования; $IP_{\min i}$ – минимальное значение i -го индикативного показателя среди всей выборки исследуемых муниципальных образований; $IP_{\max i}$ – максимальное значение i -го индикативного показателя среди всей выборки исследуемых муниципальных образований.

Для определения интегрального показателя уровня развития малого предпринимательства в муниципальном образовании IP_j используется следующая формула:

$$IP_j^j = \sum_{i=1}^n IP_i \cdot \varphi_i,$$

где IP_j^j – интегральный показатель j -го муниципального образования, IP_i – i -й индикативный показатель уровня развития малого предпринимательства в муниципальном образовании IP_j^j , φ_i – весовое значение i -го индикативного показателя.

Введение весовых значений диктуется необходимостью определения приоритетов для органов местного самоуправления в сфере содействия развитию малого предпринимательства.

При этом система весов выстраивается таким образом, что:

$$\begin{cases} \sum_{j=1}^n \varphi_j = 1 \\ \varphi_j \geq 0, j = \overline{1, n} \end{cases}.$$

В отличие от существующих подходов, предлагаемая методика предполагает проведение оценки с учетом весовых значений не отдельных показателей, а группировок индикативных показателей – категорий. Это дает возможность в случае увеличения объема статистической информации оперативно вводить новые индикативные показатели в необходимую категорию, не пересматривая значения весовых коэффициентов категории. С этой целью всю совокупность показателей, характеризующих развитие малого предпринимательства в муниципальном образовании, мы предлагаем сгруппировать по категориям с присвоением следующих значений: категория индикаторов прямых социальных эффектов – IP_{PSE} ; категория индикаторов косвенных социальных эффектов – IP_{KSE} ; категория индикаторов экономической активности предпринимательских структур – IP_{EA} ; категория индикаторов инвестиционно-инновационной активности предпринимательских структур – IP_{IIA} (табл. 1). Выделяя в отдельную категорию индикаторы инвестиционно-инновационной активности предпринимательских структур, мы исходили из того, что данное направление деятельности субъектов малого предпринимательства является важнейшим показателем перспектив развития бизнеса на территории муниципального образования и поэтому требует отдельной оценки с целью мониторинга потенциала способности экономических акторов муниципальных образований адаптироваться к современным требованиям рыночной среды. Однако, с точки зрения общественной полезности, на

данный момент эта категория индикативных показателей по своей значимости уступает другим категориям, и поэтому в нашем рейтинге она отнесена к четвертому уровню.

Таблица 1

Категории индикативных показателей развития малого предпринимательства в муниципальных образованиях

Категории индикативных показателей	Индикативные показатели прямых социальных эффектов IP_{PSE}	Индикативные показатели косвенных социальных эффектов IP_{KSE}	Индикативные показатели экономической активности предпринимательских структур IP_{EA}	Индикативные показатели инвестиционно-инновационной активности предпринимательских структур IP_{IIA}
Перечень индикативных показателей, включенных в категорию	Индикативные показатели уровня заработной платы работников малых предприятий, численности работников, занятых в малом предпринимательстве	Индикативные показатели налоговых и неналоговых поступлений в местные бюджеты от субъектов малого предпринимательства	Индикативные показатели экономической активности предпринимательских структур (показатели числа МП, ИП, КФХ и т.д., а также показатели, характеризующие экономическую результативность деятельности субъектов малого предпринимательства за исключением инвестиционно-инновационных индикаторов)	Индикативные показатели инвестиционно-инновационной активности субъектов малого предпринимательства

*Перечень показателей, включенных в определенные категории, может расширяться по мере получения новых статистических данных.

Далее следует определить весовые значения всех категорий индикативных показателей. Ранжируя категории по степени важности, мы исходили из того, что для органов местного самоуправления в работе по развитию предпринимательства приоритетными являются критерии, позволяющие оценивать вклад бизнеса в решение социальных задач развития местных сообществ. Необходимо отметить, что в современной России субъекты малого бизнеса выполняют прежде всего социальную, а уже затем экономическую функцию. С этой точки зрения оценке должны подвергаться в первую очередь показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, характеризующие степень участия бизнеса в развитии местных сообществ [4]. В соответствии с данным подходом показатели, отражающие качество развития предпринимательства в муниципальном образовании, мы предлагаем ранжировать по следующим категориям с учетом степени их важности для социально-экономического развития территории. По нашему мнению, с точки зрения полезности для местных сообществ индикаторы деятельности субъектов малого предпринимательства по степени важности могут быть ранжированы по четырем уровням:

- индикативные показатели прямых социальных эффектов;
- индикативные показатели косвенных социальных эффектов;
- индикативные показатели экономической активности предпринимательских структур;
- индикативные показатели инвестиционно-инновационной активности предпринимательских структур.

С учетом проведенного ранжирования каждой категории индикативных показателей может быть присвоено весовое значение. Для расчета весовых значений представляется возможным использовать правило Фишберна, согласно которому:

$$\varphi_i = \frac{2 \cdot (n - i + 1)}{n \cdot (n + 1)} .$$

На основе проведенных расчетов для выделенных категорий индикативных показателей мы получили следующие весовые значения (табл. 2).

Весовые значения индикативных показателей

№	Категории индикативных показателей	Весовое значение φ_i
1	Индикативные показатели прямых социальных эффектов IP_{PSE}	0,4
2	Индикативные показатели косвенных социальных эффектов IP_{KSE}	0,3
3	Индикативные показатели экономической активности предпринимательских структур IP_{EA}	0,2
4	Индикативные показатели инвестиционно-инновационной активности предпринимательских структур IP_{IIA}	0,1

Таким образом, формула расчета оценки уровня развития малого предпринимательства в муниципальном образовании может быть представлена в следующем виде:

$$IP_I = \left(\sum_{i=1}^n IP_{PSE}^i \cdot \varphi_{IP_{PSE}} \right) + \left(\sum_{i=1}^n IP_{KSE}^i \cdot \varphi_{IP_{KSE}} \right) + \left(\sum_{i=1}^n IP_{EA}^i \cdot \varphi_{IP_{EA}} \right) + \left(\sum_{i=1}^n IP_{IIA}^i \cdot \varphi_{IP_{IIA}} \right),$$

где IP_I – интегральный показатель развития малого предпринимательства в муниципальном образовании; IP_{PSE}^i – i -й индикативный показатель категории прямых социальных эффектов СМП; $\varphi_{IP_{PSE}}$ – весовое значение категории прямых социальных эффектов СМП; IP_{KSE}^i – i -й индикативный показатель категории косвенных социальных эффектов СМП; $\varphi_{IP_{KSE}}$ – весовое значение категории косвенных социальных эффектов СМП; IP_{EA}^i – i -й индикативный показатель категории экономической активности СМП; $\varphi_{IP_{EA}}$ – весовое значение категории экономической активности СМП; IP_{IIA}^i – i -й индикативный показатель категории инвестиционно-инновационной активности СМП; $\varphi_{IP_{IIA}}$ – весовое значение категории инвестиционно-инновационной активности СМП; n – число индикативных показателей в категории.

С учетом определенных весовых значений для каждой категории индикативных показателей данную формулу можно представить в следующем виде:

$$IP_I = \left(\sum_{i=1}^n IP_{PSE}^i \cdot 0,4 \right) + \left(\sum_{i=1}^n IP_{KSE}^i \cdot 0,3 \right) + \left(\sum_{i=1}^n IP_{EA}^i \cdot 0,2 \right) + \left(\sum_{i=1}^n IP_{IIA}^i \cdot 0,1 \right).$$

После проведения расчетов на основе полученных результатов муниципальные образования ранжируются и исходя из места в рейтинге получают (или не получают) право на определенный объем дополнительных стимулирующих нормативов отчислений по федеральным и региональным налогам и сборам. При этом объемы дополнительных стимулирующих отчислений (ОДСО) от региональных налогов и сборов в муниципальный бюджет могут быть дифференцированы в зависимости от качества работы местных администраций по развитию малого предпринимательства.

Таблица 3

Оценочная шкала для определения ОДСО от региональных и федеральных налогов в местные бюджеты*

Место МО в рейтинге	ОДСО от региональных и федеральных налогов в местные бюджеты (% от налога на прибыль организации)
1–3	2 %
4–6	1,5 %
7–9	1 %

* Выбранные и введенные в оценочную шкалу параметры носят примерный характер и могут быть изменены как по видам налогов, так и по объемам отчислений в зависимости от характера региональной бюджетной политики.

Для учета имеющейся дифференциации социально-экономического потенциала муниципальных образований предлагаемый мониторинг целесообразно проводить по трем группам муниципальных образований:

- муниципальные районы с районным центром сельским поселением;
- муниципальные районы с районным центром городским поселением;
- городские округа.

На основе данного подхода в целях дополнительного стимулирования органов местного самоуправления нами была оценена эффективность развития малого предпринимательства в муниципальных районах Республики Башкортостан, имеющих в своем составе городское поселение (на базе данных за 2012 г.). Практическое отсутствие качественной статистической информации, характеризующей развитие малого предпринимательства в разрезе муниципальных образований, привело к тому, что в каждую категорию был введен и использован при расчетах только один показатель. Так, в качестве индикативных показателей были выбраны: по категории IP_{PSE} – доля среднесписочной численности работников МСП в среднесписочной численности работников всех предприятий и организаций (%); по категории IP_{KSE} – объем единого налога на вмененный доход (ЕНВД) (руб.); по категории IP_{EA} – число МСП в расчете на 10 тыс. чел. населения (ед.); по категории IP_{IA} – объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 жителя (руб.)¹. Результаты, полученные по итогам проведенных расчетов, позволяют ранжировать муниципальные образования следующим образом (табл. 4). Проведенные расчеты и, соответственно, составленный рейтинг носят только характер примера, так как для более адекватной оценки уровня развития малого предпринимательства в муниципальном образовании необходимо в расчетные данные вводить большее число индикативных показателей.

Таблица 4

Расчетная таблица уровня развития малого предпринимательства для целей определения ОДСО от региональных и федеральных налогов в местные бюджеты

Муниципальное образование	IP_{PSE}	IP_{KSE}	IP_{EA}	IP_{IA}	IP_I	Место в рейтинге	ОДСО (% налога на прибыль организаций)
МР Баймакский район	0,226	0,015	0,110	0,001	0,352	9	1
МР Белебеевский район	0,261	0,223	0,200	0,007	0,691	1	2
МР Белорецкий район	0,256	0,3	0,118	0,004	0,678	2	2
МР Бирский район	0,303	0,094	0,070	0,002	0,469	7	1
МР Благовещенский район	0,179	0,053	0,086	0,021	0,339	10	–
МР Давлекановский район	0,4	0,000	0,117	0,002	0,519	5	1,5
МР Дюртюлинский район	0,169	0,072	0,000	0,004	0,245	12	–
МР Ишимбайский район	0,187	0,108	0,079	0,011	0,385	8	1
МР Мелеузовский район	0,236	0,133	0,106	0,1	0,575	4	1,5
МР Туймазинский район	0,274	0,261	0,100	0,011	0,646	3	2
МР Учалинский район	0,000	0,140	0,113	0,038	0,291	11	–
МР Янаульский район	0,314	0,040	0,131	0,000	0,485	6	1,5

¹Необходимо отметить, что все индикаторы (за исключением показателя объемов единого налога на вмененный доход) взяты из перечня показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления, утвержденных Указом Президента РФ № 607 от 28 апреля 2008 г. [6]. В то же время, с нашей точки зрения, в данном перечне недостаточное внимание уделено оценке деятельности местных администраций по развитию экономической базы муниципальных образований. В частности, мы считаем целесообразным расширить список критериев, характеризующих деятельность органов местного самоуправления по стимулированию малого предпринимательства на территории (например, путем введения дополнительного регионального перечня показателей, которые позволяют оценивать различные параметры развития малого предпринимательства на местах).

Предложенный методический подход к формированию мотивационных основ внедрения формата административного содействия предпринимательству в муниципальном образовании в случае применения на практике может стать хорошим стимулом для местных администраций обратить более пристальное внимание на проблему развития малого бизнеса.

Литература

1. Дегтярев А.Н., Маликов Р.И., Гришин К.Е. Взаимная лояльность как условие модернизации системы взаимодействия бизнеса и власти: региональный аспект // *Экономическая политика*. – 2013. – № 5. – С. 168–186.
2. Информация о результатах мониторинга местных бюджетов Российской Федерации по состоянию на 1 января 2013 года. [Электронный ресурс]. – www.minfin.ru/ru/
3. Калюжнова Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации. – М.: ТЕИС, 2003. – 526 с.
4. Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Гришин К.Е., Исаев Ф.Э. Разработка системы мониторинга влияния административного регулирования на эффективность предпринимательской деятельности в муниципальном образовании // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. – 2013. – № 5. – С. 33–40.
5. Тамов А.А., Науменко А.В. Методологические аспекты формирования системы стратегического управления экономикой муниципального образования // *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика*. – 2011. – № 4. – С. 105–109.
6. Указ Президента РФ № 607 от 28 апреля 2008 г. «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [Электронный ресурс]. – <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136553>
7. Хомченко Ю. Бизнес в маленьком городе [Электронный ресурс]. – <http://journal.dasreda.ru/power/4503-biznes-v-malenkom-gorode>

Преодоление информационного неравенства как условие модернизации системы государственного управления

Р.АХМЕТЬЯНОВА, Р.ИМИЛЬБАЕВА

Современной тенденцией глобального мира является дифференциация стран не только по экономическим, но и по информационным критериям. Сегодня можно говорить о появлении новой формы социального неравенства, определяемого уровнем развития информационно-коммуникационных технологий.

В настоящее время Россия находится на стадии формирования информационного общества, которое характеризуется высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием со стороны органов государственной власти, бизнеса, граждан. Информационно-коммуникацион-

Ахметьянова Римма Анасовна, канд. социол. наук, доцент Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: ahmgimma@mail.ru
Имилбаева Регина Резбаевна, магистр по направлению «Менеджмент». E-mail: regina-imilbaeva@yandex.ru

ные технологии коренным образом меняют содержание различных видов деятельности, повышают эффективность управления, способствуют выводу страны на новый, более высокий уровень информационного обеспечения процессов принятия управленческих решений, взаимодействия гражданского общества и государства.

Повысить эффективность государственного управления, качество предоставления государственных услуг, уровень доступности информации о результатах деятельности государственных органов позволяет «электронное правительство» – новая форма организации управленческой деятельности органов государственной власти на основе информационных технологий. Однако результаты внедрения «электронного правительства» в России в последние годы свидетельствуют о том, что задачи обеспечения доступности информации о деятельности органов государственной власти, повышения эффективности процессов оказания услуг и перевода взаимоотношений между органами государственного управления, гражданами и бизнесом в электронный вид практически не были решены.

Несмотря на рост темпов информатизации в нашей стране, разрыв между Россией и передовыми странами по уровню развития информационных технологий сохраняется: доля производства и исследований в области информационных технологий, компьютерная грамотность населения страны по-прежнему остаются на низком уровне.

Понятие «информационное неравенство» методологически взаимосвязано с понятием «социальная структура общества». Социальная структура характеризует два основных момента устройства общества: системно-организационный и стратификационный. Так, с одной стороны, структура есть система отношений, организующих общество в единое целое, а с другой стороны – это иерархически организованная совокупность статусов, групп, слоев или классов.

Проблема информационного неравенства имеет прежде всего социальную направленность. Информационное неравенство представляет собой различия в уровне использования возможностей и преимуществ информационных технологий во всех сферах общественной жизни: в управлении, образовании, бизнесе, организации досуга и т. д. Информационное неравенство отражается на социальной структуре современного российского общества, поскольку использование информационно-коммуникационных технологий тесно связано с уровнем информационной мотивации личности, которая зависит от уровня образования, доходов, места проживания и других социально-экономических характеристик индивида.

С одной стороны, информационное неравенство определяется различиями в уровне развития информационной инфраструктуры, с другой – оно может рассматриваться как мера доступа индивида к электронной информации.

В структуре современного российского общества по отношению к использованию информационно-аналитических технологий могут быть выделены следующие группы населения. Первая группа – активные пользователи. Это «информационная элита», состоящая из людей, широко использующих новые возможности. Вторая группа – это те, кто хочет использовать ИКТ, но пока не может по техническим или иным причинам. Эта группа представляет собой социальную базу дальнейшей информатизации. В третью группу входят те, кто не хочет использовать ИКТ, поскольку для них все, что связано с ИКТ, находится в зоне отчуждения (это информационно пассивная часть населения, не склонная к использованию новшеств) [1]. Вторую и третью группы населения можно отнести к категории «информационная бедность» по принципу доступа к современным информационным и коммуникационным технологиям [1]. «Информационная бедность» в современных условиях означает низкий уровень образования, отсутствие доступа к качественному медицинскому обслуживанию, рынку труда, низкий уровень общественной активности [2].

Процессы социальной стратификации населения отразились на процессах становления информационной культуры, связанной с производством и потреблением информации. Информационное неравенство дифференцирует социальные общности как

на уровне государства, так и на уровне семьи и индивида. По степени вовлеченности в информационно-коммуникационные технологии современное российское общество разделено на две неравные части: на тех, кто активно овладевает (или уже овладел) современными информационными технологиями, является активным потребителем всевозможных услуг, в том числе государственных и муниципальных, в «электронном формате», и тех, кто слабо включен в эти процессы [2]. К первой части общества можно отнести российский «средний класс», который пока немногочисленен.

Информационно пассивные группы социума – возможный резерв социальных сил, способных пополнить информационное общество. Их можно «раскачать», вовлечь в современную жизнь, подготовить к жизни и работе в информационном обществе. Использование социумом возможностей информационно-коммуникационных технологий детерминировано рядом факторов: организационно-правовая база в сфере информатизации общества; информированность социума о возможностях информационных технологий; наличие информационно-коммуникационных потребностей у индивидов; экономические возможности индивида по удовлетворению своих информационных потребностей.

Однако государство и общество сталкиваются с рядом проблем в рассматриваемой сфере. Так, в связи с нечеткой формулировкой целей, механизмов, прогнозных показателей развития информационного общества внедрение «электронного правительства» в России не привело к существенному повышению качества жизни граждан, снижению уровня коррупции и бюрократии, повышению эффективности процессов государственного регулирования. Отсутствие организационно-правовой базы формирования «электронного правительства» во многом обусловлено слабостью институтов гражданского общества и характером взаимоотношений между государством и гражданами.

Отсутствие централизованного подхода к созданию единой информационно-коммуникационной системы приводит к несовместимости информационных систем на федеральном и региональном уровнях, что является одной из причин информационного неравенства между регионами. Внутри каждого региона также наблюдается разрозненность во внедрении информационных систем: каждое ведомство в рассматриваемой сфере имеет свою стратегию: одни с легкостью приспосабливаются к деятельности в информационной среде, другие менее подготовлены к межведомственной информационной интеграции. Это характерно и для Республики Башкортостан.

Электронные услуги как новая область предоставления услуг населению за сравнительно короткое время получили высокую социальную оценку. Однако в процессе реализации предоставления государственных услуг в электронном виде возникло немало проблем. Параметры предоставления государственных услуг в электронном виде не соответствуют прогнозам концепции «Развитие информационного общества в Республике Башкортостан на 2012–2017 гг.». Несмотря на внедрение соответствующих инструментов электронной демократии в настоящее время отсутствует возможность дистанционного взаимодействия между органами исполнительной власти и населением на всех стадиях предоставления государственных услуг.

Информатизация требует определенного уровня компьютерной грамотности населения. В ходе экспертного опроса сотрудников информационных подразделений органов государственного управления Республики Башкортостан¹ было выявлено, что компьютерная грамотность населения республики остается достаточно низкой. Средний уровень компьютерной грамотности населения в Республике Башкортостан эксперты оценили в 4,9 балла по шкале от 1 до 10.

¹Исследование проведено Р.Р.Имильбаевой в 2013 г. в рамках выполнения магистерской диссертации «Повышение эффективности государственного управления в Республике Башкортостан на основе использования современных информационных технологий» (науч. рук. Р.А.Ахметьянова).

Несмотря на приемлемый уровень технической оснащенности, многие граждане не используют возможности информационно-коммуникационных технологий. По мнению экспертов, большинство граждан не осведомлены о существовании порталов электронных услуг, многофункциональных центров и универсальной электронной карты, в недостаточной мере происходит продвижение информации о новых способах получения государственных и муниципальных услуг. Эксперты считают, что у граждан отсутствует заинтересованность в освоении новых форм взаимодействия с государством, что обусловлено как низкой степенью надежности защиты персональных данных, так и отсутствием заинтересованности со стороны самих чиновников в продвижении государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Кроме того, как отмечают эксперты, техническая реализация порталов государственных услуг не завершена. Для пользователей остается недоступной часть интернет-ресурсов, необходимых для получения сведений, связанных с приоритетными государственными и муниципальными услугами.

Фактами, подтверждающими вышеприведенные выводы по вопросу предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, являются результаты социологического опроса экспертов: уровень организации предоставления государственных услуг в электронном виде в Республике Башкортостан эксперты оценили в 5,23 балла по шкале от 1 до 10; уровень качества предоставления государственных услуг в электронном виде в Республике Башкортостан – в 6,03 балла по шкале от 1 до 10; уровень качества предоставления государственных услуг многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Башкортостан – в 6,63 балла по шкале от 1 до 10; уровень эффективности предоставления электронных государственных услуг в Республике Башкортостан – в 5,2 балла по шкале от 1 до 10; уровень эффективности безопасности информационных систем и персональных данных в Республике Башкортостан эксперты оценили в 5,53 балла по шкале от 1 до 10.

В настоящее время в России не существует единых стандартов и требований к техническому и программному обеспечению государственных органов, что приводит к несовместимости существующих систем. Информационные системы формируются каждым ведомством отдельно, отсутствует единая нормативно-правовая база, а создание «электронного правительства» невозможно без оперативного взаимодействия между министерствами и ведомствами. На сегодняшний день уровень организации предоставления государственных услуг в электронном виде не соответствует прогнозным показателям. В большинстве случаев гражданам приходится лично обращаться в государственные структуры и собирать те или иные документы в бумажном виде. С увеличением объема баз данных возрастают риски защиты персональных данных, что во многом обусловлено несовершенством законодательства в данной сфере.

Задачи повышения уровня удовлетворенности граждан качеством государственных и муниципальных услуг, предоставления их в электронном виде, развития многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг являются приоритетными в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В то же время, несмотря на то, что в органах государственной власти Республики Башкортостан создана базовая информационно-коммуникационная инфраструктура в виде компьютерного и сетевого оборудования, уровень развития и использования прикладных информационных систем является недостаточным.

Обратная связь между государством и обществом остается слабой, что осложняет внедрение механизма управления, основанного на повышении прозрачности и эффективности деятельности. Государственные служащие практически в этом не заинтересованы, а население воспринимает инновационные изменения с опаской и не доверяет им. Положение усугубляется низкой компьютерной грамотностью населения.

Формирование «электронного правительства», предоставление электронных услуг, развитие интернет-коммуникаций – это приоритетные направления демократизации общества. Реализация информационного сопровождения «электронного правительства», проведение мероприятий по разъяснению особенностей реформ, организация мониторинга общественного мнения позволят повысить активность граждан в сфере использования информационных технологий. Главным результатом внедрения и применения современных информационно-коммуникационных технологий в системе государственного управления республики должно стать повышение качества жизни граждан и эффективности деятельности органов исполнительной власти. Функционирование «электронного правительства» позволит повысить эффективность не только государственного управления и местного самоуправления, но и взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти. В то же время формирование «электронного правительства» возможно только в случае системной, нацеленной на результат стратегии внедрения современных информационных технологий в систему государственного управления с учетом особенностей региона.

Широкомасштабное использование информационно-коммуникационных технологий приведет к важным социальным и экономическим эффектам, расширяющим возможности граждан во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, социальной, культурной, духовной. Эффективное использование информационных технологий в государственном управлении позволит:

- повысить оперативность взаимодействия органов государственной власти за счет сокращения времени согласования межведомственных вопросов;
- уменьшить административную нагрузку на население за счет сокращения времени предоставления государственных услуг;
- увеличить скорость принимаемых решений за счет уменьшения затрат времени на прием граждан;
- снизить уровень бюрократизации соответствующих процедур за счет внедрения электронного документооборота;
- снизить уровень коррупции;
- укрепить обратную связь между государством и обществом за счет повышения качества предоставляемых гражданам государственных услуг.

Реализация проектов предоставления государственных услуг в электронном виде, электронного межведомственного взаимодействия, универсальной электронной карты будет способствовать коренной модернизации процесса предоставления государственных услуг, всей системы государственного управления, процесса взаимоотношений власти и общества.

Основным условием успешного формирования информационного государства является изменение характера взаимодействия между чиновниками и гражданами. «Электронное правительство» подразумевает открытость информации, активное вовлечение граждан в деятельность органов государственного и муниципального управления. Социализация процесса формирования информационного общества, вовлечение в него информационно пассивных групп общества за счет повышения их навыков и мотивации в сфере информационных технологий – важные условия действенности «электронного правительства» и повышения эффективности государственного управления.

Литература

1. Вершинская О.Н. Информационное неравенство как социологическая проблема. – <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b6d02a879ecf2d15c3256c4f0035ef1a>
2. Ратиев В.В. Проблемы структурной и региональной информационной бедности в современной России. – <http://dom-hors.ru/issue/pep/3-2008-1/ratiev.pdf>

Соотношение понятий «стоимость» и «институт»

Л.ТОМАШЕВСКАЯ

В числе институтов, функционирующих в современной экономике, следует назвать институт собственности, институт рынка; в соответствии с последними исследованиями к числу институтов можно отнести и деньги [1]. В этой связи представляется интересным теоретический анализ соотношения таких понятий, как «институт» и «стоимость». Возникает вопрос, можно ли говорить об институте стоимости или корректнее полагать, что институциональная структура национальной экономической системы выступает в роли одного из основных стоимостеобразующих факторов?

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, попытаемся выяснить, воздействуют ли институты на формирование стоимости товаров и какую роль они играют в этом процессе.

Прежде всего, обратимся к определению категории «стоимость товара». Под стоимостью мы понимаем объем ресурсов, который общество «выделяет» на создание рассматриваемого товара исходя из иерархии общественных потребностей и структуры ресурсного потенциала экономической системы [5]. При этом процесс «выделения» ресурсов реализуется в момент совершения обменной операции с исследуемым товаром, а товары, потребности и ресурсы могут быть и материальными, и нематериальными.

Иными словами, процесс формирования стоимости, во-первых, отражает суть механизма согласования интересов потребителей и производителей, во-вторых, находит свое внешнее выражение в установлении рыночной цены товара.

Рассмотрим содержание данного процесса со стороны согласования интересов и со стороны взаимосвязи между стоимостью товара и ценой.

Согласование интересов потребителей и производителей товара.

Очевидно, что согласование интересов потребителей и производителей осуществляется на различных уровнях, под воздействием различных, связанных между собой в экономическом кругообороте факторов.

Так, отраслевые рынки определенных товаров образуют систему рынков сопряженных товаров. В свою очередь эти системы становятся элементами единой системы рынков национальной экономики. На каждом отраслевом рынке объектом обменной сделки являются группы товаров, удовлетворяющих определенные потребности общества. Эти товарные группы в своей совокупности формируют весь ассортимент товаров, производимых и реализуемых в национальной экономике с целью удовлетворения всего спектра общественных потребностей.

Рассмотрим интересы потребителей, которые выражают покупатели различных товаров на отраслевых рынках, то есть субъекты спроса на эти товары.

Покупатели, приобретая определенные товары, расходуют на них свой располагаемый доход, полученный преимущественно в результате использования принадлежащих им факторов производства в процессе общественного воспроизводства.

Это означает, что на объем покупок потребителя и на состав приобретаемого набора благ оказывается ограничивающее влияние со стороны доходов и со стороны структуры расходов.

Доходы покупателей потребительских товаров как представителей сектора домашних хозяйств зависят, по мнению представителей неоклассической теории, от определяемой самими домохозяйствами длительности рабочего времени. В этом

Томашевская Людмила Ивановна, канд. экон. наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации. E-mail: LITomashevskaya@yandex.ru

случае заработанный доход будет зависеть от ставки заработной платы (если речь идет о наемных работниках). Однако еще большую важность представляет тот факт, что сама ставка заработной платы зависит от уровня квалификации работника, от занимаемой им должности, и в первую очередь от того, в какой сфере национального хозяйства трудится данный работник.

Это означает, что располагаемый доход рассматриваемого потребителя будет прежде всего зависеть от отрасли, в рамках которой он (доход) формируется. Точнее, доход будет зависеть от места данной отрасли в структуре национальной экономики, ее статуса, уровня ее приоритетности для данной экономики. Последний фактор во многом определяется экономической политикой, которую государство проводит в стране. Следовательно, можно говорить о том, что данный фактор обладает институциональными свойствами. Таким образом, объем покупок и состав приобретаемого набора благ во многом ограничиваются со стороны доходов факторами, относящимися к институциональной структуре экономики.

Для анализа рассматриваемой проблемы необходимо также обратиться к такой категории, как «альтернативная стоимость». Безусловно, каждая экономическая система и каждая национальная экономика в заданный момент времени имеет фиксированный ресурсный потенциал, который, очевидно, в следующий статический момент времени может быть изменен в ходе реализации ряда мероприятий интенсивного и/или экстенсивного характера.

В рамках фиксированного в заданный момент времени объема ресурсов повышение статуса одной отрасли неизменно сопровождается снижением статуса другой отрасли или нескольких других отраслей. Другими словами, в условиях заданного ресурсного потенциала усиление одной отрасли возможно только ценой ослабления других отраслей, то есть за счет падения производства в других отраслях.

В системе национальной экономики такие трансформации осуществляются в соответствии с действующим в стране механизмом управления, координации экономической деятельности. Известно, что в современном мире роль такого координатора, наряду с рыночным механизмом, играет государство. Таким образом, здесь вновь в действие вступает институциональный фактор.

Распределение домохозяйствами своего располагаемого дохода между различными приобретаемыми товарами определяется в соответствии с иерархией потребностей. Поскольку приобретение товаров осуществляется в рамках фиксированного на данный момент времени дохода, постольку именно приоритеты в потреблении определяют потребительский выбор. Отдав предпочтение одному товару, потребитель должен совсем отказаться от другого товара или уменьшить объем его покупки, то есть сделать выбор в пользу одного товара, отказавшись от другого. Это обуславливает альтернативную стоимость совершаемого выбора, принятого решения о покупке.

В итоге совокупность множества индивидуальных субъективных выборов в пользу какого-либо товара определяет общий отраслевой спрос на данный товар, а значит, место отраслевого рынка данного товара в национальной системе рынков. Вместе с тем определяется и место рынка альтернативного товара, спрос на который снижается, следовательно, снижается и рыночная цена.

В данном случае также реализуется процесс формирования альтернативной стоимости и действует институциональный фактор.

Роль производителей в исследуемых процессах также весьма значительна. Значимость производителей товаров в процессе формирования стоимости товара зависит от того, к какому типу относится рыночный механизм определенной национальной экономики: рынку производителя или рынку потребителя. В настоящее время экономическая система России скорее может быть охарактеризована как экономика производителя. В мировой истории долгое время экономические системы большинства стран мира характеризовались именно данным типом рыночного механизма.

С точки зрения производителя, чем выше будет рыночная цена предлагаемого им на рынке товара, тем более выгодным будет его производство при технологически заданном объеме удельных затрат и тем больший объем продукции он сочтет целесообразным производить.

Однако поскольку процесс создания товара – это процесс преобразования ресурсов, постольку его экзогенным ограничителем оказывается объем ресурсов, доступный производителю. Это обусловлено экономической редкостью ресурсов и связанной с ней необходимостью распределения ресурсов между производством различных товаров, а значит, между различными отраслями.

Следовательно, степень реализации интересов производителей ограничивается статусом конкретной отрасли в национальной экономической системе, что неразрывно связано с институциональной структурой экономики.

Межотраслевое распределение ресурсов, их экономическая ограниченность по отношению к системе потребностей общества в конечном счете находят свое внешнее выражение в формировании вектора цен национальной экономики. Таким образом, указанные явления определяют взаимосвязь и степень взаимозависимости между стоимостью и ценой товаров.

Взаимосвязь между понятиями «стоимость товара» и «цена товара». С данной точки зрения представляется интересным рассмотреть ту специфическую роль, которую играют деньги и время в процессе установления взаимосвязи и взаимозависимости между стоимостью и ценой товара.

Общеизвестно, что цена является денежным выражением стоимости, и колебания рыночных цен товара происходят вокруг стоимости. Цена может возрастать и снижаться в результате кратковременных колебаний спроса и предложения, стоимость товара в коротком периоде остается неизменной.

В долгосрочном же периоде все цены возрастают, однако с различной скоростью. Это приводит к изменению структуры цен, однако вектор цен всегда направлен в сторону повышения. Стоимость товара в долгосрочном периоде также возрастает, поскольку растет величина альтернативных издержек как производства товара, так и его приобретения.

Процесс формирования стоимости какого-либо товара всегда непосредственно связан с образованием альтернативной стоимости, то есть с отказом от какого-либо альтернативного варианта производства или потребления. Рост общих издержек производства данного товара при увеличении масштабов его производства сопровождается и ростом альтернативных издержек, поскольку выделение из фиксированного на данный момент времени общего объема ресурсов экономической системы некоторого объема ресурсов для производства определенного товара означает, что эти ресурсы уже не могут быть использованы в процессе создания некоего другого товара. Последний «приносится в жертву» производству первого товара, образуя его альтернативную стоимость или альтернативные (вмененные) издержки его производства.

Следовательно, можно говорить о том, что общество считает возможным выделить часть имеющихся ресурсов на создание рассматриваемого (первого) товара. Как отмечалось выше, признание обществом необходимости такого «выделения» ресурсов осуществляется в момент совершения обменной операции на рынке, то есть в момент оплаты покупателем товара по рыночной цене. Ресурсы, необходимость «выделения» которых на производство рассматриваемого товара признана обществом, являются субстанцией стоимости этого товара. С другой стороны, этот же процесс является источником образования альтернативной стоимости первого товара.

Если следовать логике анализа элемента системы (процесса формирования стоимости отдельного товара на отраслевом рынке) при анализе целостной системы (национальной экономики), то оказывается, что стоимостная структура валового национального продукта тождественна общественно признанной структуре потребностей,

а суммарная стоимость валового национального продукта, измеренная в рыночных ценах, отражает стоимость тех материальных и нематериальных ресурсов, которые используются на данный момент времени национальной экономической системой.

Общеизвестно, что объем имеющихся в экономике материальных и нематериальных ресурсов всегда недостаточен для одновременного удовлетворения всех потребностей общества, что и порождает так называемую проблему выбора и приводит к образованию альтернативных (вмененных) издержек, или альтернативной стоимости. Кроме того, развитие общества сопровождается опережающим развитием и расширением общественных потребностей по отношению к относительно ограниченным ресурсам, что приводит к повышению альтернативной стоимости производства любых товаров, следовательно, к увеличению их стоимости, а значит – к постоянному росту цен в долгосрочном периоде.

Таким образом, постоянное долговременное повышение цен следовало бы расценивать как рост ресурсной «напряженности» в экономической системе и увеличение альтернативной стоимости любого производимого в ней товара, а не как обесценивание денег, проявляющееся в росте товарных цен, возникающее в связи с переполнением каналов денежного обращения избыточной денежной массой и отражающее нарушение равновесия на денежном рынке.

Существование неоклассической дихотомии, то есть параллельное функционирование и взаимодействие реального и денежного секторов экономики, означает наличие вероятности несоответствия между ними. В свою очередь возможность проявления несоответствия, несогласованности между денежным обращением и размером денежной массы, с одной стороны, и стоимостной оценкой ресурсного потенциала национальной экономики – с другой, обуславливает развитие инфляционных процессов: цены на товары растут неоправданно высокими темпами в отрыве от их реальной товарной и ресурсной базы.

При этом реальная суммарная стоимость валового национального продукта, выраженная в ценах базового периода, может оставаться неизменной или даже снижаться. Инфляция, как известно, является практическим атрибутом рыночной экономики, возникшим с момента появления денежных знаков, в частности, бумажных денег. В дальнейшем инфляция только расширяла свои границы по мере появления все новых видов «заменителей» денег, отдалявших последние от их товарной природы и все больше разделявших денежный и реальный секторы экономики.

Историческая неизменность реализации данного процесса связана с тем, что деньги представляют собой специфический экономический ресурс, без которого невозможно функционирование экономической системы, использующей в качестве координатора хозяйственной деятельности свободный рыночный механизм, или рынок, регулируемый государством. Об указанной характеристике денег свидетельствует анализ их функций, а также рассмотренная К.Марксом история развития форм стоимости (развития денег) [4]. Таким образом, деньги являются основным ресурсным ограничителем, обуславливающим единство процесса формирования альтернативных издержек (альтернативной стоимости) и процесса формирования стоимости товара.

Еще одним специфическим ресурсом, используемым при производстве товаров, является время. Время обуславливает экономическую редкость всех материальных и нематериальных ресурсов в любой экономической системе в целом и в экономической системе страны в частности. Очевидно, что ничто в физическом мире не может существовать вне времени. Количественная фиксированность времени ограничивает ресурсные возможности всех экономических агентов любого уровня и вынуждает их принимать решения по запросам, связанным с очередностью удовлетворения потребностей с помощью определенных товаров.

Таким образом, деньги и время – это ресурсы, принимающие участие в любом экономическом процессе и определяющие относительную редкость всех других экономических ресурсов. Формирование стоимости товара также предполагает

доминантное участие указанных ресурсов. Это и обуславливает ранжирование потребностей и осуществление выбора товаров для удовлетворения общественных потребностей различных уровней. Следовательно, выбор – функция общества, реализующаяся в момент оплаты обществом в лице конкретного потребителя своей покупки на отраслевом рынке по рыночной цене. Иными словами, в данном случае вновь наблюдается влияние на исследуемый процесс институционального устройства общества.

На создание тех товаров, которые были выбраны обществом, «выделяются» необходимые ресурсы. В итоге формируется товарная (отраслевая) структура валового продукта. Одновременно с «выделением» общество отказывает в этих ресурсах другим, «невыбранным» товарам, которые формируют вмененную стоимость первых.

Таким образом, в результате анализа процесса формирования стоимости с различных точек зрения можно утверждать, что не совсем корректно определять стоимость товара как институт, поскольку ее формирование никак не закреплено юридически, какими-либо правилами, договоренностями и т. д. При этом можно утверждать, что институциональная структура национальной экономики является одним из важнейших стоимостеобразующих факторов.

Литература

1. Кошегулова И.Р. Сущность денег в категориях институционализма // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2006. – № 4. – С. 49–53.
2. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. В 2 т. Т. 1. 16-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2008.
3. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. В 2 т. Т. 2. 16-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2008.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 7. – М.: Политиздат, 1987.
5. Томашевская Л.И. Методологический аспект анализа эволюции теорий стоимости // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2012. – № 6. – С. 73–78.

Проблемы использования теории позиционирования Дж.Траута и Э.Райса при формировании конкурентных преимуществ компании

Е.ЖУК

В настоящее время в условиях ужесточения конкуренции на рынках позиционирование выступает как основополагающая технология [4, 161], которая позволяет сформировать стратегическое конкурентное преимущество компании путем сравнительного анализа свойств и характеристик товара/услуги с предложением конкурентов. Далее на базе этого исследования разрабатывается уникальное предложение ценности продукта для целевых потребителей.

От того, насколько эффективно будет осуществлено позиционирование объекта на рынке, зависит конкурентоспособность компании в будущем. Не случайно в последние годы понятие «позиционирование» стало одним из самых обсуждаемых в американском профессиональном сообществе. Так, «позиционирование» было включено в «Топ обсуждаемых понятий» в юбилейном выпуске, посвященном 75-летию журнала «Ad Age» [11].

Жук Екатерина Сергеевна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Маркетинг и коммуникации в бизнесе» Южного федерального университета. E-mail: zhukes@yandex.ru

Таким образом, на современном этапе актуализируется проблема выбора методов и приемов позиционирования, которые обладают специфическими чертами в рамках различных научных подходов. Приведем некоторые из них. Суть теории позиционирования Дж. Траута и Э. Райса [5] заключается в определении стратегической позиции в сознании потребителя и закреплении в нем бренда, базирующегося на творческом, интуитивном подходе с использованием инструмента маркетинговых коммуникаций (рекламы). Сущность теории стратегического позиционирования (Г. Минцберг, М. Портер) состоит в выявлении стратегической позиции на рынке на основе концепций рационального поведения человека и дифференциации товара/услуги с целью формирования конкурентных преимуществ компании и их донесения до потребителей. Другие теории позиционирования (О. Уолкер; Г. Хулей; Дж. Сондерс; Н. Пирси; Ф. Котлер) предполагают определение стратегической позиции на избранном целевом рынке (сегменте) на основе ситуационного анализа рынка (внутренней среды и внешнего окружения), сегментирования рынка и дифференциации компании, товара/услуги, бренда. Остановимся более подробно на теории позиционирования Дж. Траута и Э. Райса.

Генезис позиционирования объекта. Теория позиционирования Дж. Траута и Э. Райса была разработана в эпоху массового маркетинга, которая характеризовалась производством товаров, ориентированных на потребности среднестатистического покупателя, и созданием системы маркетинговых мероприятий для их продвижения.

Зарождению теории предшествовали серьезные проблемы в экономике в 1970-е гг.: мировой экономический кризис, рекордно высокие темпы инфляции в США, снижение реальной стоимости обыкновенных акций, взрывной рост цен на недвижимость, снижение покупательной способности населения. Этот период ознаменовался жесточайшей рецессией. Отрасли, обслуживавшие первичные потребности в индустриальную эпоху, достигли уровня насыщения спроса, темпы их роста существенно снизились.

В условиях сужения рынков, интернационализации бизнеса, ограниченности ресурсов, ускорения технологических нововведений, обострения проблем производства и распределения, структурных изменений в экономике [1, 46–47] конкуренция начинает усиливаться. Именно в этот период перепроизводства и ужесточения конкуренции возникает проблема создания уникальных свойств товара, связанная с формированием уникального предложения компании для того, чтобы выделиться из массы однотипной, стандартизированной продукции.

Решение этой проблемы было предложено в рамках концепции позиционирования, датой рождения которой следует считать 1972 г., когда Э. Райс и Дж. Траут по результатам деятельности в агентстве по определению маркетинговых стратегий «Trout & Ries» выпустили цикл статей под названием «Наступление эры позиционирования» [12], посвященных позиционированию бренда.

Концепция Э. Райса и Дж. Траута заключается в том, что позиционирование представляет собой комплекс мер, в результате реализации которых в сознании людей формируется стереотип в виде определенной позиции. Стереотипы играют ключевую роль в поиске выгодных отличий субъекта [5]. Это комплекс усилий компании по формированию и поддержке определенных ассоциативных сетей, которые могут помочь потребителю быстро узнавать и осуществлять выбор товара из массы других товаров.

Позиционирование осуществляется только относительно бренда компании. С точки зрения Дж. Траута и Э. Райса, выражение «позиционирование товара» некорректно: «Позиционирование не есть то, что производитель делает со своим продуктом. Это операция на сознании потенциальных покупателей, это самодифференцирование в сознании клиентов» [5]. Основой позиционирования служит реализация следующих правил [3, 89–92]:

– «лучше быть первым, чем быть никем» – суть данного правила заключается в том, что лидером становится тот, кто первым проникает в сознание покупателя, а затем следует стратегии сохранения этой позиции;

– «то, что хорошо для лидера, не всегда идет на пользу последователю» – содержание данного правила сводится к тому, что компания-«среднячок» не должна копировать стратегию лидера, а должна найти никем не занятое место в сознании покупателей;

– «имя – огромная сила» – «имя собственное» марки является своеобразным крючком, позволяющим «зацепиться» за сознание покупателя, в эпоху позиционирования главным маркетинговым решением является решение о названии, «имени» продукта;

– «правило семи» – по мнению гарвардского психолога Дж.Миллера, человеческое сознание не в состоянии удерживать более семи информационных отрезков одновременно.

В рамках положений данной теории формирование стратегии позиционирования осуществляется через последовательное прохождение следующих этапов. Во-первых, определение ключевых характеристик каждого из основных соперников (конкурентов). Во-вторых, осуществление выбора позиции своей продукции на рынке, в результате чего потребителям должно быть предложено сочетание преимуществ, не используемых конкурентами, но желательных для рынка. Стратегия позиционирования должна дать ответ на следующие вопросы: Какими отличительными свойствами обладает товар компании? В чем он превосходит товары конкурентов? Почему потребитель должен систематически отдавать предпочтение данному товару?

Теоретические предпосылки возникновения концепции позиционирования Дж.Траута и Э.Райса базировались на актуальной в тот период для США индивидуалистической модели теории социальных коммуникаций, в рамках которой «человек постоянно соблазняется обманом» [7, 90]: функциональные свойства товаров для человека потеряли ценность вследствие повальной их доступности, из-за этого произошло увеличение значения знаковой или имиджевой составляющей стоимости товаров. Знаковость – особое свойство вещей, особое свойство реальности, которую люди воспринимают и создают. Она имеет двухуровневую структуру: небольшое действующее ядро и масса бесполезной «шелухи», или скрытой информационной избыточности.

Использование «знаковости» в теории Э.Райса и Дж.Траута можно проиллюстрировать тезисом, который приведен в их работе «Позиционирование: битва за умы». Данный тезис гласит, что для закрепления в сознании потребителя необходимо иметь «сверхпростое торговое предложение», которое является уникальным; с его помощью можно обозначить отличие от аналогов конкурентов, с указанием их слабых сторон посредством создания визуальных образов брендов.

Упор, таким образом, сделан как на дифференциации, так и на создании «визуальных образов брендов», основой которых является не просто совокупность свойств товара, а «волшебная история о магическом артефакте, обладание которым открывает дверь в царство мечты» (то есть происходит создание символических сущностей, когда не идея порождает вещь, но сами вещи порождают новый мир искусственно созданных идей) [6, 227].

Второй теорией, которая была взята за основу в концепции позиционирования Э.Райса и Дж.Траута, является теория продуктовой дифференциации, базирующаяся на экономической теории монополистической конкуренции. Исследователи отмечают, что на потребительских рынках даже простые продукты (бананы, апельсины, картофель, соль, овсяные хлопья и даже обычная вода в бутылках) теперь дифференцируются посредством брендинга [10, 83–91]. Необходимость процесса дифференциации товаров диктуется как со стороны потребителей и производителей, так и самим рынком.

Основой продуктовой дифференциации у потребителей служат действия экономических законов, оказывающие влияние на потребительское поведение: экономический закон возвышения потребностей, субъективная основа которого проявляется во взаимной (ответной) реакции потребителей (демонстративное и

престижное потребление), а также в стремлении индивидов к саморазвитию; экономический закон формирования доходов потребителей, действие которого накладывается на действие закона возвышения потребностей и иллюстрируется ситуацией на рынке, когда одни и те же потребности удовлетворяются товарами различного качества (вертикальная дифференциация); экономический закон конкуренции, действие которого объясняется тем, что объемы выпуска многих видов дифференцированных товаров, как правило, ограничиваются производителями.

Производственные предпосылки продуктовой дифференциации следующие [8]: общественное разделение труда (процесс возникновения новых отраслей); различные размеры масштабов производства предприятий; научно-технический прогресс, на основе которого происходит дифференциация (придание новых свойств и функций продуктам).

Предпосылки дифференциации товаров, диктуемые рынком:

– дифференцированный спрос формируется в результате предъявления потребности в отличающихся товарах близкого назначения различными группами потребителей, имеющими разный уровень дохода, а также под влиянием индивидуальных вкусов, предпочтений и приверженности бренду. В теории пространственной дифференциации была выявлена зависимость между изменением степени приверженности марке и положением фирмы. Так, «рост приверженности марке снижает ценовую конкуренцию и укрепляет основы монопольной власти» (модель Хотеллинга);

– с целью обеспечения рыночной устойчивости производитель стремится дифференцировать и диверсифицировать выпускаемую продукцию с одновременным выбором оптимального масштаба производства. Здесь большую роль играет не только дифференциация ассортимента продукции, но и дифференциация в глазах потребителей. С этой точки зрения, чем успешнее компания проводит дифференциацию своего продукта в ряду схожих продуктов других фирм, тем большую монопольную власть она имеет [13, 454];

– экономический закон конкуренции характеризует стремление участников к получению максимальной прибыли/выживанию на рынке в процессе конкурентной борьбы. По мнению Р.Липси, сценарий, при котором краткосрочное равновесное состояние фирмы эквивалентно равновесному состоянию монополиста, обеспечивается дифференциацией продукции, спрос на которую менее эластичен. Вследствие чего конкуренция приобретает неценовой характер и актуализируется использование теории позиционирования. Таким образом, дифференциацию товара можно рассматривать как источник монопольной власти, который реализуется с помощью позиционирования;

– цена как дифференцированная категория. Реализуя процесс ценообразования на конкретном сегменте рынка, маркетолог создает подобие «минимополии». Следовательно, определение оптимальной стратегической позиции заключается в поиске путей дифференциации фирмы от других фирм путем создания продукта, являющегося более предпочтительным для потребителей. В настоящее время это является необходимым условием выживания фирмы в конкурентной среде, так как каждая фирма-конкурент будет находиться в постоянном поиске конкурентных преимуществ, и компания, которая просто следует неоклассической стратегии минимизации издержек, окажется в числе аутсайдеров.

Кроме того, в теории позиционирования Траута и Райса при использовании идей продуктовой дифференциации первостепенная роль отводилась такому ее фактору, как реклама (основной инструмент донесения информации о ключевых отличительных свойствах торгового знака до потребителей и закрепления бренда в их сознании). В теории продуктовой дифференциации показано, что при использовании рекламы эффект спроса (рост числа информированных потребителей и увеличение равновесной цены) преобладает над эффектом издержек (увеличение общих издержек на рекламу за счет роста специализации и дифференциации потребительских предпочтений), и совокупная прибыль фирмы растет. Реклама является средством предоставления как ценовой информации (Г.Стиглер), уменьшая разброс цен на товар продуктового класса за счет сокращения информационной асимметрии, так и информации о полезных

для потребителя характеристиках существующего товара на рынке (П.Нельсон), что увеличивает количество первичных покупок и вероятность осуществления повторных. В результате происходит сокращение сбытовых издержек и расширение каналов сбыта (эффект координации К.Багуэлла и Г.Рами).

Следовательно, резкий скачок в восприятии различий, достигаемый либо через характеристики продукта, либо через построение рекламного образа, выглядит как путь к росту.

Проблемы и перспективы теории позиционирования Э.Райса и Дж.Траута. Объектом рассматриваемой теории позиционирования является сознание потребителя, предметом – процесс определения позиции в этом сознании, самодифференцирования, технологией – бренд-менеджмент, методом – создание уникального торгового предложения, основанного на поиске отличительных характеристик и анализе сильных и слабых сторон субъекта, инструментом – реклама.

Степень актуальности используемых технологий, методов и инструментов концепции позиционирования Э.Райса и Дж.Траута можно оценить путем анализа изменения поведения субъектов рынка и целей функционирования рынка с момента создания данного теоретического подхода (конец 1970-х гг.) до настоящего времени.

Современный период характеризуется процессом перехода от материального общества к информационному. Потребитель, который в конце XX в. подчинялся «потребительскому стандарту», следовал «внешним, заданным тоталитарным рынком и адекватным этому рынку правилам поведения» [9, 15–53], с развитием в XXI в. информационных технологий начинает в полной мере осознавать масштаб предоставляемых ему возможностей в сфере получения информации об имеющихся на рынках вариантах выбора, особенностях конкурентной среды, что влияет на смещение мотивов поведения потребителя [2, 36–41]. Это обуславливает рост силы потребителя на рынке. Потребитель становится «знающим потребителем», им становится сложнее управлять, он перестает реагировать на символы и знаки, которые являются базовыми элементами исследуемой теории (это, в частности, подтверждается ежегодным увеличением бюджетов компаний на рекламу: в 2008 г. расходы на рекламу составили 484,30 млрд дол., в 2013 г. – 517,1 млрд дол.) [14].

Среди производителей прослеживается тенденция усиления влияния глобальных игроков, создания крупных «сетевых организаций»¹, которые нацелены на монополизацию современных ресурсов развития, осуществление контроля над глобальными институтами и использование механизмов и институтов политического гегемонизма. Такого типа компании имеют конкурентное преимущество в достижении высокого уровня доверия у потребителей будущего, которое заключается в возможности получения, обработки, анализа и интерпретации лучшей информации о рынке, которая будет использоваться не просто для отслеживания изменений на рынке и реагирования на них, а для расширения поля восприятия компании, для влияния на рынок с целью его преобразования. Вслед за изменением поведения субъектов рынка сам рынок начинает трансформироваться, переходя от принципа «продавать все больше и быстрее» к принципу удовлетворения индивидуальных потребностей.

Таким образом, в социально-экономической жизни общества можно наблюдать процесс перехода от стандартизации, эпохи массового маркетинга к эре маркетинговой кастомизации, в условиях которой концепция позиционирования Дж.Траута и Э.Райса теряет свою актуальность. Она перестает соответствовать вызовам современного рынка, проявляются ее слабые стороны: во-первых, стратегия позиционирования выражается лишь в форме знаков и символов; во-вторых, последователи данной теории ориентируются на изучение сознания потребителя, поиск «дыр в уме» и создание такого бренда, который бы заполнил эту «дыру» в сознании без проведения процедуры всестороннего анализа рынка; в-третьих, позиционирование осуществляется на интуитивном уровне, без

¹К.Имаи рассматривает сетевую организацию как совокупность и систему единиц, между которыми в рамках определенных отношений поддерживаются более или менее постоянные связи.

проведения сегментирования рынка и определения целевого сегмента. Все это было возможным в условиях ориентации компаний на массовое производство, применение методов и технологий концепции массового маркетинга, ориентированного на формирование сегментов покупателей посредством рекламы.

Литература

1. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. – СПб.: Питер, 1999.
2. Жук А.А. Асимметричность институциональной мотивации экономических субъектов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2010. – № 6.
3. Жук Е.С., Григорова Е.Е. Правила бренд-менеджмента и их апробация в условиях развития российской экономики // Экономическое развитие в условиях мирового кризиса / под ред. В.А.Алешина, О.С.Белокрыловой, В.А.Максимова. – Ростов н/Д: Изд-во АкадемЛит, 2009.
4. Котлер Ф. Маркетинг Менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / пер. с англ. под ред. С.Г.Божук. – СПб.: Питер, 2006.
5. Траут Дж. Позиционирование: битва за умы. – СПб: Питер, 2008.
6. Феррони В.В. Теория «симулякров» Ж.Бодрийяра: «ностальгия по настоящему» // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. – 2001. – № 2.
7. Хмылев В.Л. Концепция симулякров и социальные коммуникации современной России // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 314. – № 6.
8. Чернов М.В. Политэкономический взгляд на основы дифференциации товаров // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). – 2012. – № 11. – www.sisp.nkras.ru
9. Экономическая теория в XXI веке 1(8): экономика постмодерна / под ред. Ю.М.Осипова, О.В.Иншакова, Е.С.Зотовой. – М.: Экономистъ, 2004.
10. Levitt T. Marketing Success through Differentiation of Anything // Harvard Business Review. – 1980. – № 58.
11. Ries L. Repositioning 'Positioning': Connect with Consumers with a Visual Hammer, Not Verbal Nails // Advertising Age. – 2012. – March 12.
12. Sloan P. What Trout&Ries Hath Wrought // Advertising Age. – 1994. – June 13.
13. Varian Hal R. 2003. Intermediate Microeconomics: a Modern Approach. 6th ed. – New York: W.W.Norton.
14. http://informarket.ru/research/rost_mirovogo_reklamnogo_rinka_v_2013_godu.pdf

Эволюция теорий мотивации и стимулирования труда

Р.ГУБАРЕВ

В экономической литературе нет единого подхода к определению содержания таких понятий, как «мотив», «мотивация», «стимул» и «стимулирование». Так, категорию «мотивация» одни исследователи отождествляют со стимулированием труда, другие противопоставляют две эти категории, третьи рассматривают стимулирование как один из методов мотивации [10, 103–107]. По нашему мнению, целесообразно придерживаться определения понятия «мотивация» как «процесса побуждения себя и других к деятельности для достижения личных целей и целей организации» [9, 360].

Губарев Роман Владимирович, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: gubarev.roma@yandex.ru

В свою очередь понятия «мотив» и «стимул», с нашей точки зрения, не могут отождествляться в силу следующих причин. Мотив – это то, что вызывает определенные действия человека. Мотив находится «внутри» человека, имеет «персонализированный» характер, зависит от множества внешних и внутренних по отношению к человеку факторов, а также от действия других, возникающих параллельно с ним мотивов. Поведение человека, как правило, определяется совокупностью мотивов, которые могут находиться в определенном отношении друг к другу по степени их воздействия на поведение человека. Мотивационная структура человека может рассматриваться как основа осуществления им определенных действий [2].

В свою очередь, стимулы выполняют роль рычагов воздействия или носителей «раздражения», вызывающих действие определенных мотивов. Блага (потребности человека) становятся стимулом тогда, когда подразумевают осуществление трудовой деятельности. Мотив труда подразумевает, что работник стремится получить благо посредством трудовой деятельности [5].

Стимулирование труда предполагает использование различных стимулов для мотивирования человека, оно эффективно только в том случае, когда органы управления (субъект управления) умеют добиваться и поддерживать тот уровень работы, в соответствии с которым производится оплата. Цель стимулирования – не просто побуждение человека к работе, а побуждение его делать свою работу лучше. Достижение данной цели возможно только при системном подходе к стимулированию труда [5].

Общая схема мотивационного процесса может быть представлена следующим образом (см. рис.). Данная схема достаточно условна, и реальный мотивационный процесс может быть более сложным, поскольку движущие человеком мотивы формируются под воздействием целого комплекса внешних и внутренних факторов: способностей, образования, социального положения, материального благосостояния, общественного мнения и т. п. В связи с этим прогнозировать поведение человека в ответ на различные системы мотивации затруднительно.

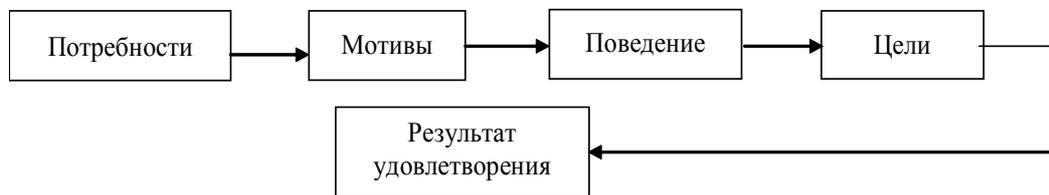

Схема мотивационного процесса [12]

Мотивация как функция управления реализуется через систему стимулов, то есть любые действия работников должны иметь для него положительные или отрицательные последствия с точки зрения удовлетворения его потребностей или достижения целей.

Понятия «мотивация» и «стимулирование» обозначают, с одной стороны, формирование индивидуальных, групповых и коллективных мотивов, с другой – процесс влияния стимулов на мотивы для получения необходимого уровня мотивированности [1, 14–19].

Современные теории мотивации делятся на содержательные (базируются на определении потребностей и идентификации мотивов личности и способствуют побуждению человека к определенным действиям) и процессуальные (учитывают в поведении человека не только мотивы, но и его воспитание, уровень образования и др.).

Наиболее известными содержательными теориями мотивации являются теории А.Маслоу, Д.МакКлелланда и Ф.Герцберга. В целом эти теории ориентированы на две группы потребностей: первичные, связанные с физиологическими факторами, и вторичные, являющиеся по своей природе психологическими.

Так, Маслоу предлагает свою систему потребностей человека, в соответствии с которой физиологические потребности требуют своего первоочередного удовлетворения. Затем следует потребность в безопасности, далее – потребность в духовной близости и любви. Удовлетворение последней требует устроенности человека в социуме, что актуализирует потребность в уважении и самоуважении. Последней ступенью в иерархии потребностей Маслоу является потребность в самореализации, исполнении своего предназначения. По мере частичного удовлетворения потребностей на одном уровне доминирующими становятся потребности следующего уровня. При этом мотивирующими являются только те стимулы, которые удовлетворяют доминирующую потребность. Так, например, точка зрения, в соответствии с которой деньги являются главным фактором эффективной работы, не является истинной в том случае, если доминирующей для человека становится потребность в уважении или потребность в самореализации.

В теории мотивации, предложенной МакКлелландом, потребность во власти и успехе может быть расположена между потребностями в уважении и самовыражении в иерархической структуре Маслоу. Потребность в принадлежности к группе соответствует социальным потребностям [9].

В середине 1950-х гг. Ф.Герцберг разработал основанную на потребностях модель мотивации, в которой мотивы к труду делятся на две группы: гигиенические факторы и собственно мотивы. В соответствии с двухфакторной моделью Герцберга (табл. 1) «гигиенические» факторы связаны с окружающей средой, где осуществляется работа, а мотивации – с характером и сущностью самой работы.

Таблица 1

Факторы, влияющие на удовлетворенность работой [9, 372]

«Гигиенические» факторы	Мотивации
<ul style="list-style-type: none"> – политика фирмы и администрации; – условия работы; – заработок; – межличностные отношения; – степень непосредственного контроля за работой 	<ul style="list-style-type: none"> – успех; – продвижение по службе; – признание и одобрение результатов работы; – высокая степень ответственности; – возможность творческого и делового роста

Таким образом, отличие теории Маслоу от теории Герцберга заключается в следующем: по мнению Маслоу, эффективность работы после мотивации непременно повышается, с точки зрения Герцберга, она повышается после того, как рабочий решит, что мотивация адекватна.

К.Альдерфер исходит в своей теории из того, что потребности человека могут быть объединены в три группы: потребности существования, потребности связи, потребности роста [2]. Как и Маслоу, Альдерфер располагает эти группы в иерархическом порядке. Принципиальное различие между этими теориями заключается в следующем: согласно теории Маслоу, движение от потребности к потребности происходит по восходящей, в то время как в теории Альдерфера это движение может совершаться как вверх (процесс удовлетворения потребностей), если удовлетворена потребность нижнего уровня, так и вниз (процесс фрустрации), если не удовлетворяется потребность более высокого уровня [13, 453].

Таким образом, содержательные теории мотивации базируются на результатах исследования потребностей и выявлении факторов, определяющих поведение людей. Авторы содержательных теорий внесли большой вклад в понимание мотивации и ее факторов, однако они не учитывали ряд обстоятельств, необходимых для объяснения

ее механизма, в первую очередь – поведенческих аспектов и параметров внешней среды. Этот недостаток в той или иной степени преодолен в рамках процессуальных теорий мотивации, среди которых наибольшую известность получили теория ожидания, теория справедливости и модель Портера–Лоулера.

В соответствии с теорией ожидания, разработанной В.Врумом, ожидание есть оценка определенной личностью вероятности того или иного события. При анализе мотивации в рамках данной теории внимание акцентируется на взаимосвязи следующих составляющих: затраты труда – результаты – вознаграждение – удовлетворенность вознаграждением [9, 376]. Мотивация и удовлетворенность работника зависят от степени соответствия ожидаемого вознаграждения результатам труда. Если же реализация данных связей не будет иметь четко выраженного характера, то мотивация будет ослабевать и работник будет стремиться свести затраты труда к минимуму.

Теория ожидания дополняется теорией справедливости, согласно которой работник соотносит собственное вознаграждение с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу. В случае дисбаланса происходит снижение мотивации.

Модель мотивации, в которой объединены две вышеуказанные теории, разработана Л.Портером и Э.Лоулером. Модель Портера–Лоулера связывает пять элементов: затраченные усилия, восприятие, полученные результаты, вознаграждение, степень удовлетворения. Соответственно, результаты труда зависят от затраченных сотрудником усилий, его способностей, а также от осознания им своей роли. То есть работник, с одной стороны, оценивает вознаграждение в соответствии с затраченными усилиями и ожидает, что оно будет адекватно им, с другой стороны, он сопоставляет размер собственного вознаграждения с размером вознаграждения других работников, что влияет на степень его удовлетворенности [4]. Один из важных выводов из этой модели состоит в том, что результативный труд ведет к удовлетворению и, следовательно, способствует повышению результативности труда [3].

Разработки психолога В.Скиннера легли в основу теории усиления, ключевая идея которой заключается в том, что поведение людей обусловлено результатом их действий в подобной ситуации в прошлом. Извлекая уроки из опыта предыдущей работы, работники (служащие) стараются выполнять те задания, которые приводят к получению желаемого результата, и избегать тех заданий, которые приводят к нежелательному результату.

Теория мотивации разрабатывалась также в трудах отечественных ученых: Л.С.Выготского и его учеников А.Н.Леонтьева и Б.Ф.Ломова. С нашей точки зрения, все основные положения теории Выготского, разработанные на примере педагогической деятельности, подходят для их применения в производственной деятельности.

А.А.Литвинюк разработал мотивационный комплекс – набор причин, мотивирующих трудовую деятельность человека или коллектива [7]. Все мотивы, воздействующие на поведение людей в трудовом коллективе, А.А.Литвинюк объединил в пять групп: мотивы приобретения, базирующиеся на получении вознаграждения за результаты деятельности; мотивы безопасности, базирующиеся на стремлении индивида избежать штрафных санкций за результаты своей деятельности, если они не соответствуют целям управления; мотивы энергосбережения, базирующиеся на выборе вида деятельности, требующего меньших затрат сил и напряжения; мотивы подчинения, базирующиеся на зависимости работника от групповых норм поведения и ролевых предписаний; мотивы удовлетворения, базирующиеся на получении положительных эмоций от процессов и результатов труда.

А.Я.Кибанов, исследуя группу ведущих мотивов, определяющих поведение работника, называет ее «мотивационным ядром (комплексом), которое имеет свою структуру и зависит от конкретной трудовой ситуации» [13, 459]. В этом комплексе мотив – это стремление работника получить определенные блага, а стимул – сами блага. В случае, если стимул требует от человека невозможных действий, возможность его трансформации в мотив сводится к нулю. Иными словами, механизм манипулирования стимулами должен быть адекватен механизму мотивации работника [13, 464].

Остановимся более подробно на проблеме стимулов и стимулирования. Как отмечалось выше, стимулы – это внешние факторы, влияющие на действия и отношение к труду работников, а также изменяющие их установки и интересы. Суть стимулирования заключается во внешнем побуждении к действию [6, 87]. По мнению исследователей, стимулы могут иметь четыре формы: принуждение (в виде замечания, выговора, перевода на другую должность, вплоть до увольнения с работы), материальное поощрение (в виде увеличения заработной платы, вознаграждения за результаты, премии, компенсации, ссуды на строительство жилья и др.), моральное поощрение (форма благодарности в виде почетной грамоты, почетного звания, правительственной награды и др.) и, наконец, самоутверждение (в виде авторского изобретения, диссертационной работы, получения второго образования и др.).

В классификации М.Мароши [8] стимулы делятся, с одной стороны, на материальные и моральные, с другой – на две группы, разделение которых зависит от отношения к стимулируемому действию и цели стимулирования. Стимулы первой группы применяются как форма поощрения определенных действий, достигнутого результата или фактического отношения к делу. Стимулы второй группы используются для создания такой ситуации, которая приведет к желаемым действиям или вызовет соответствующее отношение к делу. Таким образом, стимулы первой группы следуют за стимулируемыми действиями, а стимулы второй группы вызывают стимулирующее действие. Деление стимулов по М.Мароши может исходить из поставленных целей и задач. Стимулирующими целями могут быть поощрение части работы, достижение определенных показателей (выполнение плана производства, соблюдение сроков, качества и др.). При этом различные виды стимулов могут дополнять друг друга.

Д.С.Синк предлагает классификацию [11], в которой методы стимулирования делятся на экономические и неденежные, которые в свою очередь делятся на индивидуальные и групповые (табл. 2).

Таблица 2

Методы стимулирования результативности труда (по Д.С.Синку)

Виды методов	Индивидуальные	Групповые
Экономические (прямые)	– сдельная оплата; – повременная оплата; – премия за рационализаторство; – плата за отсутствие прогулов; – плата за обучение	– распределение прибыли (системы Скэнлона, Ракера, «Импрошейр»)
Экономические (косвенные)	– льготное питание; – доплата за стаж; – премии	– дополнительные выплаты; – групповые премии
Неденежные	– заработанные отгулы; – гибкий рабочий график; – обогащение труда; – оценка результативности; – продвижение по службе; – обучение	– программы повышения качества трудовой жизни; – бригады производительности; – охрана труда; – кружки качества; – бездефектная работа; – информация от потребителей

Как видно из проведенного анализа, разработанные различными исследователями теории мотивации в значительной степени дополняют друг друга, что говорит о необходимости комплексного подхода к решению вопросов мотивации. При этом главная цель формирования и функционирования систем мотивации и стимулирования заключается в достижении целей организации как путем привлечения и сохранения профессиональных кадров, так и путем мотивации, основанной на необходимом для всех групп персонала комплексном стимулировании. Удовлетворенность работника должна соответствовать его ценности для организации. С нашей точки зрения, наряду с неэкономическими факторами мотивации, остаются чрезвычайно актуальными проблемы материального

стимулирования труда, поскольку до сих пор существует ряд нерешенных вопросов, таких как диапазон премирования, корректировка базовой части заработной платы (оклада) в зависимости от качества труда, обоснование размеров фонда оплаты труда и др. Исследование и решение указанных вопросов остается актуальной задачей специалистов.

Литература

1. Богданов Ю.Н., Зорин Ю.В., Шмонин Д.А. и др. Мотивация персонала // Методы менеджмента качества. – 2005. – № 11.
2. Генкин Б.М. Экономика и социология труда: учеб. для вузов. 7-е изд., доп. – М.: Норма, 2007. – 448 с.
3. Генкин Б.М. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях: учебник для вузов. 4-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 464 с.
4. Егоршин А.П. Управление персоналом. 5-е изд. – Н. Новгород: НИМБ, 2007.
5. Журавлев П.В., Карташов С.А. и др. Технология управления персоналом. – М.: Экзамен, 2000. – 575 с.
6. Зубкова А. Нормирование труда в условиях становления рыночных отношений // РЭЖ. – 2000. – № 11.
7. Литвинюк А.А. Мотивационный комплекс трудовой деятельности. – М.: МГУК, 1997.
8. Мароши М. Организация. Стимулирование. Эффективность: пер. с венг. – М.: «Экономика», 1981. – 208 с.
9. Мескон Н., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – М.: Дело, 2002. – 704 с.
10. Мисникова Л.В. Мотивация труда: виды, направления гармонизации // Белорусский экономический журнал. – 2004. – № 2.
11. Синк Д.С. Управление производительностью. – М., 1989. – 528 с.
12. Управление персоналом: учебник для вузов / под ред. Т.Ю.Базарова, Б.Л.Еремина. – М.: Банки и биржи: ЮНИТИ, 2007. – 696 с.
13. Экономика и социология труда: учебник / под ред. А.Я.Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 584 с.

Оценка эффективности научных моделей административно-территориального деления

Р.ДАНИЛКО

Проблема рационального управления территориями является важным компонентом всего комплекса управленческих задач, стоящих перед государством. *Первая подзадача* управления состоит в распределении полномочий между объектами управления первого, второго и нижеследующих рангов. *Вторая подзадача* состоит в разделении территории на объекты управления первого, второго и нижестоящих рангов, создании сетки административно-территориального деления. Сложность и многовариантность решения данной задачи обуславливается множеством критериев, которые служат основой соответствующей модели. Кроме того, обе подзадачи логически связаны между собой. В наиболее общем виде можно констатировать, например, что для устойчивого состояния государства как объекта управления, его целостности решения первой и второй подзадач должны быть обратно пропорциональны друг другу. То есть чем более широкие и разнообразные полномочия

Данилко Роман Георгиевич, ассистент кафедры экономической теории Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О.Макарова. E-mail: Danilkoroman@yandex.ru

предоставляются регионам первого ранга, тем меньше должны быть размеры, численность населения и иные значимые характеристики региона относительно государства в целом. Аналогичная ситуация целесообразна в системе «регион первого ранга – регион второго ранга» и т. д.

В связи с множественностью критериев административно-территориального деления (далее – АТД), временных параметров управления возможно множество решений, соответствующих особенностям конкретной территории. Развитие кибернетики обусловило появление моделей АТД, предложенных на основе результатов расчетов, операций с количественными показателями, широкого внедрения аппарата математических наук. При этом в данных научно обоснованных моделях присутствует человеческий фактор как в части *отбора критериев* оценки объекта управления (именно это играет существенную роль в получении конечных результатов), так и в части *выделения критериев подсчета* результатов.

Рассмотрим наиболее значимые модели и алгоритмы АТД государства. Существующие модели и алгоритмы можно условно разделить на две группы.

В первую группу объединяются модели с заданным результатом и критериями оптимальности, которые являются основными ограничителями данной модели (например, величина территории и численность населения региона первого порядка в абсолютных и относительных величинах).

Вторая группа объединяет математические модели, где результат условно неизвестен. Влияние человека на выбор критериев можно дополнить предположением, что неформализуемые логические процессы в человеческом мышлении на несколько порядков «превосходят» формализуемые математическим языком логические процессы. Из этого следует, что любая математическая модель, разработанная для сверхсложных систем, должна в первую очередь пройти экспертную оценку специалистов в различных областях управления и знаний и апробацию в «пилотных» регионах.

Математическая модель распределения региона на районы «Алгоритмы реструктуризации административно-территориального деления регионов» разработана в Пензенском государственном университете П.А.Гудковым и Е.М.Подмарьковой [1]. В качестве задачи в модели рассматривается реструктуризация АТД регионов; в качестве основного механизма выступают *алгоритмы укрупнения административных единиц первого или второго порядка*. К сожалению, авторы рассматривают лишь алгоритмы подсчета показателей районов в целях укрупнения административных единиц, то есть дают лишь математический анализ расчетов без экономического анализа целесообразности проведения преобразований. Модель предусматривает изменение АТД регионов в целях повышения эффективности и экономии бюджетных расходов. Для этого предлагается частичное объединение регионов нижнего уровня (районов) с целью достижения большей однородности экономических, финансовых, инфраструктурных и социальных показателей развития региона вышестоящего порядка. В качестве метода решения задачи реструктуризации предлагается использование динамических моделей. Математическая модель региона представляется в виде графа, вершины которого соответствуют отдельным районам. Алгоритм модели предполагает конечную цель – объединение районов с максимальными различиями в социально-экономическом развитии.

Авторы указывают на возможность расчета сил притяжения между районами различными способами: дефицит/профицит бюджетов, протяженность совместных границ, плотность коммуникаций. Таким образом, возможны различные алгоритмы объединения:

1. На каждом шаге работы алгоритма вычисляется мера сходства между отдельным районом и эталоном, в результате чего получается некая количественная

характеристика. Для объединения выбираются два района, разность значений которых максимальна.

2. Вычисляется локальная степень каждой вершины-района в графе дорог. Для объединения выбираются те два района, сумма связей которых является минимальной. Таким образом, авторы предлагают в первую очередь объединять районы, которые находятся на периферии области, поскольку центральные районы имеют большее число связей.

3. В соответствии с алгоритмом на основе двудольного графа Кёнига все районы подразделяются на те, которые имеют сходство с эталоном выше и ниже среднего уровня. Для объединения выбираются те вершины, которые располагаются в разных подграфах и имеют минимальную локальную степень.

4. Согласно алгоритму кластеризации все множество вершин делится на несколько частей. Авторы предлагают объединить все районы субъекта Федерации в три группы в соответствии с показателями социально-экономического районирования (СЭР): *благополучные, вымирающие и перспективные*. Объединять предлагается районы с наибольшими различиями в показателях СЭР, в первую очередь – «благополучные/вымирающие», затем «благополучные/перспективные», «перспективные/вымирающие». Районы из одинаковых кластеров могут объединяться в последнюю очередь.

5. Производится ранжирование районов по значению индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), представляющего собой интегральную характеристику района. В первую очередь объединяются районы с максимальной разницей значений индексов ИРЧП. Авторы предлагают алгоритмы объединения районов таким образом, чтобы размеры территории и населения укрупненных районов существенно не отличались друг от друга, поскольку разномасштабность районов, по мнению исследователей, «является недопустимой с точки зрения управления». Авторы приводят следующие формулы расчета сил отталкивания районов.

$$F_i = \sum_j^N \frac{b}{1 + e^{-w(u_i - v_{ij})}}, \quad (1)$$

где F_i – значение силы отталкивания для i -го района; N – число районов; b, w – произвольные коэффициенты, определяющие масштаб отображения графовой модели; v_{ij} – расстояние между двумя районами области; u_i – значение радиуса i -го района, показывающее, насколько крупным является данный район с точки зрения его территории и численности населения:

$$u_i = \sqrt{w \times a_i} + (1 - w) \times b_i, \quad (2)$$

где w – коэффициент, определяемый экспертом; a_i – значение численности населения i -го района; b_i – площадь i -го района.

Формула (1) описывает S-образную кривую, когда сила отталкивания уменьшается с увеличением расстояния до объекта. Таким образом, на каждую из точек будут действовать множество разнонаправленных сил, которые будут приводить их в движение. После установления равновесия, когда движение точек прекратится, выбираются две точки, расстояние между которыми минимально. Районы, соответствующие этим двум точкам, объединяются. Затем заново рассчитывается вектор значений параметров и зависящие от него весовые коэффициенты, а соответственно и силы, действующие на данную точку. Далее процесс повторяется.

6. Результаты укрупнения, полученные с помощью применения последовательных алгоритмов, могут служить основой для использования итерационного алгоритма, который состоит в следующем. По очереди изменяется принадлежность текущей

вершины к группам уже объединенных вершин, после чего производится оценка социально-экономической эффективности региона в целом. Если наблюдается улучшение ситуации, то текущие изменения (перестановка) сохраняется. В противном случае перестановка отменяется и выполняется цикл по следующему региону.

К достоинствам предложенных алгоритмов можно отнести возможность нахождения глобального экстремума и сведения задачи к процедурам, для которых существуют стандартные количественные методы.

Апробация системы осуществлялась на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области. 185 показателей СЭР объединены в 8 групп: экономическое развитие региона, доходы населения, здравоохранение, образование, ЖКХ, доступность и качество жилья и др. Результаты сопоставления показателей социально-экономического районирования для различных вариантов объединения приведены в таблице. Наилучшее значение составляет 100 единиц. Чем ближе значение к максимуму, тем более предпочтительным является данный вариант АТД.

Значения показателей социально-экономического районирования для различных вариантов АТД

Виды алгоритмов	Варианты АТД		
	Разбиение на 10 районов	Разбиение на 11 районов	Разбиение на 12 районов
1. Алгоритм на основе разности	60,09	59,03	58,03
2. Алгоритм на основе числа связей	58,85	57,42	56,49
3. Алгоритм на основе графа Кёнига	57,12	56,21	55,75
4. Алгоритм на основе кластеризации	60,42	59,13	57,89
5. Алгоритм на основе формул ИРЧП	55,85	56,15	56,63
6. Итерационный алгоритм	60,96	60,11	58,51

Как видно из данных таблицы, наилучшие показатели характерны для итерационного алгоритма укрупнения районов, который предлагается использовать в работе.

Можно сделать следующие выводы о возможности применения модели.

1. *Соответствие иерархии АТД.* Предложенный в работе [1] алгоритм реструктуризации АТД регионов можно рассматривать в качестве варианта реструктуризации субъекта федерации на районы первого и более низких рангов, но в качестве механизма реформирования АТД более крупной системы управления он неприменим. Алгоритмы, в соответствии с которыми предлагается объединять районы по принципу минимального числа коммуникаций между ними, то есть периферийные, можно рассматривать как малоприменимые даже в рамках одного региона. Более конструктивным нам представляется алгоритм расчета модели на основе показателей СЭР и ИРЧП, которые можно рассматривать в качестве индикаторов при административно-территориальном реформировании внутри отдельного региона РФ первого порядка.

2. *Соответствие сложности системы управления.* Расчет только экономических показателей при оценке возможных вариантов реформирования АТД России неприемлем. Для оценки состояния и вариантов изменения сверхсложных многоплановых систем необходимо учитывать не только неоднородность экономического, демографического развития, но и политические условия, перспективы планирования сложных энергопроизводственных циклов, специфику региональной политики, включенность в мировое хозяйство с возможностями и рисками данного процесса и, наконец, геостратегические, военно-стратегические аспекты АТД России.

3. *Экономические принципы.* Описанные выше алгоритмы можно рассматривать как один из инструментов для дальнейшего исследования вопросов, связанных с АД государства. Но как алгоритм принятия конечных управленческих решений данный принцип не может быть использован. В качестве основной идеи авторы закладывают изменение структуры деления региона в сторону большей гомогенности (равномерности) районов по показателям ИРЧП, транспортной инфраструктуры и т. д. С данной установкой нельзя согласиться полностью по двум причинам.

Во-первых, достижение регионом или страной в целом гомогенности по всем (части) показателям развития не является обязательной целью управления вследствие различных условий развития, ресурсов, уровня развития населения.

Во-вторых, еще более существенным контраргументом против слияния регионов, характеризующихся большими различиями в развитии, является необходимость конкуренции между регионами (и районами) вместо поощрения иждивенческих настроений. Реальный уровень федерализма определяется соотношением доходов центрального и региональных бюджетов. В России федеральный бюджет аккумулирует около 70 % всего консолидированного бюджета, включающего бюджеты трех уровней (в Канаде данный показатель составляет около 50 %, в ФРГ – около 45 %, в США – около 30 %; по оценкам, к 2020 г. в России доля федерального бюджета может составить до 60 %). Такое положение достигается «федеральным статусом» налога на добычу полезных ископаемых (составляет около 30 % федерального бюджета) и экспортных пошлин на нефть. Всего же за первый квартал 2013 г. общий объем нефтегазовых доходов составил по факту 9 % ВВП [5]. Существует практика перераспределения доходов и налогов на прибыль между регионами за счет переноса в Москву и Санкт-Петербург головных офисов компаний, добывающих и перерабатывающих сырье. Например, переименование компании «Сибнефть» в «Газпромнефть» и ее перерегистрация в Санкт-Петербурге в 2007 г. лишили Омскую область 40 % бюджета [5]. Значительная часть налогов перераспределяется через центральный бюджет, создавая иждивенческие настроения в дотационных регионах и порождая недовольство регионов-доноров.

Очевидно, необходим баланс между стимулами развития регионов (районов) и сохранением приемлемого уровня социальной стабильности в стране путем реализации модели АД с поправкой на частичное перераспределение консолидированного бюджета в пользу регионов с 70 до 55 %. Следует разделять обоснованное изъятие сверхдоходов из нефтегазовых регионов и необоснованное изъятие слишком большой доли доходов из регионов-доноров, где высокие доходы не связаны с природной рентой.

Модель АД по бассейновому принципу. Данную модель представил профессор кафедры гидрологии Иркутского университета Л.М.Корытный [3]. В рамках данной модели предложен вариант объединения в пределах бассейнов рек и морей регионов России в 23 укрупненных субъекта Федерации, а также выделения двух столичных регионов. Данный подход связан со сравнительно близкими условиями хозяйствования и социально-экономического развития в пределах одного водного бассейна. При определении сетки АД в модели использованы следующие критерии: компактность и смежность единиц; естественность и преемственность новых границ административных единиц; экономическая самодостаточность и величина; АД должно удовлетворять «золотой середине» между стабильностью и динамичностью из-за сдвигов в экономике. С точки зрения автора, «органическая теория» АД вполне наглядно поясняет, что последний из вышеперечисленных критериев вполне оправдан, поскольку слишком сильное, оперативное вмешательство центральной власти в региональную политику (в виде частых реформ АД) приводит к чрезмерному экономическому централизму азиатского типа.

В обоснование бассейнового типа АТД России Л.М.Корытный приводит следующие аргументы:

- водный бассейн является целостным объектом со своим биогеоценозом, оказывающим влияние на генофонд местного населения;
- универсальность данного деления обусловлена тем, что бассейны, как правило, имеют естественные границы, что облегчает и административное разделение территории;
- бассейны – исторические основы развития цивилизации, в которых формируются соответствующие «этнодемографические общности»;
- велика роль водных систем как источника ресурсов пресной воды, транспортных коммуникаций и т. д., вокруг которых концентрируется население, сельскохозяйственное и промышленное производство. Значимость пресной воды в вододефицитных регионах определяет политическую и даже геополитическую роль водных бассейнов как замкнутых систем, объектов экспансии.

Данная аргументация представляется достаточно убедительной с геополитической и социально-демографической точек зрения. Важно, однако, отметить, что Л.М.Корытный придерживается концепции геодетерминизма, в соответствии с которой утверждается абсолютный примат воздействия географических факторов на политическое, социальное и экономическое развитие. При анализе развития передовых экономик необходимо обращать внимание не только на сдвиги материало-, водо- и энергоемких производств к дешевым ресурсам, но и на тот факт, что в структуре производства передовых стран значительно увеличилась доля отраслей с высокой добавленной стоимостью, низкой ресурсоемкостью (микроэлектроника, точное машиностроение, авиа- и автостроение, отрасли ВПК, микробиология и др.). Кроме того, в структуре ВВП развитых стран доля третичного сектора превышает 50–70 %. Прежде всего такие тенденции характерны для США, Японии, ФРГ, Великобритании и новых индустриальных стран. Промышленность (а тем более сфера услуг) таких стран опирается на интернациональный потенциал и кадры. Банковская деятельность, финансовые и информационные услуги через электронные коммуникации могут функционировать в рамках нескольких континентов, как в пределах единого цеха или офиса.

Концепция профессора Л.М.Корытного может быть использована в качестве одного из компонентов современной модели АТД России. Региональная и политическая, демографическая структура экономики России весьма неоднородна, и в регионах, где экономика в основном тяготеет к ресурсному фактору и где высока гомогенность населения, бассейновая концепция вполне может быть положена в основу АТД.

Литература

1. Гудков П.А., Подмарькова Е.М. Алгоритмы реструктуризации административно-территориального деления регионов // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 5. – <http://web.snauka.ru/issues/2013/05/24537>
2. Корытный Л.М. О необходимости и возможности реформирования административно-территориального деления России // Сб. докл. XXV сес. МАРС / под ред. С.С.Аргоболевского, Л.М.Синцера. – М., 2008.
3. Молочников Н.Р., Пономарева Т.Г. Развитие многоуровневой конкурентоспособности. – СПб., 2008. – 97 с.
4. Пономарева Т.Г. Посткризисное развитие экономических объединений и организаций в условиях глобализации. – СПб., 2011. – 160 с.
5. Данные по бюджету РФ. – http://www.minfin.ru/ru/budget/federal_budget/

Интенсивность и экстенсивность инновационного развития

Н.КУЗЬМИНЫХ

Сегодня вопросам инновационного развития социально-экономических систем уделяется значительное внимание, что обусловлено необходимостью формирования конкурентоспособной экономики России. Сложность рассматриваемой проблематики связана в первую очередь с разнообразием теоретических подходов к понятию и сущности инновационного развития.

Понятие и сущность инновационного развития. Как известно, развитие – процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное [18]. При этом процесс представляется в виде совокупности последовательных действий, направленных на достижение определенного результата [19]. С понятием «развитие» связано понятие «инновации». Инновации – это новшества, нововведения, которые при внедрении в хозяйственный оборот социально-экономической системы дают определенный эффект; это стратегический инструмент для развития данной системы [15].

Как показали результаты анализа экономической литературы, существуют различные точки зрения в отношении определения понятия «инновационное развитие».

Так, Ю.А.Кармышев инновационное развитие представляет в виде особой инновационной «настройки» государственного механизма воздействия на экономику и рыночную самоорганизацию с ориентацией всех сфер экономической деятельности на комплексное использование инноваций в производстве товаров и услуг и перераспределение форм и методов регулирования по результативности воздействия [5]. При этом исследователь не указывает конкретные цели достижения, не раскрывает результативную составляющую процесса инновационного развития.

В.М.Аньшин полагает, что понятие «инновационное развитие» связано со способностью хозяйственной единицы развиваться на собственной основе в будущем [1]. Предложенный коэффициент способности к инновационному развитию дает возможность выбора инновационной стратегии развития организации. Однако не предлагается методика выбора инновационной стратегии конкретной организации.

В.П.Баранчев [2] раскрывает сущность инновационного развития посредством усиленного использования инновационных возможностей для достижения поставленных целей развития управляемого социального объекта по различным направлениям. При этом в качестве основной цели инновационного развития рассматривается кардинальное повышение конкурентоспособности предприятия на различных рынках. Это достигается за счет высокодоходного портфеля инновационных проектов. Инновационный проект, в свою очередь, описывает процесс коммерциализации инновации.

И.Б.Гурков рассматривает инновационное развитие как совокупность инновационных процессов, заключающихся в освоении нового продукта, новых методов производства, новых методов кадровой работы; изучении новых рынков сбыта [4]. Вместе с тем содержание понятия «инновационное развитие» в данной интерпретации не дает возможности конкретизировать новизну продукта и процесса. Кроме того, не предложены какие-либо методические рекомендации по оценке инновационного развития организации.

Кузьминых Наталья Александровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. E-mail: kashatan@inbox.ru

А.А.Трифилова определяет инновационное развитие организаций как изменение ее экономических показателей в результате освоения новых научно-технических достижений [13]. Однако предложенный автором интегральный показатель уровня инновационного развития не учитывает влияние характерных показателей процесса вовлечения новых технологий на принятие управленческих решений в рамках стратегии развития организаций.

Л.Е.Чередникова считает, что инновационное развитие – это траектория движения обеспечения внешней эффективности функционирования социально-экономической системы на основе различных изменений, вызванных влиянием факторов, представленных в виде новых технологий; их приложений в форме новых товаров, услуг и процессов; новых организационных структур или новых подходов к управлению [14].

Ю.Максимов отмечает, что инновационное развитие может рассматриваться не только как потенциальные возможности системы, но и как степень вовлечения новых технологий в хозяйственный оборот организации [10]. Инновационное развитие, по мнению данного автора, заключается в достижении максимальной эффективности инновационного процесса и характеризуется количественными параметрами по полноте и скорости движения по инновационному циклу [15].

На основе проведенного анализа под инновационным развитием мы предлагаем понимать системный процесс социально-экономического развития, основанный на знаниях и инновациях, реализующий конкурентные преимущества экономики страны, обеспечивающий устойчивый экономический рост, повышение качества и уровня жизни населения посредством гармонизации интересов его участников в едином информационном пространстве [6; 7; 8; 9].

Анализ показателей экстенсивности и интенсивности инновационного развития. Направленность инновационной деятельности в России следует определить на основе показателей экстенсивности и интенсивности. Экстенсивность инновационного развития характеризуется показателем удельного веса инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг [3], а также удельным весом организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций. Так, показатель удельного веса инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по промышленному производству, с одной стороны, увеличился на 3,4 п. п. в 2012 г. по сравнению с 2000 г., с другой стороны, составив 7,8 %, не достиг уровня развитых стран, оставаясь одним из самых низких в мире. При этом в сфере связи, а также деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, этот показатель сократился с 16,9 % в 2000 г. до 3,0 % в 2012 г. Следует отметить, что доля организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций в сфере промышленного производства сократилась за рассматриваемый период на 0,7 п. п., составив 9,9%; по связи, деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, – на 1,8 п. п., составив 10,3 %.

Отметим, что по итогам 2009 г. в число двадцати крупнейших инновационных компаний мира входят 9 компаний США, 7 компаний Европы, 3 компании Японии и одна компания Южной Кореи. Сопоставление с зарубежными странами свидетельствует о низком уровне инновационности продукции, отражая невысокую плотность инновационной деятельности в России [12].

Интенсивность инновационного развития определяется насыщенностью экономической деятельности инновационной [3], то есть удельным весом затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг [3] и удельным весом затрат на исследования и разработки в валовом внутреннем продукте. Как показали результаты анализа, доля затрат на исследования и разработки в валовом внутреннем продукте в Российской Федерации в 2012 г. по сравнению с 2000 г. увеличилась на 0,07 п. п. (табл. 1). При этом рост обеспечивается

в большей степени за счет бюджетного финансирования. В рамках «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» целевой ориентир данного показателя в 2020 г. отмечен на уровне 2,5–3 %. Вместе с тем специалисты утверждают, что указанный скачок должен быть обеспечен за счет частного финансирования, но доля средств организаций предпринимательского сектора в общей сумме затрат в 2012 г. снизилась на 1,79 п. п. по сравнению с 2000 г.

**Внутренние затраты на научные исследования и разработки
к валовому внутреннему продукту (ВВП), % [16; 17]**

Наименование показателя	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Внутренние затраты на научные исследования и разработки к ВВП, %	1,05	1,18	1,25	1,29	1,15	1,07	1,07	1,12	1,04	1,25	1,13	1,09	1,12

Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг промышленного производства за период с 2000 по 2012 г. вырос на 0,04 п. п., составив в 2012 г. 1,8 %, а в сфере связи, деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, уменьшился на 6,7 п.п., составив 4,4 %. В целом по данному показателю по всем видам деятельности РФ уступает Дании, Финляндии, Швеции и обгоняет Германию и некоторые другие страны [17], что свидетельствует о высоком показателе затрат на инновационную деятельность по сравнению с другими зарубежными странами, но внутренняя ситуация в инновационной сфере говорит о недостаточно благоприятных условиях для ускорения инновационных процессов.

Сравнивая скорость изменения показателей инновационного развития, характерных для разных стран, можно сделать вывод, что в России преобладает экстенсивный характер инновационной деятельности. При этом для достижения уровня инновационного развития передовых зарубежных стран не хватает значительного ускорения во всех сферах деятельности.

Проблемы инновационного развития российской экономики. В процессе исследования особенностей инновационного развития установлено, что в настоящее время существуют определенные проблемы, связанные с формированием инновационной экономики в России. Среди них в первую очередь можно отметить следующие:

1. Законодательство не в полной мере регулирует вопросы развития инновационной деятельности. В частности, не до конца отработаны понятийный аппарат, организационные, экономические и финансовые меры, вопросы защиты интеллектуальной собственности. В связи с этим нормативно-правовая база, имеющаяся сегодня, не обеспечивает согласования интересов государства, регионов, муниципальных образований, бизнес-структур, населения в реализации модели инновационного развития. Требуется четкая постановка целей и задач, определение роли и места каждого из ведущих субъектов хозяйствования в инновационном развитии, установление эффективных взаимосвязей между государством, бизнесом, наукой, образованием.

2. Наблюдается функциональная недостаточность инновационной инфраструктуры. На сегодняшний момент нет целостности, налицо «оторванность» отдельных элементов инновационной инфраструктуры друг от друга. С учетом этого полнота инновационной инфраструктуры должна достигаться за счет развития в комплексе технологической инфраструктуры, инфраструктуры подготовки кадров, консалтинговой инфраструктуры, информационной инфраструктуры, финансовой инфраструктуры, сбытовой инфраструктуры.

3. Имеет место недостаточное инвестиционное обеспечение, тормозящее обновление производственных помещений, исследовательской базы, производственных

мощностей, развитие кадров, обладающих необходимой квалификацией, и сбытовых сетей, обеспечивающих продвижение продукции на рынки и т. д.

Как показывает проведенный анализ, развитие инновационной деятельности происходит за счет собственных средств предприятий, но катастрофическая нехватка этих средств не дает возможности поддерживать и развивать инновационные процессы. Российский финансовый рынок (кредитный рынок и рынок ценных бумаг) не обеспечивает прорыв в области инноваций из-за высоких процентных ставок по кредитам, устойчивых инфляционных ожиданий, постоянного колебания ставки рефинансирования, дефицита рублевых средств, зависимости от внешних факторов и высокой чувствительности рынков к ним и т. д. Венчурные механизмы практически не работают, а системы «посевого» финансирования, получившие развитие в последнее время, не могут охватить весь объем проблем инвестирования в инновационную деятельность в силу недостаточности ресурсов, выделяемых на инновации. Несмотря на то, что законодательство Российской Федерации устанавливает определенные гарантии прав инвесторов, предоставляет льготы по налогообложению, получению инвестиционных кредитов и т. д., существуют проблемы несовершенства сложившейся системы инвестирования.

При этом можно выделить несколько этапов осуществления поддержки инновационной сферы со стороны государства, отправными точками которых можно считать кризисы, произошедшие в России. Еще в 1960–1980-е гг. поддержка со стороны государства оказывалась крупным предприятиям микроэлектроники, космической, военной и атомной промышленности, что привело к определенной асимметрии развития отечественной промышленности и растрачиванию инновационного потенциала. Второй этап оказания помощи и переосмысления ситуации в инновационной сфере приходится на 1987–1998 гг., в его рамках предполагалась поддержка предприятий малого и среднего бизнеса. Однако ограниченный объем «вливаний» со стороны государства, определенные трудности в части налогообложения, аренды, интеллектуальной собственности спровоцировали потерю интереса малых и средних предприятий к осуществлению инновационной деятельности, утрату кадрового потенциала научной сферы, уменьшение объема научных исследований, разрушение научной инфраструктуры. «Переломной точкой» явился кризис 1998 г., когда государство начало поддерживать как крупные корпорации, так и малый и средний бизнес. В настоящее время стоит следующая задача: посредством создания условий для повышения восприимчивости бизнеса и экономики к инновациям к 2020 г. осуществить масштабное перевооружение и модернизацию промышленного производства, сформировав инновационную экономику.

В России оказывается достаточно масштабная прямая государственная поддержка инновационной деятельности по сравнению с объемом частных затрат на исследования и разработки. Так, субсидии, выделяемые из бюджетов на исследования и разработки, весьма значительны и превышают показатели зарубежных стран. Косвенная же поддержка, осуществляемая в виде налоговых льгот, практически отсутствует.

4. Отсутствует эффективный механизм взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и населения. Сегодня реализация принципа государственно-частного партнерства не обладает такой эффективностью, как в зарубежных странах, несмотря на то, что есть определенные подвижки в области законодательства государственно-частного партнерства. Сдерживающие факторы правового и организационного характера не позволяют государственно-частному партнерству включиться в реализацию инновационно-инвестиционных проектов федерального, регионального и муниципального уровней. Учитывая это, необходимо четко разграничить права и обязанности участников инновационного процесса, активно привлекать бизнес к реализации инновационно-инвестиционных проектов.

5. Наблюдается значительная инновационная некомпетентность. Население не готово воспринимать инновационный путь развития как стратегический и единственно возможный, поскольку сказывается психологический фактор невосприятия чего-то нового. Так, на местах зачастую используются традиционные методы и инструменты управления, уже утратившие эффективность. Кроме того, инновационные процессы в экономике тормозит нехватка профессионалов в сфере науки и техники. Учитывая это, необходимо повышать уровень образования в сфере инноваций и инвестиций.

6. Отсутствует методическое обеспечение инновационного развития, соответствующее специфическим российским условиям и позволяющее грамотно оценивать сложившуюся ситуацию, принимать управленческие решения инновационного характера. В связи с этим необходимо обучать специалистов оценке инновационно-инвестиционных проектов в части инструментария оценки рисков, эффективности, а также оценке уровня инновационного развития социально-экономических систем [6; 7; 8; 9].

Пути решения проблем инновационного развития. Основными направлениями формирования модели инновационного развития являются:

- переориентация политики государства на всех уровнях управления на инновационный путь развития;
- создание нормативно-правовой базы, отвечающей требованиям развития экономики по инновационному пути;
- развитие инновационной инфраструктуры;
- обеспечение эффекта синергии инновационного развития от взаимодействия государства, бизнеса, науки и образования;
- привлечение различных ресурсов, необходимых для инновационной деятельности;
- осознание необходимости инновационного развития в целях повышения конкурентных позиций не только на внутреннем, но и на внешнем рынке;
- поддержка инновационного предпринимательства [6; 7; 8; 9].

Таким образом, проблемы, сложившиеся в инновационной сфере России, свидетельствуют о невозможности достижения целевых ориентиров без так называемого «принуждения к инновациям» на основе принципа инновационного конвейера, обеспечивающего воспроизводственный цикл инноваций, то есть постоянный, систематический процесс от генерации новых идей до создания и диффузии инноваций. В основе развития лежат инновации, но не любое развитие является инновационным. Так, по словам К. Маркса, «...через известные промежутки времени совершается воспроизводство, и притом... воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется только поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более эффективные средства производства» [11]. Учитывая это, в России необходимо улучшать показатели как экстенсивности, так и интенсивности инновационного развития, создавая благоприятные условия хозяйствования, что обеспечит повышение конкурентоспособности отечественной экономики на внутренних и внешних рынках, уровня и качества жизни населения.

Литература

1. Аньшин В.М., Филин С.А. Менеджмент инвестиций и инноваций в малом и венчурном бизнесе: учеб. пособие. – М.: «Анкил», 2003. – 360 с.
2. Баранчев В.П., Мартынов Л.М. Механизм инновационного развития организации // Изобретательство. – 2005. – № 7. – С. 11–28.
3. Голиченко О.Г. Основные вызовы и проблемы инновационного развития России // Труды 5-й междунар. конф.: «Глобеликс – Россия 2007: Развитие национальных и региональных инновационных систем для повышения конкурентоспособности и качества жизни – партнерство государства, науки, образования и бизнеса (теория, проблемы, опыт, перспективы)». Т. 3. – Саратов, 2007. – С. 218–229.

Адаптационная динамика системы трансфера технологий в Республике Башкортостан

К.САДЫКОВА

Оценка инновационной деятельности в целом и такой ее важной составляющей, как трансфер и коммерциализация технологий, на основе государственного статистического наблюдения играет значительную роль в формировании системы адекватного отражения ситуации в сфере исследований и разработок. Однако в поле зрения современной государственной статистики вопросы инновационной деятельности попадают выборочно и касаются преимущественно количественной характеристики производства инновационной продукции. Динамика трансфера и коммерциализации технологий, к сожалению, пока не входит в сферу компетенции органов статистики.

С учетом существующих проблем в сфере эмпирического анализа трансфера и коммерциализации технологий был проведен мониторинг развития системы трансфера

Садыкова Карина Ильгизовна, аспирант кафедры инновационной экономики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.
E-mail: Sadykovaki@gmail.com

технологий в Республике Башкортостан на инновационно активных предприятиях, в научных организациях и высших учебных заведениях (методические аспекты и особенности мониторинга основаны на разработках коллектива исследователей [4] и доработаны автором). Характеристики инновационной инфраструктуры в целом и адаптационной динамики системы трансфера технологий в 2007–2012 гг. сформулированы на основе сопоставления результатов мониторинга с результатами, полученными в 2007 г. [4].

Динамика взаимодействия инновационно активных предприятий, научных организаций и высших учебных заведений. Формирование эффективной системы инновационного развития требует результативного взаимодействия реального сектора экономики со сферами науки и образования. Согласно опросу, проведенному среди представителей предприятий реального сектора экономики, основными формами взаимодействия предприятий и высших учебных заведений являются следующие (табл. 1).

Таблица 1

Основные формы взаимодействия предприятий и высших учебных заведений

Форма взаимодействия предприятий с высшими учебными заведениями	Доля респондентов, выбравших данный вариант, %	
	2007 г.	2012 г.
Участие в подготовке вузами специалистов с высшим образованием	60,6	46,2
Привлечение на работу специалистов с высшим образованием	75,8	69,2
Взаимодействие в рамках совместных научных исследований	27,3	19,2
Совместное участие в реализации проектов для реального сектора экономики	27,3	15,4
Другое	0,0	3,8
Взаимодействие с вузами отсутствует	6,1	11,5

При этом респонденты из каждого третьего вуза (33 %) указывают на высокую степень заинтересованности предприятий реального сектора в сотрудничестве с ними. Пять лет назад подобную точку зрения высказывали респонденты лишь каждого восьмого вуза (12,5 %).

Однако если привлечение на работу специалистов с высшим образованием требует лишь опосредованного взаимодействия (отмечено представителями более чем 75 % предприятий в 2007 г. и около 70 % в 2012 г.), то участие предприятий в подготовке специалистов с высшим образованием (60,6 и 46,2 % соответственно), совместное участие в реализации проектов для реального сектора экономики (27,3 и 15,4 %) и взаимодействие в рамках совместных научных исследований (27,3 и 19,2 %) требует самого активного сотрудничества.

В 2007 г. около 45 % предприятий и более 85 % вузов (в 2012 г. – 31 и 83 % соответственно) прогнозировали усиление взаимодействия в перспективе.

Практически все вузы взаимодействуют с реальным сектором экономики, в то время как каждое пятое предприятие не участвовало и не участвует ни в каких совместных с вузами проектах.

Динамика отношений субъектов реального сектора экономики и научных организаций определяется схожими признаками. Так, лишь каждое десятое предприятие в 2012 г. регулярно осуществляло совместные проекты с научными организациями, тогда как 25 % из числа последних (пять лет назад – более 50 %) участвовали в этом процессе. Большая часть предприятий (около 40 %) и более трети научных организаций имеют периодические связи в области реализации совместных проектов. Научные организации являются менее открытыми в плане взаимодействия

с реальным сектором экономики: более трети предприятий никогда не осуществляли реализацию работ, проектов совместно с наукой (против пятой части предприятий, которые никогда не выполняли совместные проекты с вузами). Динамика представлений работников реального сектора о содержании взаимодействия предприятий этого сектора и научных организаций представлена в таблице 2.

Таблица 2

Динамика мнений представителей реального сектора о содержании взаимодействия предприятий реального сектора и научных организаций
(доля респондентов, выбравших данный вариант ответа, %)

Содержание взаимодействия	2007 г.	2012 г.
работа нашей организации по заказам научных организаций	9,1	7,7
размещение заказов нашей организацией в научных организациях	36,4	38,5
реализация совместных проектов на паритетных началах	18,2	15,4
способы взаимодействия присутствуют в равной степени	12,1	7,7

Примечательны результаты сопоставительного анализа представлений обеих сторон – работников предприятий реального сектора и научных организаций – относительно содержания взаимодействия (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение представлений о содержании взаимодействия у предприятий реального сектора и научных организаций (2012)
(доля респондентов, выбравших данный вариант ответа, %)

Содержание взаимодействия	предприятия	научный сектор
преимущественно выполнение работ нашей организацией	7,7	62,5
преимущественно размещение заказов нашей организацией	38,5	0,0
преимущественно реализация совместных проектов на паритетных началах, в том числе учреждение предприятий	15,4	0,0
способы взаимодействия присутствуют в равной степени	7,7	12,5

Судя по данным таблицы 3, основным направлением взаимодействия является преимущественное размещение заказа предприятиями реального сектора и его выполнение научными организациями.

Также необходимо учесть показатели результативности совместной деятельности, проводимой предприятиями и научными организациями. Так, в 2012 г. 7 % совместных проектов (против 15 % в 2007 г.) имели своим результатом технологические инновации, в то же время почти треть проектов не имела соответствующих результатов (в 2007 г. – 18,2 %).

Степень заинтересованности предприятий реального сектора экономики в услугах научных организаций 75 % респондентов из науки оценивают как незначительную (или констатируется отсутствие заинтересованности). Однако научные организации (75 %) прогнозируют сближение с предприятиями реального сектора, усиление взаимодействия. Респонденты, работающие на предприятиях реального сектора, более осторожны в прогнозах: лишь 31 % прогнозируют усиление взаимодействия, около 46 % – его сохранение на прежнем уровне.

Повышенный оптимизм сотрудников вузов и научных организаций базируется на наличии определенных наработок, способных представлять интерес для промышленной сферы: у большинства вузов и научных организаций имеются готовые к реализации проекты. Среднее число таких проектов в 2012 г. в вузах составляло около 7,2, в научных организациях – около 5,5 (в 2007 г. в вузах – около 5,5; в научных организациях – примерно 1,9).

Согласно результатам исследования, с точки зрения участников трансфера, наиболее эффективным способом трансфера технологий выступает «самостоятельный поиск клиентов и работа по прямым заказам». Респонденты отмечают тенденцию к падению значимости специализированных центров трансфера технологий в последние годы. Такой способ трансфера, как приобретение/продажа патента, является значимым для организаций науки, но не для вузов и предприятий реального сектора экономики. Около трети респондентов из вузов отметили, что для вузов представляет интерес система учреждения организацией нового предприятия, что, очевидно, является следствием соответствующего законодательного обеспечения (Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ [1]).

Респондентам был также задан вопрос о самых распространенных способах трансфера инноваций, применяемых в их организациях. В большинстве организаций респондентов используется самостоятельный поиск и работа по прямым заказам. Привлечение специализированных центров и торговля патентами считаются эффективными способами трансфера технологий, но на практике они применяются достаточно редко. Это может быть связано с неразвитой системой подобных центров в республике, а также с неразвитым рынком прав на интеллектуальную собственность.

Таким образом, существует потребность во введении дополнительного элемента, так называемого «катализатора» взаимодействий, который будет обеспечивать построение и поддержание соответствующих связей в сфере трансфера технологий между наукой, образованием и реальным сектором экономики. В качестве такого «катализатора» должна выступить обновленная система трансфера технологий, выстраиваемая при участии государства.

Однако в Республике Башкортостан в настоящее время функционируют только несколько центров трансфера технологий, как правило, созданных при государственных научных центрах и высших учебных заведениях: центр трансфера технологий Академии наук Республики Башкортостан, межвузовский центр трансфера технологий Уфимского государственного авиационного технического университета, центр трансфера технологий Башкирского государственного университета, центр трансфера технологий Уфимского государственного нефтяного технического университета, центр трансфера технологий в наноиндустрии Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы (следует отметить, что только первые два из перечисленных центров числятся в региональном реестре субъектов инновационной инфраструктуры).

Роль государства в развитии трансфера технологий. Опыт передовых и технологически развитых обществ свидетельствует о том, что государственный протекционизм является одним из важных институциональных механизмов построения инновационной экономики [3]. Роль государства в данном процессе не ограничивается государственным заказом в наиболее важных для него сферах, а предполагает реализацию следующих основных направлений: развитие соответствующей нормативно-правовой базы, обеспечивающей льготный бюджетный, налоговый, финансовый режим в отношении субъектов инновационной деятельности; развитие инфраструктуры обеспечения инновационной деятельности (центров технологического трансфера, венчурных институтов финансирования, технологических и промышленных парков, бизнес-инкубаторов для высокотехнологичного предпринимательства и т.п.) [2].

Большую роль в развитии государственной политики в этой сфере может сыграть диалог власти и представителей научного сообщества, которые оказывают экспертную поддержку государственным органам. Таким образом, совместные усилия государственных органов власти, научного сообщества и предпринимателей являются необходимой мерой для дальнейшего развития инновационной деятельности. В то же время, с точки зрения большинства респондентов, роль государства в формировании инновационной экономики невелика (табл. 4).

Оценка роли государства в развитии научно-технической и промышленной политики в интересах формирования инновационной экономики
(доля респондентов, выбравших данный вариант ответа, %)

Секторы		Участие государства	В Башкортостане			В Российской Федерации		
			государство делает для этого все необходимое	государство делает для этого очень мало	государство практически ничего для этого не делает	государство делает для этого все необходимое	государство делает для этого очень мало	государство практически ничего для этого не делает
Предприятия	2007 г.		18,2	72,7	6,1	9,1	69,7	3,0
	2012 г.		3,8	50,0	19,2	7,7	50,0	19,2
Высшие учебные заведения	2007 г.		12,5	62,5	12,5	0,0	75,0	12,5
	2012 г.		33,3	66,7	0,0	16,7	83,3	0,0
Научные организации	2007 г.		35,7	57,1	7,1	14,3	64,3	7,1
	2012 г.		12,5	87,5	0,0	0,0	87,5	0,0

Основными факторами, сдерживающими развитие инноваций, представляются слабая финансовая поддержка со стороны государства, отсутствие согласованной научно-технической и промышленной политики, нехватка специалистов в области инновационного менеджмента, недостаточный уровень развития как инновационной инфраструктуры, так и исследований рынка наукоемкой и высокотехнологичной продукции, отсутствие частных инвестиций, высокий риск финансовых потерь и пр.

В ходе исследования также выявлялись основные, с точки зрения респондентов, направления модернизации законодательства, регулирующего инновационную деятельность: в области формирования адекватной инновационной стратегии, содействия привлечению инвестиций, защиты интеллектуальной собственности (табл. 5). Респонденты также высказали свое мнение о том, какие мероприятия являются наиболее эффективными с точки зрения повышения эффективности научно-технической и промышленной политики в целях обновления системы трансфера технологий (табл. 6).

Таблица 5

Сферы законодательства в области инновационной деятельности, требующие модернизации (доля респондентов, выбравших данный вариант ответа, %)

Сферы законодательства	предприятия		вузы		научные организации	
	2007 г.	2012 г.	2007 г.	2012 г.	2007 г.	2012 г.
формирование адекватной инновационной стратегии	33	54	38	50	71	63
установление общих принципов регулирования инновационной деятельности	30	46	38	50	43	25
техническое регулирование	12	27	25	0	29	25
таможенное законодательство	24	19	13	0	0	0
содействие привлечению инвестиций	55	58	50	83	57	63
содействие кооперации и трансферу технологий	27	19	13	33	36	13
содействие рационализаторству и изобретательству	33	35	25	33	57	38
защита интеллектуальной собственности	30	12	25	0	64	38
другое	6	0	0	0	14	0

Таблица 6

Мнения респондентов о мероприятиях, необходимых для повышения эффективности научно-технической и промышленной политики в целях обновления системы трансфера технологий (доля респондентов, выбравших данный вариант ответа, %)

Мероприятия	предприятия		вузы		научные организации	
	2007 г.	2012 г.	2007 г.	2012 г.	2007 г.	2012 г.
повышение результативности бюджетных расходов на научные исследования и разработки	45	62	38	50	57	63
улучшение положения государственного сектора науки	48	15	75	67	86	75
укрепление позиций наиболее конкурентоспособных научных организаций	24	31	38	33	50	63
усиление инновационной направленности научных организаций	33	35	38	83	50	50
повышение эффективности в сфере распоряжения имуществом комплексными государственными научными организациями	12	4	13	17	0	0
сокращение бюджетных расходов на государственный сектор науки	0	0	0	0	0	0
проведение разгосударствления организаций государственного сектора науки	0	0	0	0	0	0
формирование инновационной инфраструктуры	33	35	50	17	50	25
предоставление соответствующих льгот для развития кооперационных связей между наукой, образованием и реальным сектором экономики	64	50	38	50	93	50
формирование государственного заказа на исследования по предложениям реального сектора экономики	24	38	63	50	79	63
обеспечение финансовой поддержки инновационно-направленных предприятий	76	58	25	17	71	25
развитие экономической свободы образовательных учреждений	21	12	38	50	50	0
другое	3	0	0	0	14	0

Анализ осуществления деятельности в сфере исследований и разработок, основанный на показателях эффективности деятельности, позволяет констатировать наличие потребности в реализации мер по стимулированию процессов коммерциализации технологий и повышению уровня восприимчивости секторов республиканской экономики к инновациям.

В Башкортостане, несмотря на проведение планомерной работы по созданию условий, способствующих развитию конкуренции и повышению уровня открытости рыночной экономики региона, принцип «laissez-faire» дает значительные сбои, а порожаемые им «ошибки рынка» выступают барьером для инвестиций в инновации. Двойственная природа исследований и разработок как общественного блага, с одной стороны, и участия результатов НИОКР в рыночных отношениях как товара с учетом интересов частных интересов, с другой стороны, приводит к недостаточному уровню инновационной активности.

В данной ситуации роль государства не может быть сведена только к мерам прямого регулирования в сфере исследований и разработок. С нашей точки зрения, инновации – это атрибут функционирования конкурентной среды, которая сформирована и регулируется таким образом, что инструментом повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов становится коммерциализация знаний. Таким образом, роль государства заключается в формировании системы распределения рисков между обществом и субъектами инновационной деятельности, принимаемой и разделяемой всеми сторонами, которые являются как участниками инновационного процесса, так и потребителями его результатов.

В заключение отметим, что в настоящее время, по оценкам ряда представителей организаций науки, отставание важнейших областей российской науки от уровня передовых стран принимает критический характер. Следовательно, инструментарий реформирования сферы исследований и разработок должен быть кардинально трансформирован. Целями такой трансформации, с нашей точки зрения, выступают совершенствование институтов и механизмов экономического регулирования, обеспечивающие принципиально более благоприятные условия перехода результатов научных исследований и разработок в сферу бизнеса. Очевидно, что для нивелирования или хотя бы сокращения разрыва с уровнем передовых стран требуется определение ключевых характеристик такого отставания, а также эффективных способов форсированного развития взаимодействия сфер науки, образования и бизнеса не столько по каждой конкретной области (отрасли) науки, сколько в межотраслевом разрезе. Приоритетом также остается государственное регулирование инновационной деятельности в части обновления системы коммерциализации знаний посредством формирования соответствующих институциональных, финансовых, налоговых, социальных условий.

Литература

1. Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».
2. Алексеев А.А. Государственное регулирование экономических отношений при переходе к новой экономике: автореф. ... канд. экон. наук. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный технологический университет, 2010. – 24 с.
3. Ахтариев Р.Р. Развитие хозяйственных связей между крупным и малым бизнесом в отечественной экономике // Российское предпринимательство. – 2011. – № 1. – Вып. 2. – С. 23–29.
4. Вагапов Р.Ф., Артемова Е.А., Таюпов Р.И. Итоги мониторинга эффективности деятельности в сфере исследований и разработок в Республике Башкортостан: препринт / под ред. Н.З.Солодиловой. – Уфа: Министерство промышленности, инвестиционной и инновационной политики Республики Башкортостан, 2008. – 94 с.

Зарубежный опыт инновационного развития дорожного хозяйства

А.СОКОЛИНСКИЙ

Опыт передовых стран. Дорожное хозяйство является основным элементом промышленной и социально-экономической инфраструктуры. Низкий уровень развития дорожной сети России в немалой степени сдерживает рост национальной экономики. Плотность сети автомобильных дорог Российской Федерации – 0,06 км/км², что на порядок ниже, чем в большинстве развитых стран (табл. 1) [8].

Целый ряд передовых государств (США, Германия, Китай) осуществляли формирование транспортной инфраструктуры на базе долгосрочных стратегических

Соколинский Антон Андреевич, магистрант кафедры инновационной экономики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.
E-mail: antonsokolinskii@mail.ru

программ по развитию сети автомобильных дорог, в которых был прописан комплекс мероприятий по реализации данных программ и установлен соответствующий объем финансовой поддержки [6].

Таблица 1

Относительная плотность сети дорог разных стран, км/км²

Страна	Плотность	Страна	Плотность
Бельгия	4,2 (96)*	Югославия	0,47 (60)
Япония	2,94 (68)	Турция	0,41 (14,2)
Нидерланды	2,78 (88)	Новая Зеландия	0,35 (55)
Дания	1,64 (100)	Румыния	0,31 (50,7)
Франция	1,46 (100)	Бразилия	0,20 (8,2)
Великобритания	1,54 (100)	Тунис	0,18 (60)
Австрия	1,3 (100)	Сирия	0,18 (29)
Польша	1,15 (52)	Южная Африка	0,18 (29)
Венгрия	1,13 (50)	Пакистан	0,14 (52)
Италия	1,10 (100)	Тайланд	0,14 (52)
Канада	0,85 (29)	Венесуэла	0,11 (33)
США	0,67 (57)	Южная Корея	0,56 (51)
Испания	0,63 (98)		

* Показатель в скобках указывает долю дорог с твердым покрытием (% от общей протяженности дорожной сети).

К примеру, на развитие экономики США в значительной степени повлияла Программа создания Федеральной системы скоростных автомагистралей (Interstate Highway System), реализация которой началась при Президенте Д. Эйзенхауэре в 1956 г. Строительство скоростных автомобильных дорог Эйзенхауэр считал приоритетной задачей государственной политики. Именно в этот период были сформированы основные направления сети автомагистралей, не только объединившей крупные города и промышленные центры, но и обеспечившей выход на трансконтинентальные транспортные коридоры.

Для финансирования программы был создан специальный трастовый фонд (Highway Trust Fund), пополнение которого осуществлялось за счет налогов на бензин и других пошлин. Федеральное правительство инвестировало 90 % средств на выполнение программы, остальные 10 % вложили правительства штатов.

На данный момент протяженность комплекса скоростных магистралей США составляет 72 тыс. км и связывает все мегаполисы и крупные промышленные центры и 49 штатов страны. Функционирование транспортной инфраструктуры способствовало развитию небольших городов и сельских районов, а также стимулировало появление множества объектов обустройства и сервиса автомобильных дорог (новые автозаправочные станции, станции технического обслуживания, мотели, кемпинги, магазины). В результате появились тысячи новых рабочих мест. Кроме того, с вводом скоростных дорог значительно снизились издержки товаропроизводителей за счет увеличения скорости и доступности дорожной сети, повысилась конкурентоспособность американских производителей на внутреннем и международном рынках [3].

Евросоюз решает вопросы формирования трансъевропейского дорожного комплекса, состоящего из сети международных транспортных коридоров. Для реализации соответствующих мероприятий заложены значительные объемы государственного финансирования (со стороны членов ЕС) основных направлений функционирования дорожной сети, улучшения экономических международных связей [3; 5].

Бесспорным лидером среди европейских держав в дорожной отрасли является Германия. Эта страна занимает одну из первых позиций по плотности сети автомобильных дорог. Немецкая система управления дорожным хозяйством децентрализована. Местные органы управления наделены широким спектром законодательно закрепленных полномочий. Колоссальным достижением немецкого дорожного строительства являются автобаны, предназначенные для скоростного движения транспортных средств. Автобаны характеризуются высокими потребительскими свойствами, максимальным удобством и безопасностью дорожного движения, экологической безопасностью (автобаны оснащены инженерными сооружениями, барьерными ограждениями, акустическими экранами, защитными галереями, объектами обустройства и сервиса автомобильных дорог, информационными табло с необходимыми данными о климатических условиях, организации движения и др.) [3; 5]. Германия занимает первое место по уровню финансирования дорожной деятельности (табл. 2).

В Китае общая протяженность дорожной сети составляет 1,9 млн км. К 2020 г. правительство КНР намерено увеличить показатель общей протяженности дорог до 3 млн км. При этом большинство скоростных автомобильных дорог на территории Китая работают на платной основе. Платный проезд установлен также на национальных магистралях, которые не относятся к скоростным автомобильным дорогам [5; 6].

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что объем финансирования автомобильных дорог в России намного меньше, чем в развитых странах. Отечественная автодорожная сеть требует значительных инвестиций в строительство скоростных автомобильных дорог [6].

Таблица 2

Расходы на дорожные работы на одного жителя в различных странах

Страна	Расходы на одного жителя, дол. США
Германия	417
Финляндия	364
Италия	363
Болгария	358
США	313
Литва	270
Франция	201
Англия	161
Россия	89
Беларусь	39

При этом опыт построения транспортной сети в зарубежных странах характеризуется уменьшением доли государственного финансирования и большим объемом частных инвестиций в дорожную отрасль. Реформирование системы управления дорожным хозяйством сопровождается быстрым ростом эксплуатационных компаний на основе частного капитала. Одним из наиболее эффективных методов привлечения инвестиций в дорожную сферу служит государственно-частное партнерство, основанное на минимальных рисках. Поступление частных инвестиций благоприятно сказывается на развитии дорожной отрасли. Государство осуществляет функцию гаранта при выполнении подрядных контрактов, что снижает риски и способствует привлечению частных инвесторов.

Механизмы привлечения инвестиций в дорожную отрасль. Для формирования эффективной разветвленной сети автомобильных дорог необходимы значительные инвестиции. Хорошим вариантом развития эффективной инфраструктуры является строительство платных автомагистралей, введение новых транспортных пошлин и др. Платные автомобильные дороги, а также мосты, тоннели, путепроводы способствуют быстрому росту транспортных связей. В настоящее время доля платных автомобильных дорог в мире составляет 3 %. Достоинствами платных автомобильных дорог являются их меньшая протяженность, повышенная безопасность движения, более высокая скорость трафика, комфортный режим передвижения.

Создание сети платных дорог несет в себе существенный экономический эффект, элементами которого являются:

- внутритранспортный экономический эффект (сокращение издержек, связанных с перевозками, и увеличение прибыли транспортных компаний);
- внегитранспортный экономический эффект (снижение издержек во многих секторах экономики, развитие промышленности и организаций непроизводственной сферы, активизация предпринимательской деятельности);
- экономический эффект в социальной сфере (снижение ущерба от ДТП, негативного влияния на окружающую среду, потери времени и др.) [4].

Существуют несколько видов оплаты проезда:

- оплата в зависимости от пройденного расстояния;
- виньетка – оплата за определенный промежуток времени (неделя, месяц, год);
- специальная оплата (оплата тоннелей, мостов, паромов и т. д.).

Финансовые средства, источником которых являются платежи водителей за право пользоваться автомобильной дорогой и инфраструктурными объектами, направляются на:

- содержание и текущий ремонт участков платных автомобильных дорог и инфраструктурных объектов;
- управление платными автомобильными дорогами и инфраструктурными объектами;
- выплату процентов кредиторам по заемным средствам;
- возмещение затрат инвесторам;
- формирование прибыли эксплуатирующей компании [4].

В зарубежной практике применяются разнообразные способы расчета тарифа за проезд, но все они основаны на использовании двух принципов. Во-первых, тариф должен быть выгодным для эксплуатационной организации, то есть должен покрывать издержки, связанные со строительством (реконструкцией), содержанием автомобильной дороги и управлением ею, обеспечивать возможность погашения долга по привлеченным ресурсам, поступление прибыли. Во-вторых, тариф должен быть выгодным для пользователей автомобильной дороги, которые способны будут оплачивать проезд за счет экономии, связанной с уменьшением длины пути, затрат времени, сокращения расхода горюче-смазочных материалов, износа шин, амортизации автомобиля. В большинстве западных стран размер оплаты устанавливается в зависимости от нагрузок, оказываемых транспортным средством на автомобильную дорогу (легковые автомобили, грузовые автомобили, автобусы и т. д.) [7].

Управления платных дорог в Европе объединены в Европейскую ассоциацию операторов платных дорог (ASECAP). Данная корпорация функционирует в 17 странах, включает свыше ста компаний и осуществляет свою деятельность на более чем 23 тыс. км автомобильных дорог. В Европе различают два типа платных дорог:

- открытого типа, когда контрольные пункты оплаты расположены на определенных отрезках главной дороги, но на пересечениях с второстепенными дорогами они отсутствуют;
- закрытого типа, когда на всех участках и съездах с главной дороги работают пропускные пункты.

Способы управления платными дорогами в мире разнообразны и зависят от многих факторов. Государственное регулирование и объем материальных ресурсов частных инвесторов могут оказывать существенное влияние на организацию и стоимость оплаты транспортных услуг [8].

При этом в западной практике возможность эксплуатации автомобильной дороги на платной основе определяется целым рядом критериев:

- дорога должна иметь 3–4 и более полос движения в каждом направлении;
- проезжие части должны быть разделены барьерными ограждениями;
- дорога должна быть отделена от местности защитными экранами и ограждениями;
- все пересечения должны быть расположены на разных уровнях, а примыкания – не чаще 25–30 км;
- дорога должна быть оборудована техническими пунктами платы за проезд (турникетами или электронными фиксаторами);
- пропускная способность дороги должна быть намного выше реальной транспортной нагрузки, не допускается образование пробок в местах оплаты, в связи с чем в соответствующих местах дорога, как правило, расширяется на несколько полос.

Следует отметить, что схема, предполагающая использование платных автомобильных дорог, возможна лишь при условии наличия в регионе плотной насыщенной дорожной сети. В зарубежной практике платная автомобильная дорога является одной из множества альтернатив проезда.

Еще одним эффективным и перспективным инструментом развития автомобильной сети являются контракты жизненного цикла (рис. 2). Данный механизм только появляется на российском дорожно-строительном рынке, но распространен в Европе, США, Канаде, Австралии, Сингапуре. За последние 20 лет для строительства крупных инфраструктурных объектов в странах Евросоюза заключено 1400 контрактов жизненного цикла на сумму более 260 млрд евро [2]. Эта система отношений с подрядными организациями предполагает долгосрочные договоры. Контракты жизненного цикла (КЖЦ) основаны на том, что все работы на каждом этапе – от проектирования до реконструкции автомобильной дороги – выполняет одно предприятие. У компаний появляется мотивация к качественному выполнению работ, внедрению прогрессивных технологий, использованию новых материалов. Частный инвестор заинтересован в принятии лучших проектных решений с целью снижения собственных издержек в перспективе. В процессе эксплуатации у него возникает возможность приобретения современного высокотехнологичного оборудования, так как государственное соглашение основано на долгосрочном сотрудничестве сроком на 15–30 лет. Опыт западных стран свидетельствует о том, что применение данного инструмента значительно снижает эксплуатационные расходы в будущем.

Согласно данной форме отношений подрядчик самостоятельно разрабатывает проектно-сметную документацию, выполняет строительство автомобильной дороги и осуществляет эксплуатацию на протяжении всего срока службы автомобильной дороги. Государственный заказчик, в свою очередь, гарантирует финансирование содержания на весь жизненный цикл.

Выгода частного инвестора в финансировании объектов по схеме КЖЦ заключается в высокой надежности долгосрочного проекта, предоставлении налоговых льгот, возможности кредитования под производственные мощности, которые имеют огромную стоимость. Как правило, до 80 % средств являются привлеченными.

Средства начинают поступать частному партнеру лишь после ввода в эксплуатацию инфраструктурного объекта. В связи с этим отметим, что частные компании заинтересованы в скорейшей реализации проекта, а также в поддержании всех потребительских свойств на стадии эксплуатации, так как при ненадлежащем состоянии объекта органами власти платежи не производятся.

Организационно-правовая схема КЖЦ

Преимуществами реализации КЖЦ для государственного партнера являются возможность ввода объекта в условиях ограниченности бюджетного финансирования, отсутствие единовременного вложения крупных финансовых средств на проектирование и строительство автомобильной дороги, высокое качество как следствие взаимной заинтересованности партнеров, сокращение сроков реализации проекта. Для частного инвестора преимуществами являются гарантии со стороны органов власти на долгосрочное сотрудничество и возврат финансовых средств, вложенных в объект, возможность применения инновационных технологий и материалов с целью сокращения издержек на содержание дорог.

Контракты жизненного цикла, на наш взгляд, являются наиболее прогрессивным механизмом формирования и успешной работы всей транспортной сети. В России в настоящее время по данной системе реализуется только один проект – строительство скоростной магистрали М-11 «Москва – Санкт-Петербург» [1].

Для достижения высоких результатов и обеспечения конкурентоспособности отечественных компаний потребуются значительные инвестиции в национальную транспортную инфраструктуру, внедрение инновационных продуктов, применение высокопроизводительной техники, быстрая адаптация российских предприятий к постоянно изменяющейся внешней среде (необходимо отметить, что финансирование дорожной отрасли наиболее развитых стран, вышедших на лидирующие позиции в данной сфере, составляет от 2 до 4 % ВВП, что почти вдвое больше, чем в России [6]).

На наш взгляд, в ближайшей перспективе строительство платных автомобильных дорог на территории Российской Федерации возможно лишь в Московской, Ленинградской областях, а также в Краснодарском крае. Дорожная сеть других регионов пока не столь насыщена и не сможет предоставить пользователям несколько альтернативных вариантов проезда. Но вполне возможно взимать плату за пользование инфраструктурными объектами (тоннелями, мостами и др.).

В апреле 2012 г. были внесены изменения в Федеральный закон № 115-ФЗ от 21 июля 2005 г. «О концессионных соглашениях». Это сделало возможным заключение и реализацию контрактов жизненного цикла в автодорожной отрасли на территории Российской Федерации. Таким образом преодолен главный барьер в применении данного инструмента инвестирования. Это должно послужить толчком к развитию

дорожного хозяйства и способствовать притоку инвестиций в дорожную отрасль. Контракты жизненного цикла можно и необходимо реализовывать на многих автомобильных дорогах федерального и регионального значения с высокой интенсивностью движения. Это будет способствовать тому, что дорожное хозяйство станет одним из безусловных лидеров в области использования инноваций, что в свою очередь станет фактором роста национальной экономики.

Литература

1. Безручко И. Жизненная форма концессии. – http://dorinfo.ru/99_detail.php?ELEMENT_ID=364
2. Владимирова Е. Жизнь для контракта. – <http://www.kommersant.ru/doc/2078595>
3. Воронцова С. Дороги – гарант экономической стабильности // Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 1.
4. Кирсанов К. Платные дороги: опыт и прогнозы. – <http://source.okna.bz/articles/?id=393>
5. Кожин А.Г. Зарубежный опыт развития дорожного строительства // Экономические науки. – 2013. – Февр.
6. Мирзаянц Г.Ю. Отечественный и зарубежный опыт финансирования и управления дорожными отраслями // МИТС-наука: международный научный вестник. – 2006. – № 2.
7. Родионов А. Платные автодорожные объекты // РЦБ. – 2004. – № 24.
8. Халтурин Р.А. Состояние и опыт строительства дорожной сети в России и за рубежом // Экономические науки. Экономика и управление. – 2011. – № 1. – С. 223–226.

Карта рисков венчурного проекта как инструмент научно-технического обновления

Е.ГЛАДЫШЕВА

Аккумуляция инвестиционных ресурсов и их последующее перераспределение в реальные инвестиции – действенный способ ускорения инновационного развития экономики. В этой связи особую актуальность приобретает такая проблема, как эффективность функционирования венчурных механизмов инвестирования средств в научно-техническое обновление

Особенности венчурного инвестирования в научно-техническое обновление в России заключаются в том, что, во-первых, такие инвестиции, как правило, направлены на восстановление утраченных рыночных позиций предприятия и его производственного потенциала, во-вторых, сопряжены с глобальной реструктуризацией системы менеджмента предприятия в целом, в-третьих, носят системный характер, поскольку здесь от «старт-апа» зависит дальнейшая жизнеспособность предприятия.

Процесс венчурного инвестирования в научно-техническое обновление всегда имеет несколько разнородных по содержанию этапов реализации. Разнородность связана с необходимостью восстановления эффективного функционирования (а нередко и создания) различных блоков организационной структуры предприятия, в частности, производственного блока и блока маркетинга и сбыта, блока опытно-

Гладышева Елена Александровна, аспирант кафедры инновационной экономики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.
E-mail: gladyshevaea@mail.ru

конструкторских разработок и блока подготовки производства, блока материально-технического снабжения и блока управления персоналом и т. п.

Как показало исследование, за последние несколько лет не зафиксирован рост венчурных инвестиций в промышленные предприятия (в основном средства направляются в информационно-компьютерные технологии). В то же время для предприятий, осуществляющих инвестиционные проекты в научно-техническое обновление, российский венчурный рынок обладает большим потенциалом. Инвестиционные проекты в научно-техническое обновление характеризуются средними объемами вложений; доля таких венчурных инвестиций в последние годы выросла.

Причинами недостаточного роста венчурных инвестиций в научно-техническое обновление в настоящее время являются несовершенство применяемого инструментария оценки потенциальной эффективности инновационных инвестиционных проектов, отсутствие навыков оценки риска и опыта поиска потенциальных инвесторов на российском рынке венчурных инвестиций.

Современными концепциями управления рисками в настоящее время предусматривается составление «дереьев событий» («дереьев решений», «дереьев отказов») как способа уточнения возможных последствий рискованной ситуации. Но для венчурных инвестиций в научно-техническое обновление характерны значительная неопределенность исходной информации, сложность и недетерминированность бизнес-процессов и высокая степень уникальности.

Анализ отечественного и зарубежного опыта инвестирования позволяет сделать вывод, что аккумуляция ресурсов венчурного инвестирования подразумевает изыскание и/или накопление средств для их последующего инвестирования в потенциально рискованные для предприятия проекты научно-технического обновления. В этом случае риск как данность уже существует, установление его величины должно быть произведено с учетом различных схем привлечения ресурсов, факторов внешней и внутренней среды, усиливающих риски проекта.

Предложенная схема воздействия факторов на работу предпринимательских структур, осуществляющих венчурное инвестирование в научно-техническое обновление, позволяет учесть внешние факторы возникновения рискованной ситуации, силу их влияния и взаимосвязь внешних факторов (см. рис.).

Для систематизации факторов и оценки степени их воздействия предлагается использовать карту рисков, которая позволяет проранжировать возможные последствия влияния факторов внешней среды. Отметим, что при проведении рейтингового исследования предпринимательского климата в России западные эксперты Национального Совета по корпоративному управлению и Российско-Британской Торговой Палаты обратили внимание на недостаточное использование этого инструмента в нашей стране. Разработанная карта рисков представлена в таблице.

Для предприятий, планирующих осуществлять венчурные проекты, в графе карты рисков «Наиболее эффективные методы управления» представлен примерный перечень действий в случае наступления рискованной ситуации.

Отличие инвестиционных рисков научно-технического обновления от традиционных рисков реальных инвестиций состоит в структуре, количестве, динамике и размере рискованных премий. Поэтому заполнение карты рисков будет способствовать более точному определению перечня рисков венчурного проекта и усилению информационной прозрачности, а следовательно – и коммерческого успеха венчурного проекта научно-технического обновления предприятия.

Для того чтобы оценить степень воздействия рисков внешней среды (указанных в карте рисков) на инновационную деятельность, предлагается использовать показатели объема привлеченного и инвестированного венчурного капитала, коэффициент эффективности венчурного капитала, рассчитанный как отношение объема реализации продукции к объему инвестированных средств.

Факторы внешней среды, воздействующие на уровень рисков инновационной деятельности

Целесообразно проранжировать все выявленные риски, составить их описание, включающее такие ключевые характеристики, как уровень «уязвимости» или потенциального ущерба и оценка вероятности такого ущерба.

Процесс составления карты рисков должен продолжаться на всех стадиях венчурного проекта по научно-техническому обновлению. В этом случае при появлении новых возможностей можно будет учесть и новые риски.

Карта рисков должна быть привязана к определенной структурной единице предприятия (правовые риски рассматривает юрист или юридический отдел предприятия, финансовые риски – планово-финансовый отдел и т. д.). В этом случае меры по выявлению и предотвращению рискованных ситуаций, несомненно, будут более эффективными. При выборе альтернативных мер важным представляется сравнение эффективности мероприятий по снижению вероятности наступления рискового события и затрат на реализацию данного мероприятия.

Осуществление эффективного контроля за рисками возлагается на специалистов подразделений предприятия, которые ответственны за реализацию проекта научно-технического обновления и владеют информацией (в частности, данными, характеризующими эффективность обратной связи мер по управлению рисками).

Экономический эффект управления рисками будет измеряться как отклонение прогнозируемой величины снижения воздействия рисков от тех затрат, которые связаны с потерями от возникновения рискованных ситуаций.

Карта рисков осуществления научно-технического обновления

Стадия проекта	Риски, характерные для данной стадии	Описание (воздействие на предприятие, осуществляющее инновационную деятельность)	Наиболее эффективные методы управления
Посевная и «старт-ап» Расширение Выход	Правовые риски	Инновационное предприятие не соответствует законодательным нормам в силу неопределенного характера регулирования. Воздействие: усложняется процесс принятия управленческих решений и планирования.	Предупреждение: постоянный контроль за изменениями законодательства
Посевная и «старт-ап» Расширение	Финансовые риски	Доступность заемных финансовых ресурсов	Подготовка резервных вариантов финансирования
Посевная и «старт-ап» Расширение	Риски, связанные с финансовым кризисом (угроза «второй волны»)	Снижение спроса, общее падение деловой активности в стране	Построение стратегии развития предприятия
Расширение	Кадровая политика	Нехватка квалифицированных кадров; конкурентная борьба за перспективных специалистов	Заблаговременный поиск кадров. Учет социально-демографических тенденций
Расширение	Ведение деятельности на развивающихся рынках	Конкуренция, высокая стоимость входа на рынок	Построение стратегии развития предприятия
Расширение Выход	Рост затрат	Повышение себестоимости	Мероприятия по сокращению себестоимости
Посевная и «старт-ап» Выход	Рост конкуренции на рынке	Рост стоимости капитала, падение спроса	Маркетинговые методы конкурентной борьбы
Расширение	Риск, связанный с социальной приемлемостью бизнеса	Ужесточение позиции государства, усиление законодательных требований к ведению предпринимательской деятельности	Предупреждение: постоянный контроль за изменениями законодательства
Расширение	Налоговые риски из-за несовершенства и непрозрачности налогового законодательства	Рост налоговой нагрузки	Поиск схем снижения налоговой нагрузки
Посевная и «старт-ап»	Организационные риски	Создание коалиций вхождения в саморегулируемые организации Потеря доходов от деятельности	Слияние с конкурентами
Посевная и «старт-ап» Расширение Выход	Институциональные риски	Риск изменения законодательства не в пользу поддержки инноваций Потеря доходов от деятельности вплоть до полного исчезновения некоторых предприятий	Постоянный мониторинг законодательства

Литература

1. Вайсблат Б.И., Мишарин С.О. Модель прогнозирования показателей риска инвестиционных проектов // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 12. – С. 5–12.
2. Исянбаев М.Н. Структурно-технологическая модернизация экономики региона: сущность, состояние, проблемы // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 12. – С. 7–15.
3. Кремлева Н.А., Волков Е.В. Инновационный подход к формированию стоимости нематериальных активов предприятия // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 15. – С. 8–11.

Подходы к выбору эффективных решений в жилищном строительстве Республики Башкортостан

Н.САМОФЕЕВ

Выбор конструкций и материалов для наружных стен чрезвычайно важен при проектировании и строительстве жилья. Современные конструкции наружных стен объектов жилого назначения являются сложными составными элементами здания, определяющими уровень затрат на отопление, величину эксплуатационных затрат на содержание, периодичность капитальных ремонтов, долговечность объекта. Существующие методы технико-экономической оценки конструктивных решений наружных стен для жилых домов не позволяют в полной мере учесть вышеназванные факторы долговечности и надежной эксплуатации зданий.

Опыт проектирования и строительства жилья в Республике Башкортостан. Опыт проектирования и строительства жилья в Республике Башкортостан весьма многообразен с точки зрения применяемых видов конструктивных решений наружных стен. На разных этапах развития строительства решения ограждающих стеновых конструкций на территории республики были представлены широко распространенными в России деревянными (с XVIII по XIX в.), монослойными (на основе силикатного или керамического кирпича) кирпичными (с 1890 по 1990 гг.) и панельными (с 1950 по 1980 гг.) вариантами, а в настоящее время (начиная с 1990-х гг.) – разнообразными многослойными вариантами. Постепенному переходу к новым решениям стеновых конструкций для объектов жилого назначения способствовали индустриализация и повышение требований к теплотехническим нормам, а также накопленный опыт эксплуатации объектов в сложных природно-климатических условиях, характерных для крупных городов республики.

В настоящее время конструкции наружных стен должны быть достаточно прочными и долговечными, отвечать современным требованиям по теплоизоляции, огнестойкости и атмосферостойкости, обладать архитектурной выразительностью и соответствовать самым высоким экологическим нормативам. С каждым годом требования по всем этим показателям повышаются, а особенно заметно ужесточаются требования к сопротивлению стен теплопередаче, что связано с постоянным ростом цен на энергоносители. Отметим, что процесс технико-экономического обоснования решений многослойных наружных стен жилых домов усложняется в связи с необходимостью применения многофакторного аппарата оценки критериев долговечности наружной стены, включающей несколько разнородных слоев, работающих как единый ограждающий и несущий (самонесущий) элемент здания.

Наружные многослойные теплоэффективные стены в практике проектирования и строительства гражданских зданий в Республике Башкортостан и других регионах Российской Федерации стали активно использоваться более 20 лет назад в связи с двухэтапным (1996, 2003 гг.) введением СНиП 23-02-2003 «Тепловая защита зданий» и появлением СП 23-101-2000 «Проектирование тепловой защиты зданий», а также ТСН 23-318-2000 РБ «Тепловая защита зданий» [6].

После введения в действие СНиП 23-02-2003 «Тепловая защита зданий» возникла ситуация, при которой новая система нормирования теплозащитных качеств наружных ограждающих конструкций не удовлетворяет требованиям современной строительной практики и ограничивает применение новых эффективных долговечных материалов. Все это способствовало разработке СТО 00044807-001-2006 [5],

Самофеев Никита Святославович, канд. техн. наук, старший преподаватель кафедры «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: volvita@inbox.ru

основанного на требованиях Федерального закона «О техническом регулировании». Данный стандарт должен обеспечивать безопасность эксплуатации и повышение долговечности стен при рациональном уровне теплозащитных качеств. Положения СТО позволяют дифференцированно подходить к выбору строительных материалов для обеспечения требуемого уровня теплоизоляции с учетом количества капитальных ремонтов в пределах прогнозируемой долговечности.

В последние годы на строительном рынке РБ все более популярными становятся разработанные ведущими мировыми производителями теплоэффективные строительные материалы, которые обладают низким коэффициентом теплопроводности, соответствуют вышеописанным нормативным требованиям, предъявляемым к материалам, используемым при возведении наружных стен, по требованиям экологичности, долговечности, огнестойкости, звукоизоляции, эстетики и др.

К современным теплоэффективным материалам, соответствующим требованиям действующих теплотехнических и строительных нормативов и используемым при проектировании и строительстве ограждающих стеновых конструкций в условиях Республики Башкортостан, можно отнести: различные виды эффективных утеплителей, пенобетонные и газобетонные блоки, крупноформатные поризованные керамические блоки, «теплые» кладочные и штукатурные растворы, специальные клеевые составы и комплексные многослойные «системы» утепления фасадов.

К основным конструктивным решениям, получившим широкое распространение в практике проектирования и строительства жилья в условиях РБ, можно отнести конструкции в силикатном и керамическом кирпиче, совмещенные с эффективным утеплением и устройством тонкослойной штукатурной гидроизоляции (например, «Vaumit», «Cerezit», «Stomix», «Weber.vetonit») и другие виды систем фасадных теплоизоляционных композиционных (СФТК) или с совмещением с навесными фасадными системами (НФС); в автоклавном газобетоне с устройством СФТК; в блочно-модульном исполнении из цементно-стружечных плит с облицовочным слоем из силикатного кирпича и в модульных щепо-цементных панелях типа «Язно» (с несущим полистиролбетонным слоем) с внешним тонкослойным штукатурным покрытием [1].

Приведенные варианты конструктивных решений наружных стен были выбраны для технико-экономического анализа, который проводился с целью выявления наиболее эффективного решения для многоэтажных и малоэтажных жилых зданий, эти варианты в достаточной мере апробированы на практике и имеют опыт эксплуатации не менее 5–10 лет, в том числе в крупных городах республики.

Особенности технико-экономической оценки современных массовых решений наружных стен в условиях Республики Башкортостан. Основные показатели технико-экономической оценки сравниваемых решений (см. табл.) были разделены на комплексы строительных и эксплуатационных показателей, позволяющие систематизировать решения наружных стен с точки зрения качества производства работ, технологичности, стоимости на 1 м², их эксплуатационной надежности и т. д. Отметим, что для удобства сравнения все варианты типовых решений были приведены к единому среднему уровню сопротивления теплопередаче ($R_{тр} = 3,4–3,7 \text{ м}^2 \cdot \text{°C}/\text{Вт}$ [6]), принятому для наружных стен жилых домов, эксплуатирующихся в климатических условиях городов РБ.

Технико-экономическая оценка сведена к анализу приведенных затрат по сравниваемым вариантам конструктивных решений [4]. Затраты, приведенные к сроку проведения капитального ремонта по наиболее долговечному конструктивному решению наружных стен жилых домов, определены как сумма сметной стоимости, стоимости текущего и капитального ремонтов, рассчитанной на 1 м² стены. Выбор такой условной единицы приведения (1 м² наружной стены) обоснован более точной кумуляцией слоев в конструкции наружной стены, что обеспечивает необходимую точность расчетов затрат. Горизонт планирования затрат по наиболее продолжительному сроку ожидания до первого капитального ремонта составил 70 лет, что согласуется с нормативными данными [5].

Характеристики конструктивных вариантов наружных стен жилых домов в условиях Республики Башкортостан

Показатели	Варианты типовых конструктивных решений для наружных стен жилых домов					
	Вариант I (слои): 1. Кирпич силикатный (керамический), 380 мм; 2. НФС, 185 мм	Вариант II (слои): 1. Кирпич силикатный (керамический), 380 мм; 2. СФТК, 175 мм	Вариант III (слои): 1. АГБ блоки, 400 мм; 2. СФТК, 175 мм	Вариант IV (слои): 1. АГБ блоки, 400 мм; 2. Кирпич силикатный (керамический), 120 мм	Вариант V (слои): 1. ЦСП (модуль), 370 мм; 2. Кирпич силикатный (керамический), 120 мм	Вариант VI (слои): 1. Панели «Дэвэ», 370 мм; 2. Тонкослойная штукатурка, 12,5 мм
Группа 1. Строительные						
1.1. Технические:						
объемный вес, кг/м ³	2100	1700	800	1000	1000	600
трудоемкость, ч-мин, м ³	56,54 (166,84)	10,1 (10,2)	7,79	2,33	4,07	9,91
Доступность сырьевой базы	«Башкирский кирпич», г. Уфа	«Башкирский кирпич», г. Уфа	«Давыдовстрой», пос. Зубово	«Давыдовстрой», пос. Зубово	г. Стерлитамак	г. Янаул
мощность	730 млн шт. в год	730 млн шт. в год	30 000 тыс. шт. в год	30 000 тыс. шт. в год	1400 тыс. м ² в год	1300 тыс. м ² в год
1.2. Экономические:						
сметная стоимость 1 м ² стены, в том числе:	11297,04 (11539,5)	3339,28 (3682,12)	2840,66	1685,2	2450,36	2885,16
ФОТ, руб.	3686,16 (3696,32)	568,36 (668,62)	444,4	115,68	203,16	283,48
материалы, руб.	1725,24 (1937)	1680,64 (1892,4)	1474,8	1201,6	1723	1893,64
эксплуатация машин и механизмов, руб.	143,28	113,32	12,06	106,52	136,24	180,28
накладные расходы, руб.	3785,84 (3798,24)	559,76 (612,16)	479,6	167,88	240,28	332,56
сметная прибыль, руб.	2066,62 (2064,64)	387,6 (395,72)	322,92	103,52	147,68	195,2
стоимость утеплителя, руб.	173,24	207,8	—	—	1312,52	1650,04
Группа 2. Эксплуатационные						
2.1. Технические:						
нормативный срок службы, [6], лет	125	125	100	100	50	50
прогнозируемая эксплуатационная надежность, лет	250	200	100	125	75	80
(среднее для Республики Башкортостан)						
Требуемое сопротивление теплопередаче (R _{треб}), м ² ·°С/Вт [6]	30	15	10	20	15	20
срок до первого текущего ремонта, лет	50	25	25	50	30	25
количество текущих ремонтов (IР)	3	5	3	2	2	2
количество капитальных ремонтов (КР)	2	4	3	1	1	1
Цикл ремонтных работ	ТР1-КР1	ТР1-КР1-ТР2-КР2	ТР1-КР1-ТР2-КР2	ТР1-КР1	ТР1-КР1-ТР2	ТР1-КР1-ТР2
2.2. Экономические (с учетом дисконтирования на заданный период оценки):						
затраты на текущий ремонт, руб.	1130	400-600	400-600	400-600	400-600	400-600
затраты на капитальный ремонт, руб.	3390	1200	1200	1200	1200	1200
приведенные затраты к нормативному сроку, руб/м ² [4]	15 815,84	6 739,28	6 240,68	3 358,2	4 650,36	5 085,16
3. Вариативность использования:						
для многоэтажного строительства:	+	+	+	-	-	-
для малоэтажного строительства:	+	-	+	+	+	+

Анализ приведенных затрат конструктивных решений наружных стен, определенных с учетом затрат (и их дисконтирования) на содержание в рамках жизненного цикла, показывает, что при заданных условиях сравнения наиболее эффективным является IV вариант конструкций (включающий автоклавный газобетон (АГБ) в сочетании с силикатным облицовочным кирпичом). Однако данное решение не может быть рекомендовано для массового многоэтажного строительства ввиду ограниченной несущей способности (в основном используется при строительстве домов высотой до трех этажей), а также сравнительно невысокой долговечности (по отношению к I варианту).

Массово применяемые конструктивные решения капитальных каменных стен в сочетании с НФС и СФТК имеют достаточно высокий уровень приведенных затрат, поэтому они в основном используются как базовые решения для многоэтажного строительства, чему способствует их предельная надежность по сравнению с другими вариантами [3].

Вариант III (см. табл.) в многоэтажном строительстве РБ не получил большого распространения, однако такое решение было использовано при возведении двух двадцатипятиэтажных жилых домов в микрорайоне Сипайлово г.Уфы. Мониторинг состояния этих жилых домов после трех лет эксплуатации не выявил особых проблем [2].

Набирающие популярность модульные и блочные варианты конструктивных решений наружных стен в практике малоэтажного строительства могут быть рекомендованы к применению в силу их достаточно высокой эффективности по сравнению с капитальными вариантами (I и II), что вполне соответствует требованиям потребительского рынка в сегменте «таунхаусов».

Развитие жилищного строительства невозможно без появления новых конструктивных решений элементов зданий, поэтому требуется применение более объективных методов их оценки, учитывающих в том числе факторы долговечности и надежности.

Очевидно, что для удовлетворения растущих требований потребителей к строительной продукции необходимы надежные решения объектов строительства, связанные с минимальными эксплуатационными и единовременными затратами. Предложенная методика позволит в полной мере объективно оценить предлагаемые рынку варианты домов с различным сочетанием эффективных современных строительных материалов, а также повысить качество работы служб маркетинга в строительных организациях, на стадии проектирования учитывать не только единовременные затраты вариантов строительства жилых зданий, но и эксплуатационные факторы долговечности, основанные на опыте эксплуатации в условиях Республики Башкортостан, и соответственно закладывать в строительные проекты современные надежные решения ограждающих стеновых конструкций. Предложенная методика технико-экономической оценки может быть использована для объектов, эксплуатирующихся в условиях, близких к природно-климатическим условиям Республики Башкортостан. Отметим, что набор критериев оценки при необходимости может быть расширен другими количественными и качественными параметрами, позволяющими учесть недооцененные в предложенной методике факторы.

Литература

1. Бабков В.В., Гайсин А.М., Самофеев Н.С. Материалы и конструктивные решения для наружных стен в практике малоэтажного строительства в Республике Башкортостан // Инженерные системы в строительстве и коммунальном хозяйстве. – 2010. – № 7. – С. 14–17.
2. Бабков В.В., Самофеев Н.С. и др. Проблемы эксплуатационной надежности наружных стен зданий на основе автоклавных газобетонных блоков и возможности их защиты от увлажнения // Инженерно-строительный журнал. – 2010. – № 8. – С. 28–31.

3. Бедов А.И., Бабков В.В., Габитов А.И., Самофеев Н.С. Структурные и физико-химические превращения в силикатном кирпиче после длительной эксплуатации в конструкциях наружных стен жилых домов // Научно-технический журнал «Вестник МГСУ». – 2011. – № 5. – С. 261–266.

4. Котов Д.В., Хайруллин В.А. Оценка эффективности инновационных проектов с нерелевантными денежными потоками // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2011. – № 2. – С. 22–26.

5. СТО 00044807-001-2006 Стандарт организаций. Теплозащитные свойства ограждающих конструкций зданий. – М: ФГУП ЦПП, 2006. – 96 с.

6. ТСН 23-318-2000 РБ «Тепловая защита зданий». – Уфа: Министерство строительства и жилищной политики РБ, 2001. – 59 с.

Алгоритм оценки альтернативных комплексных инвестиционных проектов в нефтеперерабатывающей промышленности

С.САЛЧЕВА

Нефтеперерабатывающая промышленность является сверхдоходной отраслью и имеет определяющее значение для эффективного развития и технического прогресса экономики страны. Анализ современного состояния нефтеперерабатывающей промышленности в России позволяет выявить такие ключевые проблемы отрасли, как невысокая глубина переработки нефти – 72 % (для сравнения в США – 95 %, в Европе – 85 %); незначительная доля вторичных процессов, увеличивающих выход светлых нефтепродуктов, – 20,3 % (в США – 73,3 %, странах Западной Европы – 42,9 %, Японии – 32,6 %); низкое качество выпускаемых нефтепродуктов, устаревшая структура производства, высокая степень износа основных фондов, зависимость российской нефтепереработки (на 75 %) от импортных катализаторов. Если в США мощности по вторичной переработке достигают 140 % от первичной мощности, в мировой практике в целом – 91 %, то в России – менее 70 % [5].

Для увеличения объемов переработки нефти с целью удовлетворения растущего спроса на моторные топлива, замещения экспорта нефти конкурентоспособными нефтепродуктами и переориентации российской нефтепереработки с побочного производства сырьевого нефтяного комплекса в развитую отрасль промышленности необходимы государственные инвестиции. В связи с этим с учетом глубины экономических проблем нефтеперерабатывающей промышленности в условиях модернизации нефтеперерабатывающего производства все более актуальным становится совершенствование методов оценки эффективности инвестиций в сферу переработки нефти и повышение качества выпускаемых нефтепродуктов.

Алгоритм оценки альтернативных вариантов комплексных инвестиционных проектов вторичной переработки нефти. В современных российских условиях для решения проблем повышения глубины переработки нефти и качества выпускаемых нефтепродуктов необходимы разработка и реализация малобюджетных инвестиционных проектов модернизации (например, дооборудование технологических

Салчева Стефка Салчева, аспирант Ухтинского государственного технического университета.
E-mail: ss.salcheva@mail.ru

установок отдельными блоками) с применением гибких альтернативных технологий глубокой переработки нефти.

Нами разработан алгоритм для выбора наилучшего комплексного инвестиционного проекта в нефтеперерабатывающей промышленности на основе применения функционально-стоимостного анализа (ФСА) (рис. 1).

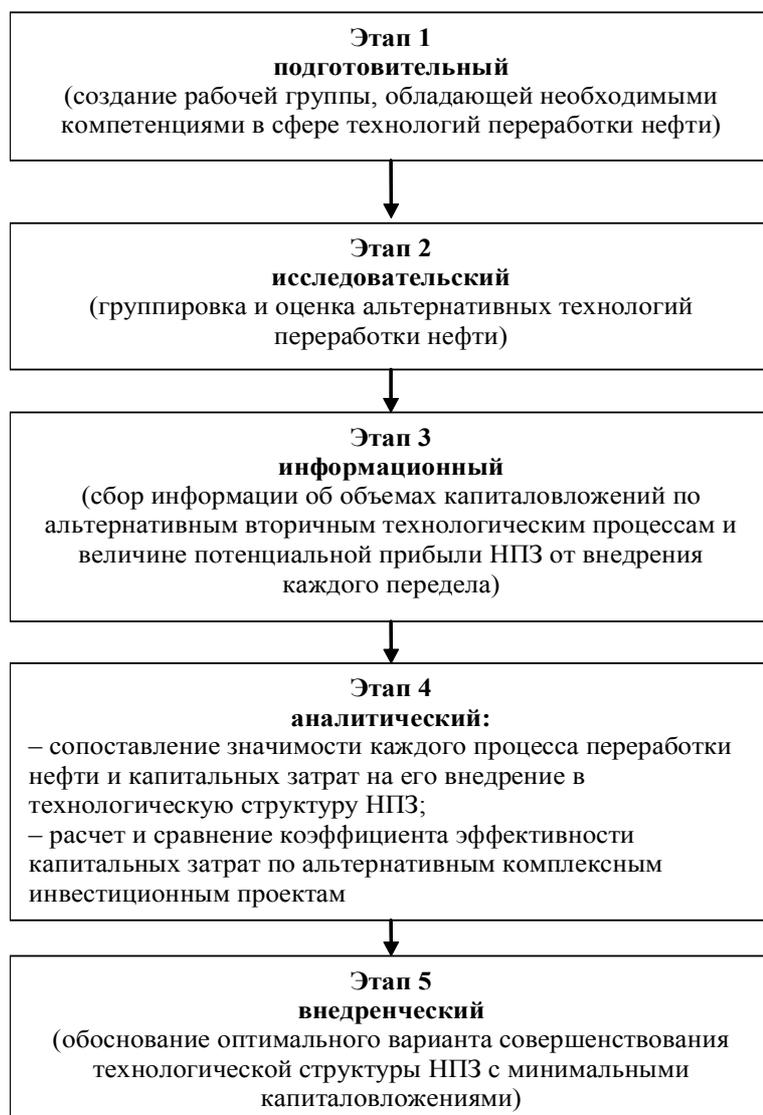

Рис. 1. Алгоритм оценки альтернативных вариантов комплексных инвестиционных проектов вторичной переработки нефти

Задачей применения предлагаемого в работе алгоритма оценки альтернативных вариантов комплексных инвестиционных проектов вторичной переработки нефти является определение ключевого углубляющего процесса при модернизации конкретного отечественного нефтеперерабатывающего производства с минимальными капитальными затратами.

Работа с применением ФСА будет считаться выполненной при условии, если будет найден вариант технологической структуры НПЗ с минимальными

капитальными затратами и качеством выпускаемых нефтепродуктов, соответствующим европейским стандартам.

Подготовительный этап – выбор объекта анализа. Объектом анализа является технологическая структура НПЗ. В соответствии с приказом руководителя предприятия создается рабочая группа из специалистов, которые обладают необходимыми компетенциями в сфере технологий переработки нефти, устанавливаются сроки выполнения аналитических работ по отдельным этапам и ответственность каждого участника за конкретный участок работы, определяется размер вознаграждения за выполнение работы.

Исследовательский этап предполагает оценку идей и альтернативных вариантов решений, направленных на совершенствование технологической структуры НПЗ, с целью достижения высокой глубины переработки нефти и выпуска высококачественных нефтепродуктов, соответствующих европейским стандартам. На данном этапе ФСА проводится группировка наиболее эффективных технологий переработки тяжелых нефтяных остатков в условиях конкретного НПЗ с учетом его локальных особенностей.

Информационный этап – сбор информации об изучаемом объекте, технике, технологии, качестве выпускаемых нефтепродуктов, капитальных вложениях. На данном этапе важно учитывать опыт зарубежных нефтепереработчиков.

Аналитический этап предполагает анализ значимости каждого процесса переработки нефти, выраженной через величину получаемой прибыли нефтеперерабатывающего завода, и капитальных затрат на его внедрение в технологическую структуру НПЗ. Если сравнивать альтернативные процессы (глубокий гидрокрекинг и каталитический крекинг), то по капитальным вложениям каталитический крекинг с учетом предварительной гидроочистки сырья дешевле по сравнению с гидрокрекингом в 1,5 раза.

В таблице 1 представлены исходные данные для применения предлагаемого алгоритма оценки альтернативных вариантов комплексных инвестиционных проектов вторичной переработки нефти.

Таблица 1

Исходные данные для оценки альтернативных вариантов комплексных инвестиционных проектов вторичной переработки нефти

Процесс	Значимость (Кз) (отношение прибыли i-го технологического процесса к сумме прибыли по всем вторичным процессам), %	Удельный вес вторичных технологических процессов переработки нефти по инвестиционным затратам (Увп), %
Термический крекинг	2,47	7,57
Каталитический риформинг	5,61	2,91
Гидроочистка бензина	2,89	4,17
Гидроочистка дизтоплива	21,29	5,0
Гидроочистка вакуумного газойля	8,61	6,07
Каталитический крекинг	13,34	5,97
Каталитический крекинг с блоком очистки вакуумного газойля	16,76	12,03
Газофракционирование	10,84	3,64
Изомеризация	5,40	2,18
Коксование	2,62	0,78
Гидрокрекинг	6,65	46,77
Алкилирование	2,74	0,97
МТБЭ	0,78	1,94
Итого	100	100

На аналитическом этапе проведения ФСА определяется удельный вес прибыли каждого технологического передела в общем объеме прибыли, получаемой по всем вторичным технологическим процессам НПЗ. Полученный показатель называется коэффициентом важности (значимости) и определяется по формуле (1):

$$K_3 = \frac{Pr_i}{\sum_{i=1}^n Pr_i}, \quad (1)$$

где K_3 – коэффициент значимости (важности), доли ед.; Pr_i – прибыль, полученная в результате осуществления i -го технологического процесса, руб.; $\sum_{i=1}^n Pr_i$ – сумма прибыли по всем вторичным процессам, руб.; n – общее количество вторичных процессов НПЗ.

Аналогичным образом осуществляется анализ капитальных вложений путем деления инвестиционных затрат каждого вторичного процесса на общую сумму затрачиваемых инвестиций на все технологические переделы НПЗ.

Удельный вес вторичных технологических процессов переработки нефти по инвестиционным затратам определяется по формуле (2):

$$Увп = \frac{I_i}{\sum_{i=1}^n I_i} * 100, \quad (2)$$

где $Увп$ – удельный вес вторичных технологических процессов переработки нефти по инвестиционным затратам, %; I_i – инвестиционные затраты на внедрение i -го технологического процесса, руб.; $\sum_{i=1}^n I_i$ – сумма инвестиционных затрат на внедрение всех вторичных процессов, руб.; n – общее количество вторичных процессов НПЗ.

Для определения финансовой реализуемости инвестиций в нефтепереработке мы предлагаем использовать новый оценочный показатель – коэффициент эффективности капитальных затрат по альтернативным комплексным инвестиционным проектам в нефтеперерабатывающей промышленности ($K_{З_{АВП}}$), который определяется по формуле (3):

$$K_{З_{АВП}} = \frac{(\sum_{i=1}^n Увп_i)_j}{(\sum_{i=1}^n K_3_i)_j}, \quad (3)$$

где $(\sum_{i=1}^n Увп_i)_j$ – сумма удельных весов по инвестиционным затратам i -х вторичных технологических процессов в рамках j -го комплексного альтернативного варианта переработки нефти, %; $(\sum_{i=1}^n K_3_i)_j$ – сумма удельных весов по значимости (важности) i -х вторичных технологических процессов в рамках j -го комплексного альтернативного варианта переработки нефти, %.

Критерием эффективности инвестиций на прединвестиционном этапе проектов развития нефтеперерабатывающего производства будет соблюдение условий:

$(K_{З_{АВП}}) < 1$ – инвестиционный проект эффективен (предпочтителен);

$(K_{З_{АВП}}) > 1$ – инвестиционный проект неэффективен (непредпочтителен).

Предложенный критерий ($K_{З_{АВП}}$) экспериментально подтвержден при оценке эффективности инвестиций в сферу нефтепереработки и может быть использован для оценки максимальной значимости комплексного инвестиционного проекта модернизации технологических установок переработки нефти при минимальных капитальных затратах в условиях ограниченности инвестиционных ресурсов.

Разработанный уточняющий критерий позволяет объединить значимость вторичного процесса переработки нефти через доход и его капиталоемкость и вывести данное соотношение на оценочный уровень.

Внедренческий этап – является заключительным этапом ФСА, когда учитываются результаты аналитического этапа и осуществляется внедрение выбранного варианта совершенствования технологической структуры НПЗ.

Таким образом, нами обоснован критерий максимальной значимости инвестиционного комплексного проекта при минимальных капитальных затратах, который следует использовать при выборе наиболее эффективного варианта инвестирования из альтернативных на предпроектной стадии принятия управленческих решений.

Практическое применение предложенного алгоритма. Целесообразность применения предложенного критерия ($KZ_{\text{АВП}}$) экспериментально подтверждена при оценке эффективности инвестиций в сферу нефтепереработки на примере анализа переработки вакуумного газойля и гудрона.

Переработка вакуумного газойля может осуществляться тремя альтернативными способами (рис. 2).

С точки зрения А.А.Калинина [2; 3], по экономическим параметрам при переработке вакуумного газойля преимущественно обладают процессы каталитического крекинга с предварительной гидроочисткой вакуумного газойля, что подтверждается результатами сопоставления значимости (важности) и капиталовложений альтернативных вторичных процессов по переработке вакуумного газойля на стадии предынвестиционных решений (табл. 2).

В теории и практике ФСА [1] оправданное соотношение между затратами (долей инвестиционных вложений в процесс) и значимостью (доля прибыли НПЗ, приходящаяся на данный процесс) должно быть равным 1 или близким к данному значению. Если коэффициент затрат меньше 1, соотношение считается более благоприятным. В том случае, если значение коэффициента превышает 1, рекомендуется принимать меры по снижению затрат.

Данные, представленные в таблице 2, позволяют сделать вывод о том, что второй альтернативный вариант технологии переработки вакуумного газойля имеет значение $KZ_{\text{АВП}}$ меньше 1, следовательно, он является самым привлекательным и целесообразным с экономической точки зрения вариантом инвестиционных вложений в углубление переработки нефти. Применение более дорогостоящего легкого гидрокрекинга в сочетании с каталитическим крекингом или глубокого гидрокрекинга вакуумного газойля требует дополнительного обоснования.

Рис. 2. Альтернативные варианты переработки вакуумного газойля

Таблица 2

Результаты оценки альтернативных комплексных инвестиционных проектов модернизации НПЗ с применением разработанного критерия эффективности (на примере переработки вакуумного газойля)

Процесс	Значимость (Кз), %	Удельный вес альтернативных вторичных технологических процессов переработки вакуумного газойля по инвестиционным затратам (Увп), %	Коэффициент эффективности капитальных затрат по альтернативным комплексным инвестиционным проектам переработки вакуумного газойля (КЗ _{АВП})
Первый инвестиционный проект			
Глубокий гидрокрекинг	6,65	46,77	7,03
Второй комплексный инвестиционный проект			
Гидроочистка	8,61	6,07	–
Каталитический крекинг	16,76	12,03	–
Производство водорода	–	–	–
Итого	25,37	18,1	0,71
Третий комплексный инвестиционный проект			
Легкий гидрокрекинг	3,32	23,39	–
Каталитический крекинг	13,34	5,97	–
Итого	16,66	29,36	1,76

Рассмотрим особенности применения разработанного алгоритма оценки альтернативных комплексных инвестиционных проектов на примере переработки гудрона на НПЗ. Переработка гудрона может осуществляться двумя альтернативными способами (рис. 3).

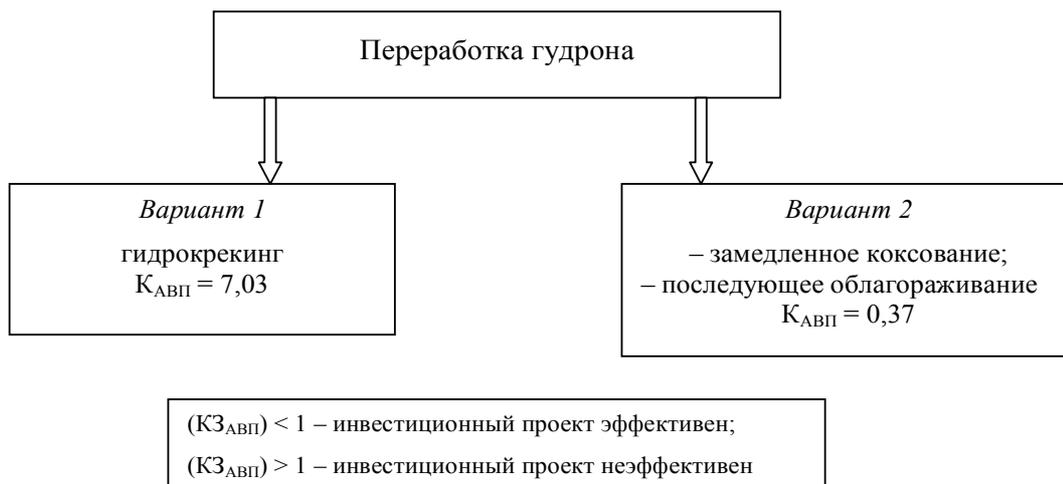

Рис. 3. Альтернативные варианты переработки гудрона

На заводах США большая часть гудрона перерабатывается на установках замедленного коксования, что позволяет существенно увеличить объем выхода светлых нефтепродуктов из самых тяжелых нефтяных остатков [4].

Сопоставление значимости и капиталовложений альтернативных вторичных процессов по переработке гудрона на стадии прединвестиционных решений (табл. 3) позволяет сделать вывод о том, что замедленное коксование гудрона с последующим «облагораживанием» светлых продуктов является более эффективным (коэффициент эффективности капитальных затрат меньше 1), чем гидрокрекинг гудрона.

Результаты оценки альтернативных комплексных инвестиционных проектов модернизации НПЗ с применением разработанного критерия эффективности (на примере переработки гудрона)

Процесс	Значимость (Кз), %	Удельный вес альтернативных вторичных технологических процессов переработки гудрона по инвестиционным затратам (Увп), %	Коэффициент эффективности капитальных затрат по альтернативным вторичным процессам переработки гудрона (КЗ _{ДВП})
Первый инвестиционный проект			
Гидрокрекинг гудрона	6,65	46,77	7,03
Второй комплексный инвестиционный проект			
Замедленное коксование	2,62	0,78	-
Последующее облагораживание (изомеризация)	5,40	2,18	-
Итого	8,02	2,96	0,37

Таким образом, алгоритм оценки альтернативных вариантов комплексных инвестиционных проектов вторичной переработки нефти, разработанный на основе функционально-стоимостного анализа, экспериментально подтвержден на примерах переработки вакуумного газойля и гудрона.

Рассчитанный коэффициент эффективности капитальных затрат по альтернативным комплексным инвестиционным проектам, выступающий в качестве оценочного критерия инвестиций, позволяет сделать вывод о том, что ключевыми направлениями модернизации технологической схемы отечественных нефтеперерабатывающих заводах являются инвестиции в установки каталитического крекинга с предварительной гидроочисткой сырья, а также в установки замедленного коксования с последующим «облагораживанием» светлых нефтепродуктов [6].

На основе разработанного алгоритма можно производить выбор наименее дорогостоящих инвестиционных проектов модернизации отечественных НПЗ при решении проблемы углубления нефтепереработки и повышения качества выпускаемых нефтепродуктов. Применение нового комплексного критерия на стадии прединвестиционных решений позволяет сбалансировать технологическую и экономическую стороны в сфере переработки нефти в условиях ограниченных инвестиционных ресурсов.

Литература

1. Ильенкова С.Д., Гохберг Л.М. Инновационный менеджмент: учебник для вузов. – М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 1997. – 327 с.
2. Калинин А.А. Экономические проблемы современной нефтепереработки в России // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 73–93.
3. Калинин А.А., Калинин А.А. Возможные направления совершенствования переработки нефти в России // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 1. – С. 73–99.
4. Капустин В.М. О мерах по углублению переработки нефти: доклад на заседании комитета ТПП РФ по энергетической стратегии и развитию ТЭК, 15 ноября 2006 г. – <http://www.rusnet.nl/ru/news/2006/11/16/tpprf01.shtml>
5. Салчева С.С. Проблемы и перспективы развития нефтеперерабатывающей промышленности // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. Научно-экономический журнал. – 2013. – № 10. – С. 16–20.
6. Салчева С.С. Оценка эффективности инвестиций на прединвестиционном этапе проектов модернизации нефтеперерабатывающих заводов с применением модифицированной методики функционально-стоимостного анализа (ФСА) // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. Научно-экономический журнал. – 2013. – № 12. – С. 22–27.

Методический инструментарий оценки инвестиционного проекта технического перевооружения производства строительной продукции

Т.ЛЕЙБЕРТ, Э.ХАЛИКОВА

Экономическое обоснование инвестиционного проекта технического перевооружения производства строительных материалов предполагает прогнозирование во времени следующих денежных потоков: потока объема производства и реализации строительной продукции как в натуральном, так и в стоимостном выражении, потока текущих затрат на производство продукции и потока капитальных вложений. При этом ни поток капитальных вложений, ни поток затрат на производство, ни поток объема производства не могут быть установлены точно, поскольку нет определенности относительно будущих параметров рынка ресурсов и жилищного рынка. Объемы производства продукции, цены на оборудование, цены на строительные материалы и тарифы на ресурсы, используемые в процессе производства продукции, прочие макроэкономические характеристики внешней среды в будущем могут сильно отличаться от предполагаемых значений, которые оцениваются на момент разработки инвестиционного проекта и его технико-экономического обоснования. Неопределенность влечет за собой возникновение рискованных ситуаций. В условиях неопределенности высок риск принятия решений инвестором при определении размера инвестиционных вложений с учетом срока окупаемости проекта.

Риск принятия решений инвестором в условиях неопределенности связан со следующими причинами:

- отсутствие точной или наиболее вероятной информации о прогнозных параметрах рынка жилья;
- отсутствие точной или наиболее вероятной экономической информации о будущих ценах на строительные материалы и тарифах на энергоресурсы на внутреннем рынке, о величине постоянных расходов, связанных с производством строительной продукции, капитальных затрат на техническое перевооружение производства строительной продукции, об условиях отраслевого и общего налогообложения;
- выбор между типами воспроизводства, обеспечивающими либо техническое перевооружение действующего производства, либо формирование нового производства строительной продукции.

Таким образом, неопределенность параметров, используемых в экономической оценке проекта технического перевооружения производства строительной продукции, связана с тем, что на условия реализации инвестиционного проекта оказывает одновременное воздействие большое число разнонаправленных факторов не только внешней, но и внутренней среды.

Для учета неопределенности и риска при проведении экономической оценки проекта технического перевооружения производства строительной продукции применяются различные методы: дерево решений, надбавки за риск, анализ чувствительности показателей инвестиционного проекта к изменению исходных параметров, вероятностно-статистическое моделирование, теория нечетких множеств.

Лейберт Татьяна Борисовна, д-р экон. наук, профессор кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: lejbert@mail.ru
Халикова Эльвира Анваровна, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» УГНТУ

Наиболее эффективным способом учета факторов риска и влияния неопределенностей на инвестиционную стоимость объектов технического перевооружения считается использование вероятностного подхода к экономической оценке проекта технического перевооружения производства строительной продукции. При вероятностно-статистическом моделировании применяется аппарат теории вероятностей и математической статистики.

Предварительным этапом вероятностно-статистического моделирования является прогноз значений исследуемого показателя в будущих периодах, получаемый с применением математических методов прогнозирования или экспертных оценок. Наряду с прогнозными значениями исследуемого показателя, необходимо получить доверительные интервалы прогнозов, в которых будут находиться реальные значения исследуемого показателя в будущих периодах с заданной вероятностью. Доверительные интервалы получают с применением либо формальных математических методов, либо экспертных оценок.

Наиболее распространенным методом вероятностно-статистического моделирования, используемым в инвестиционном проектировании, является метод Монте-Карло, который позволяет оценить влияние одновременного изменения нескольких значений исходных параметров на показатели эффективности реализации инвестиционного проекта. Использование метода Монте-Карло позволяет установить нижнюю и верхнюю границы показателей оценки экономической эффективности реализации инвестиционного проекта.

Точность результирующих оценок, полученных с использованием данного метода, в значительной степени зависит от качества исходных предположений и учета взаимосвязей входных переменных. Наиболее перспективными методами экономической оценки проекта технического перевооружения производства строительной продукции являются методы оценки и принятия решений в условиях неопределенности, базирующиеся на теории нечетких множеств, в которых применяется распределение возможности, описываемое функцией принадлежности нечеткого числа [1].

Использование методов, базирующихся на теории нечетких множеств, в экономической оценке проекта технического перевооружения производства строительной продукции предполагает формализацию исходных параметров объекта капитальных вложений и обобщающего оценочного показателя эффективности инвестиционных проектов – чистого дисконтированного дохода (NPV) в виде вектора интервальных значений, попадание в каждый интервал которого характеризуется некоторой степенью неопределенности. Осуществляя арифметические операции с такими нечеткими интервалами по правилам нечеткой математики, можно получить результирующий нечеткий интервал для целевого показателя [2].

Величина чистого дисконтированного дохода определяется по следующей формуле:

$$NPV = \sum_{i=1}^n \frac{D_i}{(1+r)^i} - \sum_{i=0}^n \frac{K_i}{(1+r)^i}, \quad (1)$$

где NPV – дисконтированный поток денежной наличности; i – номер частного периода в расчетном периоде n ($i = 1, 2, \dots, n$); n – жизненный цикл инвестиционного проекта; D_i – денежный поток (отток) денежных средств или доход; r – норма (ставка) дисконта; K_i – сумма инвестиций в i -м периоде.

Для определения ставки дисконтирования целесообразно использовать метод кумулятивного построения [3], основанный на суммировании безрисковой ставки дохода

и надбавок за риск инвестирования в оцениваемое предприятие. Ставка дисконтирования определяется по формуле:

$$DR = R_f + \sum_{i=1}^n R_i, \quad (2)$$

где DR – ставка дисконтирования; R_f – безрисковая ставка дохода; R_i – премия за i-й вид риска; n – количество видов риска.

В качестве безрисковой ставки дохода необходимо взять ставку дохода по депозитам Сбербанка – 7 %.

В ходе анализа были выявлены основные источники риска промышленного предприятия, которые представлены в таблице 1. Из данных таблицы видно, что для промышленных предприятий, осуществляющих производство строительных материалов, ставка дисконтирования составила 11 %.

Таблица 1

Основные источники риска для промышленного предприятия

Риск	Обоснование премии за риск для промышленного предприятия	Величина премии за риск, %
1. Руководящий состав: качество управления	Руководящий состав предприятия эффективен, поскольку представлен высококвалифицированным управленческим персоналом. Кроме того, данная организация входит в группу компаний предприятия, что говорит о наличии контроля над ней, а следовательно, и о качественном управлении в рамках предприятия.	0
2. Размер компании	Компания является средней, но данный риск незначительно влияет на ее деятельность, поскольку она занимает лидирующие позиции среди компаний-аналогов.	0,5
3. Финансовая структура (источники финансирования предприятия)	Предприятие в настоящее время находится на стадии реализации инвестиционного проекта по техническому перевооружению своего завода. В связи с этим компании необходимо привлекать заемные средства, что влияет на финансовые риски.	0,5
4. Товарная и территориальная диверсификация	Для предприятия характерна высокая степень диверсификации продукции; кроме того, имеется и территориальная диверсификация: так, например, завод имеет собственный железнодорожный тупик и может работать в три смены, что позволяет ему выполнять крупные заказы и поставлять продукцию в любую точку России (по желанию заказчика).	0
5. Диверсифицированность клиентуры	Степень диверсификации клиентов высокая, при этом большая часть из них являются постоянными клиентами.	0
6. Доходы: рентабельность и прогнозируемость	Предприятие стабильно работает и развивается, что подтверждается его устойчивыми доходами в течение длительного периода.	0
7. Прочие риски	Прочие риски связаны с существующей технологией производства, экономической ситуацией в регионе (регион находится на стадии развития инвестиционного климата), эксплуатацией оборудования (возможна недооценка затрат, связанных с содержанием, физическим и моральным износом, ремонтом и модернизацией оборудования и пр.), правовой сферой (степень совершенства законодательной базы, степень защищенности внутреннего рынка, лицензионная политика) и пр.	3

На основе исходной информации и опыта можно практически точно количественно охарактеризовать границы допустимых значений параметров и области их наиболее возможных значений.

Суть применения теории нечетких множеств при оценке вероятностного диапазона изменений чистого дисконтированного дохода как обобщающего показателя, величина которого интерпретируется как будущий прирост капитала

инвестора в результате реализации инвестиционного проекта, заключается в следующем.

Сначала необходимо задать нечеткое множество, которое характеризуется функцией μ и принимает значения от 0 до 1. Далее для всех нечетких множеств задаются уровни принадлежности, называемые б-уровнями. Если A, B, C – нечеткие множества, то на уровне b_1 – интервал достоверности у этих множеств будет соответственно $[a_{n1}, a_{k1}], [b_{n1}, b_{k1}], [c_{n1}, c_{k1}]$, где a_n, b_n, c_n – начало интервала, a_k, b_k, c_k – конец интервала.

Результатом операции будет множество интервалов, которые аппроксимируются по крайним точкам, в конечном итоге рассчитывается результирующее нечеткое множество.

Используя формулу (1) для определения чистого дисконтированного дохода, представим составляющие этого показателя в нечеткой форме.

Алгоритм вычисления чистого дисконтированного дохода в нечетком виде представляет собой выполнение следующих итераций: определение количества б-уровней; определение на каждом уровне интервальных значений исходных параметров чистого дисконтированного дохода и его значений; аппроксимация полученного нечеткого значения.

Если все параметры формулы (1) обладают «неопределенностью», то есть их точное прогнозируемое значение неизвестно, тогда в качестве исходных данных уместно использовать нормальное распределение числа с функцией принадлежности следующего вида: $\mu(a) = \exp\left[-\frac{(x-a)^2}{2b^2}\right]$. Эти числа моделируют высказывание следующего вида: «параметр A приблизительно равен a и находится в диапазоне $[a_{\min}, a_{\max}]$ » [2].

Полученное математическое выражение будет использоваться в качестве исходной информации в виде интервала параметра $[a_{\min}, a_{\max}]$, и наиболее ожидаемое значение будет выражаться как a . Полученные параметры (a_{\min}, a, a_{\max}) представляют собой значимые точки нечеткого числа A .

Применительно к формуле (1) определяется набор нечетких чисел для оценки вероятностного диапазона изменений чистого дисконтированного дохода:

$D = [D_{\min}, D, D_{\max}]$ – невозможно дать точную оценку прогнозных значений денежного потока вследствие неопределенности стоимости потребляемых ресурсов, объема производства строительной продукции из-за неопределенности на рынке промышленного и гражданского строительства, условий налогообложения;

$K = [K_{\min}, K, K_{\max}]$ – невозможно дать точную оценку прогнозного значения капитальных вложений вследствие возможного несоблюдения сроков реализации проекта технического перевооружения производства строительной продукции, изменения курса иностранной валюты, влияющего на стоимость оборудования, используемого в производстве;

$r = [r_{\min}, r, r_{\max}]$ – невозможно дать точную оценку коэффициента дисконтирования, позволяющего привести финансовые показатели, рассчитываемые для разных периодов, к сопоставимым значениям из-за возможного несоответствия фактического и запланированного срока осуществления проекта технического перевооружения.

После проведения преобразований по каждому нечеткому числу в структуре исходных, были получены интервалы достоверности $[D_1, D_2], [K_1, K_2], [r_1, r_2]$. Далее для каждого заданного б-уровня путем подстановки соответствующих границ интервалов были получены интервальные границы NPV:

$$[NPV_1, NPV_2] = \left[\sum_{i=1}^n \frac{D_{i1}}{(1+r_2)^i} - \sum_{i=0}^n \frac{K_{i2}}{(1+r_1)^i}, \sum_{i=1}^n \frac{D_{i2}}{(1+r_1)^i} - \sum_{i=0}^n \frac{K_{i1}}{(1+r_2)^i} \right]. \quad (3)$$

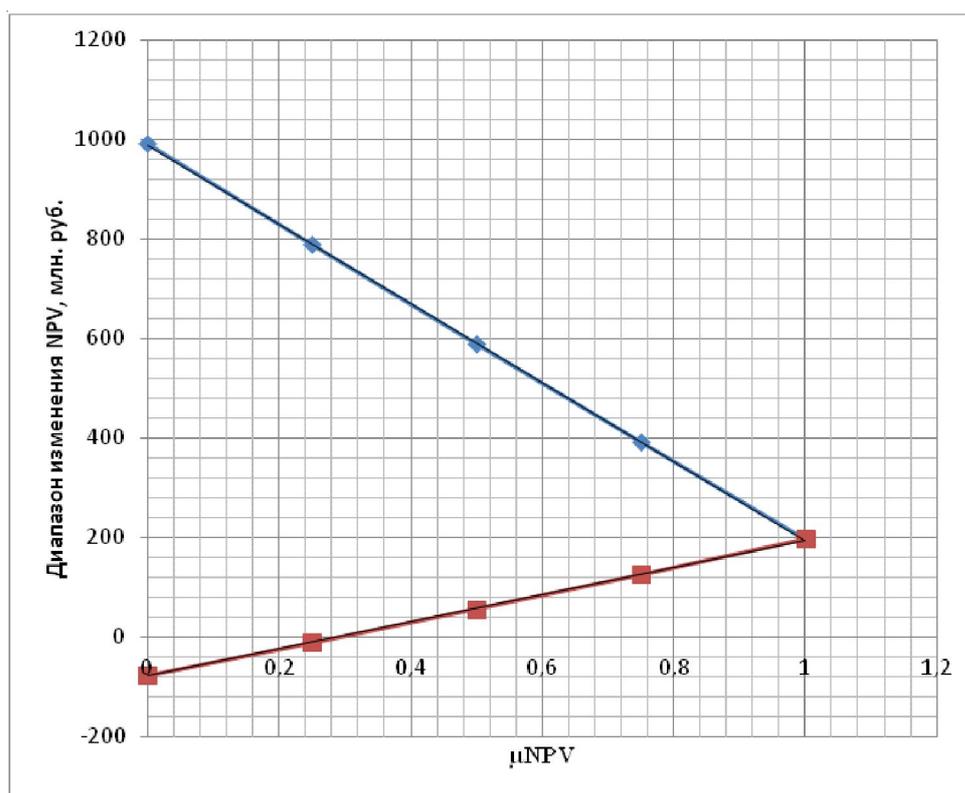
Зададим приемлемый уровень дискретизации по б-уровням на интервале принадлежности $[0, 1]$ и определим 5 уровней принадлежности (0; 0,25; 0,5; 0,75; 1), затем рассчитаем значение NPV для каждого заданного б-уровня. Результаты расчетов показателя чистого дисконтированного дохода по инвестиционному проекту технического перевооружения производства строительной продукции по α -уровням представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты расчетов показателя чистого дисконтированного дохода по α -уровням по инвестиционному проекту технического перевооружения производства строительной продукции

α -уровень	Д, млн руб.		r		NPV, млн руб.	
	нижняя граница	верхняя граница	нижняя граница	верхняя граница	нижняя граница	верхняя граница
0	185	380	10	13	992	-77
0,25	196	342	10,25	12,5	789	-12
0,5	207	305	10,5	12	588	56
0,75	218	267	10,75	11,5	391	125
1	229	229	11	11	197	197

Реконструируем нечеткое число NPV путем аппроксимации его функции принадлежности $\mu_{чдд}$ ломаной кривой по интервальным точкам. Диапазон колебаний чистого дисконтированного дохода по проекту технического перевооружения производства строительной продукции графически представлен на рисунке.

Диапазон колебаний чистого дисконтированного дохода по проекту технического перевооружения производства строительной продукции

Как видно из расчетов и графика, наиболее вероятное значение чистого дисконтированного дохода по проекту технического перевооружения производства строительной продукции будет соответствовать 197 млн руб. (при ставке дисконтирования 11 %, средней цене на строительную продукцию 7300 руб., среднем темпе роста цен на продукцию и тарифов и цен на ресурсы с учетом инфляции 6 % годовых, полугодовом объеме производства и реализации продукции 86500 м³). При прогнозных значениях средней неизменной цены на готовую продукции за весь период реализации инвестиционного проекта 7300 руб., полугодовом объеме производства строительной продукции 86500 м³, ставке дисконтирования 10 % показатель чистого дисконтированного дохода по проекту технического перевооружения завода будет составлять 992 млн руб. При прогнозных значениях средней цены на продукцию 7300 руб., ставке дисконтирования 13 % предприятие получит чистый дисконтированный убыток в размере 77 млн руб.

Разработанная методика вероятностной экономической оценки проекта технического перевооружения производства строительной продукции в условиях наличия неопределенности входных экономических параметров позволяет установить минимальную и максимальную границы размера чистого дисконтированного дохода, то есть ожидаемой прибыли от реализации инвестиционного проекта.

Литература

1. Количественные методы в экономических исследованиях / под ред. М.В.Грачевой и др. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 791 с.
2. Кофман А., Хил Алуха Х. Введение теории нечетких множеств в управлении предприятиями: пер. с исп. – Мн.: Вышэйшая школа, 1992. – 224 с.
3. Лейберт Т.Б., Халикова Э.А. Формирование финансовой модели бизнес-проекта с использованием инструментов проектного финансирования // Аудит и финансовый анализ. – 2013. – № 6. – С. 123–129.

Инновационный характер развития организационного механизма в виртуальной бизнес-среде

Л.МАРТЫНОВ

Организационный механизм как способ и средство реализации технологии деловых процессов, составляющих основу бизнеса и управления, обеспечивает взаимосвязь трех основных компонентов этого механизма: организационной структуры; коммуникационной сети всех исполнителей – звеньев структуры; организационной культуры.

В условиях современной виртуальной среды, которую мы рассматриваем как информационно-коммуникационную бизнес-среду (ИКБС), *инновационность и адаптивность* являются важнейшими аспектами стратегии развития организации [1–3]. Применительно к условиям такой среды, примером которой является глобальная сеть интернет, нами предложен новый вид менеджмента – *инфоком-менеджмент* [4] для управления организациями, осваивающими виртуальную ИКБС. Рассмотрим компоненты организационного механизма с учетом инновационного характера его развития в условиях виртуальной бизнес-среды.

Мартынов Ливон Михайлович, д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры менеджмента факультета «Инженерный бизнес и менеджмент» Московского государственного технического университета им. Н.Э.Баумана. E-mail: livonmartinov@mail.ru

Инновационные организационные структуры. Инновационный характер организационных структур проявляется во многих аспектах, в числе которых отметим следующие:

- принципы построения (концепция инфоком-менеджмента включает в себя систему, состоящую из 35 управленческих принципов);
- совершенствование компонентов организационных структур (функций, звеньев, связей и отношений по распределению прав и ответственности);
- роль структурных единиц;
- формы объединения организаций.

В настоящее время в ИКБС появляются новые структуры: сетевые, виртуально-сетевые, виртуальные [5], что связано с широким применением информационно-компьютерно-телекоммуникационных систем, средств, сетей и технологий (ИКСТ), а совершенствование компонентов организационных структур приводит к организационно-структурным инновациям. При этом возможно осуществление опосредованных коммуникаций и введение новых функций, новых звеньев, новых связей, отношений и телевзаимодействий в режиме реального времени. Эти структуры способствуют реализации указанной адаптивности организации в рассматриваемых условиях.

Инновационные коммуникационные сети. В коммуникационных сетях в качестве инноваций могут выступать:

- новый или обновленный состав структурных единиц (как источников и получателей информации, знаний), составляющих коммуникационную сеть и принадлежащих исполнителям и соисполнителям, владельцам и поставщикам ресурсов, посредникам и потребителям продуктов и услуг, представителям инфраструктуры в рамках определенных процессов (функций, программ, проектов, процедур);

- обновленный состав «ретрансляторов» – участников коммуникационных процессов (промежуточных «приемо-передатчиков» информации и знаний, шифровщиков и дешифровщиков, переводчиков и интерпретаторов, которые могут как вносить новые ошибки и создавать помехи в ходе осуществления коммуникационных процессов, так и усовершенствовать эти процессы);

- новый способ коммуникации, предполагающий внедрение новых технологий поиска и накопления информации и знаний (а также связанных с ними умений, навыков, концепций, идей, гипотез, в том числе содержащихся в различных видах интеллектуального капитала, интеллектуальной собственности, ноу-хау, схем их коммерциализации и оптимальных схем коммуникации), их восприятие и осознание, систематизация и обработка;

- соответствующие новые средства, условия и режимы, связанные с компетентным применением ИКСТ;

- осуществление обмена новыми данными, информацией, знаниями, другими видами интеллектуальных ресурсов, циркулирующих в ИКБС.

Инновационные аспекты организационной культуры. Организационная культура является основой для формулирования миссии и целей развития организации. Эта культура представляет собой идеологию организации, является отражением ее этики и морали. Инновационность организационной культуры заключается в реализации следующих мер:

- обновление или создание новой идеологии (новой философии, новой доктрины, новой концепции, нового «кредо») организации;

- создание желаемого образа, имиджа организации в глазах ее сотрудников и всех субъектов, взаимодействующих с данной организацией;

- формирование желаемого стиля поведения организации в процессе создания продукта и услуг, при взаимодействии с соисполнителями, поставщиками, конкурентами, потребителями;

- формирование ключевых ценностей консервативного (стабильность поведения, длительные и устойчивые отношения, надежность партнерских связей, исполнительность, дисциплина поставок и т. д.) и инновационного характера

(склонность к новаторству, лидерство в применении передовых технологий, тяга к знаниям, приверженность научно-техническому прогрессу) и т.п. и следование им.

Особое внимание в связи с этим следует уделить новым аспектам профессиональной культуры, которая предполагает наличие деловых компетенций и «общечеловеческой» культуры общения, коммуникативной культуры и культуры коммуникаций (в масштабе любых материально-интеллектуальных систем, включая человеко-компьютерное взаимодействие и опосредованные коммуникации с использованием ИКСТ), которые приобретают особую важность в условиях интеракций, телевзаимодействий, наличия телесвязи. При работе сотрудников в таких условиях проявляются особые нюансы, что позволяет выдвинуть гипотезу о формировании такого феномена, как «инфокомная культура» [6], под которой понимается профессиональная культура работы с информацией и знаниями (и другими видами интеллектуальных ресурсов), поиска соответствующих знаний, информации, актуального обмена данными ресурсами с учетом их «селективного» (персонального, субъективного, зависящего от культуры личности и социальных аспектов среды) восприятия, понимания, интерпретации, усвоения.

Целенаправленное и плодотворное взаимодействие при дистанционном режиме работы (без непосредственного личного контакта, но в режиме реального времени с применением ИКСТ) все чаще становится залогом успеха при принятии эффективных инновационных решений. Инфокомная культура в значительной степени способствует гармонизации и даже синхронизации телевзаимодействий в ИКБС.

Инфокомная культура включает в себя современный кругозор и эрудицию, обеспечивающие компетентный выбор таких высоких технологий, как ИКСТ, требующих их высококвалифицированного и эффективного использования в бизнес-процессах, а также в процессе управления. Некомпетентность и возможные ошибки здесь не только очень дорого обходятся организации, но и недопустимы, так как они могут «множиться по сети», а в условиях динамичных изменений ИКБС на их исправление «просто нет времени».

Инфокомная культура позволяет преодолевать «барьеры пространственно-временного континуума», географические расстояния и разницу часовых поясов с учетом возрастающей ценности и дефицита времени, экономической целесообразности выбора того или иного вида ИКСТ для обеспечения необходимой сферы влияния в соответствии с ИКБС.

С нашей точки зрения, инфокомное управление в условиях такой среды – *это управление и культурой организации*, которая в свою очередь оказывает значительное влияние на всю ее бизнес-среду, на успешное осуществление деятельности в ней данной организации. Поэтому инфоком-менеджмент, с помощью которого реализуется инновационное развитие организационного механизма, – это и управление повышением инновационной активности организации, функционирующей в рамках ИКБС и оказывающей влияние на нее.

С учетом таких характерных черт, включающих в себя активный и креативный характер взаимодействий организации с внешней средой, культура в условиях ИКБС становится инновационной инфокомной культурой. *В этой связи ИКБС представляется средой, в контексте которой реализуется интеллектуально-креативный потенциал профессионалов, обладающих инфокомной культурой плодотворного телевзаимодействия на основе компетентного использования ИКСТ.*

Концепции адаптивности организаций в виртуальной бизнес-среде. Все вышеизложенное распространяется на любые организации, использующие ИКСТ в условиях современной бизнес-среды, что обеспечивает им *адаптивность* в ней. Это способность перестраивать собственную структуру, связи и коммуникации, а также организационную культуру, используя инновационные аспекты развития организационного механизма.

Рассмотрим основные концепции, характеризующие указанную особенность организаций как хозяйственных систем. К актуальным концепциям относятся концепция развития сетевых, виртуальных организаций и концепция «даунсайзинга».

Концепция развития сетевых организаций. Распространение принципов децентрализации привело к созданию нетрадиционных структур организации – так называемых «сетевых структур». В результате «размывания» границ между организациями исчезает традиционное размежевание между внутренними и внешними участниками экономико-управленческих процессов, собственными и чужими ресурсами, крупными и мелкими структурными подразделениями. Создаваемые сетевые структуры охватывают все отрасли и функциональные области – от научных исследований и сетей субпоставщиков в сфере производства до маркетинговых сетей в сфере сбыта.

Необходимость обеспечения производственно-хозяйственной гибкости приводит к появлению различных организационных форм, основанных на принципе децентрализации. При этом организации разбиваются на самостоятельные в хозяйственном, а иногда и в правовом отношении центры, то есть выделяются центры прибыли, ответственности, капиталовложений, и на стратегические хозяйственные единицы (отделения, дивизионы и т. п.).

Выделенные сегменты часто соединяются со ставшими самостоятельными сегментами организаций субпоставщиков, конкурентов, партнеров и образуют стратегические альянсы и консорциумы. Вся цепочка создания стоимости в условиях ИКБС трансформируется в *сеть создания стоимости*, и создание благ превращается в *сеть взаимоуслуг*.

Кроме того, в условиях ИКБС благодаря возможности «работы на дому» (телетруд, телеработа, телеприсутствие, телеучастие) на основе применения ИКСТ отпадает необходимость сосредоточения участников процесса труда в одном месте. При этом все рабочие, деловые, управленческие процессы осуществляются интерактивно и в режиме реального времени. Вот почему развитие сетевых, виртуальных организаций – это императив времени для условий современного «виртуального бытия», базирующегося на широком использовании ИКСТ.

Концепция «даунсайзинга» – это сознательно направляемая деятельность по сокращению размеров организации. В рамках данной концепции выделяются три основных стратегии реализации:

– сокращение персонала (главным образом заключается в уменьшении числа работающих непосредственно в организации);

– реформирование организации (непосредственная направленность не столько на сокращение персонала, сколько на сокращение низкопроизводительных операций, на ликвидацию неэффективных структурных единиц, низкорентабельных видов продукции и сокращение затрат рабочего времени);

– системная стратегия, которая в корне отличается от двух других стратегий, так как ее главной целью является изменение всей системы. Все ее элементы, с какой бы сферой деятельности организации они ни были связаны (поставки, конкуренция, бизнес-технологии, маркетинг, сбыт и др.), выравняются и упрощаются. Эта стратегия является долгосрочной, поскольку она не обеспечивает получение быстрого результата, но дает возможность избежать повсеместного сокращения персонала, вовлекая сотрудников в процесс определения и внедрения самой идеи даунсайзинга, и все они несут ответственность за снижение расходов и улучшение результатов деятельности организации. Такая системная стратегия нуждается в особых капиталовложениях в обучение персонала. Необходимо также создание системы мониторинга с соответствующей диагностикой состояния организации.

В заключение отметим, что своеобразной гарантией реализации принципов инновационности и адаптивности является компетентный учет рассмотренных здесь

составляющих инновационного характера развития организационного механизма в условиях современной, бурно развивающейся и все более осваиваемой бизнесом виртуальной среды. Для успешной реализации инновационных аспектов развития организационного механизма с учетом соответствующих концепций необходимо применение инфоком-менеджмента как адекватного вида управленческой деятельности, предназначенного для организаций, осуществляющих деятельность в условиях информационно-коммуникационной бизнес-среды.

Литература

1. Мартынов Л.М. Концепция адаптивного управления наукоемкими и высокотехнологичными предприятиями в современной бизнес-среде // Проблемы экономики. – 2011. – № 2. – С. 116–119.
2. Мартынов Л.М. Адаптация как критерий управления поведением промышленных предприятий в современной информационно-коммуникационной бизнес-среде // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Раздел «Экономические науки». – 2013. – № 3. – С. 113–116.
3. Мартынов Л.М. Стратегическое позиционирование организаций в условиях инновационной информационно-коммуникационной бизнес-среды // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 2. – Ч. 2. – С. 93–95.
4. Мартынов Л.М. Инфоком-менеджмент – современная управленческая новация // Проблемы экономики и менеджмента. – 2012. – № 2. – С. 92–98.
5. Мартынов Л.М. Типология виртуальных организаций как объектов управления в системе инфоком-менеджмента // Проблемы экономики и менеджмента. – 2013. – № 7. – С. 43–48.
6. Мартынов Л.М., Макаренко М.А. Культура организации и культура инноваций в информационно-коммуникационном менеджменте. – СПб.: НОУ ИБП, 2012.

Организационный потенциал как элемент конкурентоустойчивости предприятия

Ю.ЛУТФУЛЛИН, А.КРАСНОВ

Исследованию вопросов формирования и использования потенциала организации (предприятия) уделяется пристальное внимание со стороны научного сообщества. В отечественной литературе одним из первых понятие «производственный потенциал» использовал А.И.Анчишкин, который включал в данную категорию «набор ресурсов, которые в процессе производства принимают форму факторов производства». Этот подход – ресурсный – к определению производственного потенциала получил широкое распространение среди исследователей. С позиций другого подхода – результативного – сущность производственного потенциала определяется как потенциальные экономические результаты (объем выпуска продукции, размер прибыли, показатели эффективности использования производственных ресурсов, рабочего времени и др.). В подобной трактовке понятие «потенциал» выступает синонимом понятия «производственная мощность» (Ю.Ю.Донец).

Лутфуллин Юнир Рифович, д-р экон. наук, профессор кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: unir2007@mail.ru

Краснов Андрей Александрович, аспирант кафедры экономической теории и социально-экономической политики БАГСУ. E-mail: Rb08@yandex.ru

Можно согласиться с мнением Е.Э.Синицина, который полагает, что производственный потенциал – это совокупность возможностей предприятия, реализуемых в процессе производства продукции, а также не использованных, но объективно существующих потенциальных возможностей более эффективного использования ресурсов (технических, трудовых, материальных, энергии) и достижений научно-технического прогресса.

В свою очередь понятие «экономический потенциал» в содержательном плане шире понятия «производственный потенциал». Под экономическим потенциалом понимаются современные системы машин и другие орудия труда, весь научный и производственный арсенал, разведанные и добываемые запасы сырья и энергии, трудовые ресурсы, производственный опыт (П.А.Игнатовский). С точки зрения В.А.Белюсова, экономический потенциал характеризуется объемами накопленных ресурсов и максимально возможным объемом производства материальных благ и услуг, которые могут быть достигнуты в перспективе при оптимальном использовании имеющихся ресурсов.

Таким образом, экономический потенциал является обобщающим показателем, характеризующим развитие производительных сил. Данный показатель интегрирует природные, производственные, научно-технические, социально-политические и культурные возможности предприятия. Другими словами, это не только имеющиеся в распоряжении организации ресурсы, но и способность ее сотрудников и менеджеров использовать эти ресурсы с целью создания товаров, услуг и получения максимального дохода (А.Н.Лебедев).

Экономический потенциал можно представить следующим образом (рис. 1). Во-первых, это производственный потенциал, во-вторых, организационный потенциал. С течением времени тот и другой потенциал «затухает», если организация не располагает инновационным потенциалом, определяемым стоимостью нематериальных активов. Это особенно наглядно проявляется, когда предприятие находится в состоянии кризиса.

Рис. 1. Ключевые элементы формирования и использования экономического потенциала предприятия (обратная связь подразумевает корректировку на соответствие методологическим установкам развития предпринимательской деятельности; 1–3 – производственно-инновационный потенциал; 2–3 – организационно-инновационный потенциал)

Оценка экономического потенциала кризисного предприятия включает финансовый анализ деятельности, аудит кризисного предприятия, анализ производства и маркетинга (см. табл.). Рассмотрение этих вопросов имеет целью разработку и выбор критериев для принятия правильных финансовых решений. В процессе оценки экономического потенциала выясняется, насколько эффективным было управление ресурсами предприятия, рациональна ли структура имущества, как сочетаются заемные и собственные источники финансирования, какова оборачиваемость активов и рентабельность продаж.

На основе анализа и аудита осуществляется разработка стратегии и тактики в сфере производства и маркетинга. Выработанные решения могут носить вариантный характер. Задачей арбитражного управляющего является выбор наиболее рационального из имеющихся вариантов с учетом особенностей внешней и внутренней среды кризисного предприятия.

Оценка экономического потенциала предполагает расчет операционного левериджа. Этот показатель определяется соотношением выручки и прибыли от реализации и характеризует степень риска предприятия при снижении данного соотношения за счет изменения цен на выпускаемую продукцию и ее натурального объема реализации. В первом случае риск наибольший, а во втором – наименьший. Финансовый леверидж учитывает, кроме того, соотношение общей суммы прибыли и чистой прибыли.

Оценка экономического потенциала кризисного предприятия [3]

Раздел	Содержание
1. Финансовый анализ деятельности кризисного предприятия	Анализ активов и пассивов. Платежеспособность предприятия. Финансовая устойчивость. Состав и оборачиваемость оборотных средств. Границы привлечения заемных источников финансирования. Эффективность использования капитала. Управление выручкой и рентабельностью продаж. Операционный и финансовый леверидж. Финансовое планирование. Оценка экономической целесообразности инвестиционного проекта.
2. Аудит кризисного предприятия	Аудиторская проверка и обязательные условия ее проведения. Основные вопросы аудита кризисного предприятия. Экспертиза учетной политики предприятия. Проверка соблюдения правил налогообложения. Особенности аудита учредительных документов. Особенности аудита основных фондов. Особенности аудита долгосрочных и краткосрочных вложений. Особенности аудита запасов и затрат. Особенности аудита расчетов с покупателями и продавцами. Особенности аудита операций, связанных с распределением и использованием прибыли.
3. Анализ производства и маркетинга	Структура издержек производства. Анализ использования основных производственных фондов. Анализ типа производства и его технологического уровня. Расчет потребности в материальных ресурсах. Соответствие производственных мощностей запланированному, объему производства. Маркетинг и текущее состояние предприятия.

В процессе оценки экономического потенциала определяются дальнейшие пути развития кризисного предприятия. Производственная программа рассчитывается на основе имеющихся производственных мощностей. План производства разрабатывается с учетом объема рыночного спроса.

Кризисному предприятию следует больше внимания уделять системному единству «принципов создания хорошей организации» (термин А.Файоля [6]), основными из которых являются единство управления, определенность задач планирования предпринимательской деятельности, гибкость организационной структуры фирмы.

Отметим, что в современных условиях управления акционерным предприятием основным противоречием предпринимательской деятельности является выбор: или быстрое извлечение прибыли, или долгосрочные тенденции увеличения скорости оборотного капитала [4]. Успешное преодоление этого противоречия может быть связано с предпринимательским менеджментом – делегированием руководителем предпринимательских методов работы своим подчиненным, а также с мотивацией их участия в предпринимательском процессе.

Наряду с инновационным и производственным потенциалом, элементом экономического потенциала является организационный потенциал (рис. 1). Он играет важную роль в процессе формирования конкурентоустойчивости предприятия. Основу организационного потенциала, по мнению Е.Ю.Кокаревой, «составляет организационный ресурс руководителей – функция полномочий, власти, лидерских качеств, используемого стиля управления и ценностных установок» [2]. Особую роль в формировании и использовании организационного потенциала играют информационные ресурсы и организационная культура (организационный климат, коммуникационные связи). К информационным ресурсам относятся и показатели внутрифирменного планирования делового успеха. Кроме того, структуру организационного потенциала составляет также «потенциал ключевых компетенций» [5]. Данный потенциал увеличивается при проведении соответствующей политики в сфере отбора персонала.

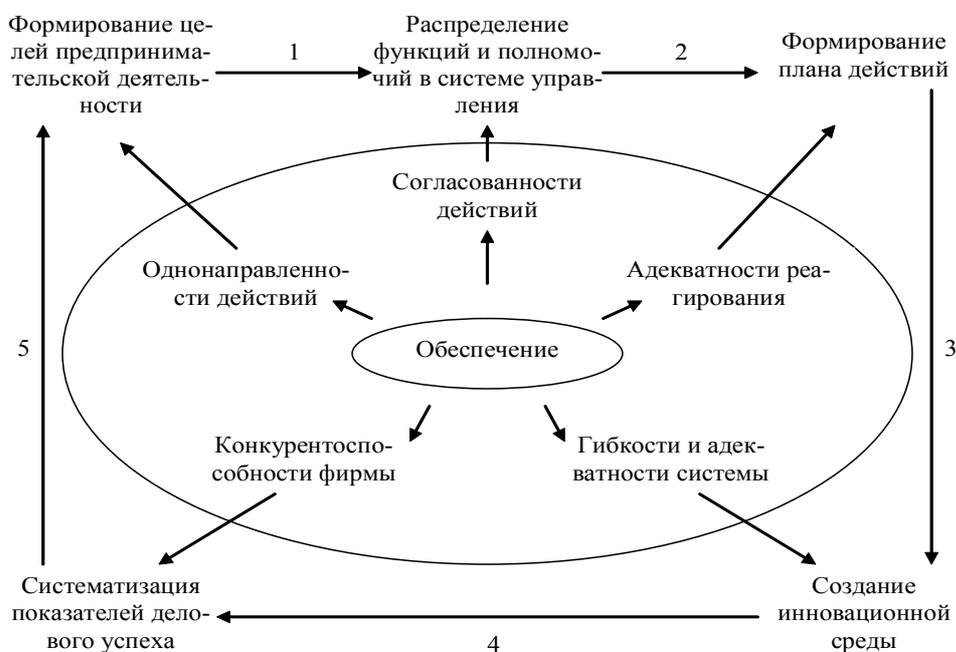

Рис. 2. Цикл формирования организационного потенциала: 1 – декомпозиция целей; 2 – информационная поддержка; 3 – формирование организационной культуры; 4 – систематизация ключевых компетенций; 5 – оценка нематериальных активов

В системе организационного потенциала внутренние информационные системы должны поддерживать решения, направленные, во-первых, на координацию взаимодействия всех компонентов экономического потенциала, оптимизацию их внутренней структуры, что достигается в процессе внутрифирменного планирования делового успеха; во-вторых, на оценку эффективности взаимосвязи компонентов, что обеспечивается информационными системами управления и политикой в сфере отбора персонала (по принципу его соответствия ключевым компетенциям фирмы).

Ключевым элементом системы формирования и использования экономического потенциала предприятия (рис. 1) является конкурентоустойчивость, под которой понимается способность организации сформировать и использовать совокупный (экономический) потенциал, обеспечивающий устойчивые конкурентные позиции, реализацию ее приоритетных целей, партнерское сотрудничество и экономические преимущества в долгосрочной перспективе. Наряду с «системным единством принципов создания хорошей организации предпринимательского типа» конкурентоустойчивость является методологической основой формирования и использования организационного потенциала.

Одним из значимых методологических вопросов является цикличность формирования организационного потенциала. Речь в данном случае идет об этапности данного процесса (рис. 2). В каждом конкретном случае могут отличаться как порядок осуществления соответствующих этапов, так и их временная протяженность. На рисунке 2 представлен цикл формирования организационного потенциала крупной организации (корпорации), имеющей «мощную» инновационную систему, элементами которой являются: внутрифирменное планирование делового успеха, организационное культуростроение технологии, используемые в процессе отбора персонала в соответствии с целевыми установками по формированию и использованию организационного потенциала.

Литература

1. Гютнер И.Н. Оценка производственного потенциала предприятий хлебопекарной промышленности в потребительской кооперации. дис... канд. экон. наук. – Белгород: БелГУ, 2004. – 209 с.
2. Кокарева Е.Ю. Формирование и использование организационного потенциала в антикризисном управлении предприятием: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Тюмень: ТюмГУ, 2002. – 22 с.
3. Основы антикризисного управления / под ред. А.Н.Ряховской. – М.: ИЭАУ, 2001. – 172 с.
4. Отказ от традиционного бюджетирования. Информационные материалы SAP. – М.: Представительство SAP AG, 2001. – 19 с.
5. Питерс Т., Уоторман Р. В поисках эффективного управления. – М.: Прогресс, 1986. – 418 с.
6. Файоль А. Учение об управлении / пер. с фр. – Рязань, 1924. – 70 с.

Маркетинговые инструменты в оценке деятельности государственного сектора: измерение удовлетворенности

Д.ВОЛКОВ

В течение многих лет правительства разных стран пытаются определить, сколько средств необходимо выделять на предоставление государственных услуг, какие компоненты государственных программ наиболее полезны, как оценивать качество предоставляемого сервиса. С 1980-х гг. государственные учреждения за рубежом стали обращаться к управленческим методам, которые использовались в частном секторе. В результате была разработана программа Нового государственного менеджмента (НГМ). Данная программа предполагает различные нововведения: внедрение клиентоориентированного подхода, измерение качества, удовлетворенности и пр. [8]. В связи с этим изучение новых методов оценки деятельности государственного сектора, в том числе через степень удовлетворенности клиентов,

Волков Дмитрий Константинович, аспирант кафедры «Маркетинг фирмы» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: volkov_dk@mail.ru

представляет особую актуальность. Однако при этом возникает ряд вопросов, в частности, возможно ли перенесение модели оценки услуг на основе удовлетворенности, используемой частными компаниями, в сектор предоставления государственных услуг.

Измерение удовлетворенности. Понятия «воспринимаемое качество» и «удовлетворенность» часто используются в специальной литературе по вопросам маркетинга и оказания услуг, но их дифференциация остается проблемой, не получившей до настоящего времени адекватного отражения в научной литературе [2]. По мнению Р.Оливера, удовлетворенность/неудовлетворенность потребителя возникает как результат качества обслуживания и его сравнения с ожиданиями. При этом параметры, лежащие в основе определения качества, достаточно конкретны, в то время как суждения об удовлетворенности обладают более широким диапазоном параметров, которые включают в себя аспекты качества, но не исчерпываются ими [7]. Кроме того, многие исследователи считают, что оценка удовлетворенности предполагает наличие опыта потребителя, а качество – нет (Cronin, Taylor (1994), Oliver (1980), Parasuraman et al. (1988)).

Ряд исследователей, занимающихся изучением проблемы потребительского поведения, использовали концепцию удовлетворенности клиентов для описания различий между результатами продвижения на рынок конкретных альтернатив продуктов и брендов [12]. Ученые-экономисты, в свою очередь, использовали концепт удовлетворенности клиентов как общий знаменатель для описания различий в моделях конкуренции между группами товаров и отраслями [4]. Однако, по мнению Дж.Саймона, удовлетворенность клиентов нельзя измерить при помощи объективных методов [10]. В лучшем случае, если удовлетворенность клиентов рассматривается как абстрактное и теоретическое явление, оно может быть измерено как средневзвешенное значение нескольких частных характеристик такой удовлетворенности [3]. При этом, по справедливому замечанию К.Форнелла, качество и количество применяемых методик влияют на погрешность измерений показателя удовлетворенности [1]. Так, в результате анализа удовлетворенности населения в секторе государственных услуг Ван Разиным было выявлено, что респонденты демонстрируют низкую степень удовлетворенности услугами такого рода. Исследователь объясняет этот феномен тем, что оценка качества государственных услуг основана на суждениях населения об общей удовлетворенности деятельностью органов власти [9; 11].

Практические методы оценки удовлетворенности в государственном секторе. Рассмотренные теоретические исследования различных аспектов измерения качества и удовлетворенности клиентов в сфере услуг позволяют в настоящее время перейти к разработке практических методов оценки услуг в государственном секторе. Отметим, что в научной литературе существует множество работ, посвященных различным аспектам оценки общественного мнения относительно государственных услуг (Balk (1985); Bozeman (1993); Hart, Grant (1989); Smith (1993); Thomas, Palfrey (1996); Winkler (1987)). При этом за последние несколько лет в целом возрос интерес к сбору и анализу данных, связанных с оценочно-поведенческим аспектом функционирования рынков. Эти данные используются для изучения результативности и производительности государственных структур на основе оценки чувств, мнений и поведения работников, менеджеров и просто граждан в качестве групп клиентов (стейкхолдеров) и потребителей результатов деятельности государственной власти на всех ее уровнях. В настоящее время доминирующей является точка зрения, изложенная Дж.Вайсом, в соответствии с которой все эти аспекты измерений должны внедряться в единую систему, которая определяет государственную политику и характеристики управления в государственных структурах.

Опыт развитых стран является наиболее ценным в этом вопросе. За последние годы подход, предполагающий систематическую оценку работы государственных систем как основы совершенствования их деятельности, становится все более

актуальным, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Так, заслуживают упоминания:

- годовые обзоры, проводимые в различных штатах Америки, направленные на оценку работы местных структур власти и государственных служащих;
- проект американского индекса удовлетворенности ACSI, демонстрирующий, насколько удовлетворены потребители теми или иными услугами на федеральном уровне;
- канадский проект, оценивающий мнения граждан-покупателей о работе различных государственных служб;
- шведский индекс качества обслуживания клиентов, который стал первым в своем роде индексом удовлетворенности граждан государственными услугами;
- немецкий барометр качества обслуживания клиентов, в основе которого лежат регулярные опросы граждан.

В течение прошлого десятилетия были разработаны и другие модели оценки потребительской удовлетворенности, способные предоставлять систематические данные. К ним относятся норвежский барометр качества обслуживания клиентов, корейский, малазийский и швейцарский индексы удовлетворенности потребителей [3]. Кроме того, еще несколько стран проводят предварительный анализ и планируют создание своих национальных барометров (в их числе Канада, Австралия, Бразилия, Аргентина и Мексика).

Сравнительный анализ данных моделей позволил выявить следующие различия:

- по сравнению с американским индексом в шведском барометре воспринимаемое качество и воспринимаемая ценность объединяются в одну переменную (воспринимаемая ценность);
- в европейской модели аспекты качества продукта и качества обслуживания рассматриваются отдельно и представляют собой две различные переменные. Более того, данная модель включает в себя корпоративный имидж (правительство рассматривается как корпорация) как латентное значение, оказывающее прямое влияние на ожидания, удовлетворенность и лояльность потребителя;
- в норвежской модели используется метод SERVQUAL, который выражает оценку качества, при этом аспект ожидания потребителя заменен корпоративным имиджем, что основано на эмпирических исследованиях, результаты которых свидетельствуют о том, что ожидания почти не сказываются на конечной удовлетворенности [3];
- во всех моделях различается трактовка такой переменной, как «претензии потребителя». По мнению ряда исследователей, в большинстве случаев покупатель предпочитает не оставлять жалоб, даже если он не удовлетворен качеством продукции или услуг. Поэтому в модели норвежского барометра данная переменная заменена на значение под названием «работа с жалобами», в то время как в европейской модели данный аспект вообще не включен в список переменных, влияющих на удовлетворенность. В немецком барометре применяется совершенно иной подход, объединяющий суждения потребителя в отдельной шкале относительно удовлетворенности/неудовлетворенности, при этом в нем отсутствует система причинно-следственных связей.

Подобные различия в методологии являются основным недостатком при сравнении моделей индексации потребительской удовлетворенности разных стран и отраслей промышленности, хотя имели место попытки разрешить эту проблему (Martensen et al. (2000); Johnson et al. (2002); Grigoroudis & Siskos (2004)). Так, Джонсон и его соавторы отмечали, что обнаруженные различия в результатах шведского и немецкого барометров и американского индекса вполне предсказуемы и логичны. С точки зрения исследователей, самый высокий уровень удовлетворенности характерен для товаров, на среднем уровне находится удовлетворенность коммерческими услугами, а самый низкий уровень удовлетворенности характерен для деятельности государственных учреждений. Кроме того, уровень удовлетворенности в США выше, чем в Германии или Швеции. Доводы М.Джонсона обуславливаются внутренними различиями стран, которые неизбежно влияют на уровень обеспечения потребителей рыночными предложениями, способными удовлетворить их нужды [6].

В заключение отметим, что в большинстве развитых стран мира наблюдается тенденция к созданию работающих на постоянной основе систем оценки качества государственных услуг. Однако сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что сформировавшиеся к настоящему времени подходы еще далеки от совершенства и в этой области предстоит большой объем исследований. Проведенный нами анализ дает возможность, тем не менее, определить наиболее общепризнанные атрибуты качества услуг, которые влияют на оценки удовлетворенности всех стейкхолдеров государственных услуг – как конечных потребителей, так и клиентов-посредников. К важнейшим показателям измерения качества государственного обслуживания соответственно можно отнести качество структуры, качество процесса, качество результата и качество отношений.

В отношении понятия «удовлетворенность» отметим, что данная категория требует глубокого изучения. Индексы удовлетворенности граждан, представляющие собой один из методов оценки государственного управления, все чаще используются не только в развитых, но и в развивающихся странах для оценки качества услуг местного самоуправления. Сравнение индексов удовлетворенности различных стран позволяет выделять основные различия между ними и определять дальнейшие направления развития исследований в этой области, которые могут стать основой создания аналогичных систем в России.

Литература

1. Fornell C., Wernerfelt B. Defensive Marketing Strategy by Customer Complaint Management: a Theoretical Analysis // *Journal of Marketing Research*. – 1987. – Vol. 24 (4). – P. 337–346.
2. Hurley R.F., Estalami F. Alternative Indexes for Monitoring Customer Perceptions of Service Quality: a Comparative Evaluation in Retail Context // *Journal of the Academy of Marketing Science*. – 1998. – Vol. 26 (3). – P. 209–210.
3. Johnson M.D., Gustafson A., Andreassen T.W., Lervik L., & Cha J. The Evolution and Future of National Satisfaction Index Models // *Journal of Economic Psychology*. – 2001. – Vol. 22 (2). – P. 217–245.
4. Meeks J.G. Utility in Economics: a Survey of the Literature // Turner C.F. and Martin E. (Eds.). *Surveying Subjective Phenomena*. – Russel Sage Foundation, NY, 1984. – Vol. 2. – P. 41–91.
5. Mizrahi S., Vigoda-gadot, E., VanRyzin G. Public Sector Management, Trust, Performance, and Participations Citizens Survey and National Assessment in the United States // *Public Performance & Management Review*. – 2010. – Vol. 34 (2). – P. 268–312.
6. Nikolopoulou G., Zopounidis C. Customer Satisfaction Barometers and Economic Development: an Explorative Ordinal Regression Analysis // *Total Quality Management*. – 2008. – Vol. 19 (5). – P. 441–460.
7. Oliver R.L. A Conceptual Model of Service Quality and Service Satisfaction: Compatible Goals, Different Concepts // *Advances in Services Marketing and Management: Research and Practice*. – 1993. – Vol. 2.
8. Pollitt Ch., Bouckaert G. *Public Management Reform: a Comparative Analysis*. 2nd ed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2004.
9. Rodriguez P., Burguete J., Vaughan R., Edwards J. *The Transformation of Municipal Services: Towards Quality in the Public Sector*. – Bournemouth University, United Kingdom, Theoretical and Applied Economics, 2009. – P. 3–15.
10. Simon J.L. Interpersonal Welfare Comparison Can be Made and Used for Redistribution Decisions. – *Kyklos*, 1974. – Vol. 27 (1). – P. 68–98.
11. Van Ryzin G.G. The Measurement of Overall Citizen Satisfaction // *Public Performance and Management Review*. – 2004. – Vol. 27. – P. 9–28.
12. Yi. A Critical Review of Customer Satisfaction // Zeithaml V.A. (Eds.) *Review in Marketing*, American Marketing Association, Chicago, 1990. – P. 68–123.

Роль руководителя в процессе развития вуза: опыт передовых университетов

А.ШЕСТАКОВИЧ

Состояние сферы высшего профессионального образования является одним из ключевых факторов, определяющих инновационную активность страны, и государство в последние годы предпринимает решительные шаги по улучшению ситуации в данной сфере [2; 4]. Одной из главных проблем является недостаточная эффективность работы института образования и науки, и можно предположить, что это происходит в силу отсутствия устойчивой взаимосвязи между основными звеньями инновационной системы: научными организациями, учреждениями высшего образования, малыми инновационными предприятиями и крупными компаниями, между отраслевой, вузовской и академической наукой. Однако, с нашей точки зрения, на процесс становления инновационной экономики, кроме перечисленных факторов, оказывают значительное влияние и руководители ведущих университетов России.

Проведем сравнительный анализ структур управления российских и зарубежных университетов. Структура управления образовательными учреждениями в России выглядит следующим образом (рис. 1). На Западе реализуется иная структура управления. Большая часть университетов США являются частными организациями, что подразумевает высокий уровень конкуренции. Рассмотрим западную систему управления на примере Стенфордского университета. Управление университетом осуществляет Совет доверительных управляющих, который состоит из 35 человек, 25 % состава этого совета назначается Советом выпускников. Совет контролирует всю собственность университета, принимает решения, связанные с финансированием университета, утверждает ежегодный бюджет, назначает президента и Кабинет университета, который является его высшим исполнительным органом. В состав Кабинета входят президент, его заместители и руководители основных школ университета, крупных самостоятельных исследовательских центров. Кабинет определяет политику развития учебного заведения в целом. Другой известный университет – Гарвард, так же как и Стенфорд, имеет в своей структуре Совет наблюдателей, в который входят спонсоры, руководители ведущих корпораций Америки, авторитетные общественные деятели. Совет назначает президента образовательного учреждения и проректора по учебной работе, деканов. Данные советы, которые находятся на высшей ступени иерархии управления, поддерживают деятельность университета и в то же время контролируют деятельность руководства, что оказывает позитивное воздействие на работу вуза в целом. Структура управления выглядит следующим образом (рис. 2).

Различия между университетами в рассматриваемом отношении незначительны. В структуре Стенфорда, например, функционирует Кабинет университета, в который входят президент, проректор, деканы школ и руководители вспомогательных служб. Однако ведущую позицию занимает все же Совет попечителей. Кабинет университета и президент утверждаются именно данным Советом. Совет решает все финансовые вопросы: осуществляет контроль за собственностью университета, принимает инвестиционные решения, в то время как ректор и проректор решают повседневные вопросы, касающиеся учебного процесса.

Остановимся более подробно на сферах научной деятельности, областях исследований президентов (в США) и ректоров (в России) университетов. Выборка университетов Запада составлена на основе рейтинга Times Higher Education-QS, в который входит 200 «топовых» университетов Запада. В основе формирования выборки российских университетов – Национальный рейтинг университетов, разработанный «Интерфаксом» (табл. 1).

Шестакович Анна Геннадьевна, аспирант Уфимского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: starodubovaag@mail.ru

Рис. 1. Организационная структура управления в университетах России

Рис. 2. Организационная структура управления в университетах США

Таблица 1

Данные о сферах деятельности представителей крупнейших университетов мира [1; 6]

Западные университеты	Президент	Университеты РФ	Ректор
Калифорнийский технологический институт	Д. Балтимор, профессор микробиологии, вирусолог	Московский государственный университет	В.А.Садовничий, д-р физ.-мат. наук
Стенфордский университет	Дж.Л.Хеннеси, профессор в области информатики (электротехники)	Санкт-Петербургский государственный университет	Н.М.Кропачев, д-р юрид. наук
Оксфордский университет	К.Паттен, профессор исторических наук	Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ	М.Н.Стриханов, д-р физ.-мат. наук
Гарвардский университет	Д.Д.Фауст, профессор исторических наук	Российский университет дружбы народов	В.М.Филиппов, д-р физ.-мат. наук
Массачусетский технологический институт	Р.Райф, профессор в области электроники	Московский физико-технический институт (университет)	Н.Н.Кудрявцев, д-р физ.-мат. наук
Принстонский университет	Ш.Тилгмэн, профессор молекулярной биологии	МГТУ им. Н.Э.Баумана	А.А.Александров, д-р техн. наук
Кембриджский университет	ректор – принц Филипп, герцог Эдинбургский, (область знаний: география и история искусств) вице-ректор – Э.Ричард, профессор в области финансов	Новосибирский государственный университет	М.П.Федорук, д-р физ.-мат. наук
Калифорнийский университет Беркли	Р.Джозеф, профессор в области физики	Томский государственный университет	Г.В.Майер, д-р физ.-мат. наук
Чикагский университет	Р.Зиммер, профессор в математических областях (геометрии)	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	П.С.Чубик, д-р техн. наук
Йельский университет	Р.К.Левин, Ф.В.Беник, профессора в области экономики	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина	В.А.Кошкаров, канд. ист. наук

На базе данной выборки можно сделать вывод, что в Америке значительную часть руководящих постов занимают профессора, научные интересы которых находятся в области гуманитарных (дисциплин, изучающих человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности) и общественных наук, изучающих аспекты бытия человека в проекции на его общественную деятельность. Напротив, в России большинство ректоров университетов – специалисты, работающие в области точных наук. Данные, подтверждающие эту тенденцию, представлены и в таблице 2.

Таблица 2

**Распределение по специальностям ректоров
35 ведущих университетов России и Запада, %**

Науки	Запад	Россия
Общественные науки	43	20
Гуманитарные науки	26	9
Естественные науки	20	9
Точные науки	11	62

С нашей точки зрения, можно выдвинуть гипотезу, что успех университетов США во многом обусловлен тем, что такие должности, как президент университета, занимают люди, имеющие гуманитарные наклонности. Необходимо также отметить, что и у истоков крупных успешных российских образовательных учреждений стоят именно люди с гуманитарными наклонностями и соответствующим образованием. Например, первым выборным ректором Московского государственного университета в 1804 г. стал профессор истории и словесности Х.А.Чеботарев [7].

По мнению профессора Даниэлы О'Нэйл, существует семь групп способностей:

1. Логико-математические способности, предполагающие умение делать выводы, последовательно мыслить, оперировать системой символов, легко переходить от конкретного мышления к абстрактному. Подобными способностями обладают ученые-математики, философы.

2. Пространственные: умение креативно мыслить, видеть мир в образах, создавать самостоятельно эти образы. Наличие отмеченных способностей наблюдается у архитекторов, дизайнеров.

3. Социальные: коммуникабельность, взаимопонимание с людьми; наделенность социальным интеллектом (характерны для политиков, учителей).

4. Оценивающие: способность оценивать людей, их возможности, умение понимать мотивы поведения людей, рефлексивность, которая подразумевает способность обращаться к самому себе (психологи).

5. Кинестетические: способность человека к выполнению точных движений, воспроизведению пространственных, силовых движений (спортсмены, танцоры).

6. Лингвистические. Люди, обладающие такими способностями, наделены вербальным интеллектом, активным творческим воображением, они способны к изучению языков, а также хорошо запоминают образы.

7. Музыкальные, которые подразумевают развитое чувство ритма, тона, интонации.

Можно спроецировать данные системы способностей на конкретные сферы деятельности для определения того, какие сферы деятельности в большей мере соответствуют фигуре руководителя высшего учебного заведения с точки зрения перспектив развития и успеха университета.

Логично предположить, что ученые, осуществляющие свою деятельность в сфере общественных наук, должны обладать способностями к логическому мышлению, социальными способностями, оценивающими, лингвистическими. Область гуманитарных наук подразумевает в первую очередь наличие у индивида оценивающих, лингвистических, пространственных, музыкальных, кинестетических способностей. Область естественных, точных наук предполагает наличие у человека логико-математических способностей; кроме того, область точных наук подразумевает наличие пространственных способностей у индивида (ученые в области геометрии).

Сравнительная характеристика перечисленных сфер деятельности по семи основным группам способностей представлена в таблице 3.

Таблица 3

Сравнительная характеристика сфер деятельности

Сфера деятельности / Система способностей	Общественные науки	Гуманитарные науки	Естественные науки	Точные науки
Логико-математические	+	–	+	+
Пространственные	–	+	–	+
Социальные	+	–	–	–
Оценивающие	+	+	–	–
Кинестетические	–	+	–	–
Лингвистические	+	+	–	–
Музыкальные	–	+	–	–

С нашей точки зрения, данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что наиболее подходящими сферами деятельности для руководителей высших учебных заведений выступают области общественных и гуманитарных наук, так как именно данные сферы деятельности в большей степени предполагают наличие способностей, сопутствующих успеху руководителя крупной организации. Так, должность ректора, президента университета подразумевает занятие методической работой (система логических способностей), публичные выступления (система лингвистических и музыкальных способностей), высокий уровень коммуникабельности (система социальных способностей), развитое воображение (система пространственных способностей), способность к изучению языков (система лингвистических способностей).

Таким образом, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что наиболее успешными руководителями университетов могут быть гуманитарии. Возможно, тот факт, что в России большинство ректоров – ученые в области точных и естественных наук (мышление которых характеризуется не только высокой скоростью и последовательностью, но и четкими рамками), может выступать сдерживающим фактором развития университетов, института образования в России и отечественной науки в целом.

Литература

1. Высшее образование в странах Европы и США. Топ 200 мировых университетов рейтинга Times Higher Education-QS 2013-2014 [Электронный ресурс]. – <http://www.uci-asa.com/rejting-the2.html#.Uwsnq8nIPIU>
2. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р. Анализ межрегиональных различий в предоставлении услуг высшего образования федеральным центром // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 13. – С. 29–33.
3. Зулькарнай И.У. Ограниченная рациональность индивидов: графические модели несовершенной памяти // Журнал экономической теории. – 2009. – № 2. – С. 249–256.
4. Ислакаева Г.Р., Зулькарнай И.У. Результативность региональной политики в сфере высшего профессионального образования // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2012. – № 1. – С. 39–45.
5. Карелин И.Ю. Модернизация системы образования как фактор инновационного развития территории // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2013. – № 4. – С. 38–43.
6. Национальный рейтинг университетов [Электронный ресурс]. – [http://www.interfax.ru/russia/txt/310566\\$](http://www.interfax.ru/russia/txt/310566$)
7. Официальный сайт Московского государственного университета. Руководители Московского университета [Электронный ресурс]. – <http://www.msu.ru/info/rector.html>
8. Официальный сайт Стенфордского университета. About Stanford [Электронный ресурс]. – <http://www.Stanford.edu/about/>

Проблемы развития физической культуры и формирования здорового образа жизни молодежи

Р.МУСТАФИН, Р.ХИСАМУТДИНОВ,
Э.ГАЙНУЛЛИНА

Прогресс современной цивилизации обусловил ряд положительных достижений в различных сферах жизнедеятельности общества, однако в то же время имеют место отрицательные явления, оказывающие влияние на здоровье человека, прежде всего, молодежи. Так, по данным многочисленных медико-социологических исследований, за последнее десятилетие резко возросла численность неинфекционных заболеваний, в значительной степени связанных с образом жизни человека. Более половины учащихся общеобразовательных школ имеют ослабленное здоровье, увеличилось число школьников, страдающих хроническими заболеваниями пищеварительной, нервной систем, аллергическими заболеваниями. К I группе здоровья (полностью здоровы) были отнесены лишь 8–12 % детей, к III группе (наличие хронических болезней) – более половины [1].

Аналогичная ситуация наблюдается и в студенческой среде: за время учебы в вузе здоровье студентов не улучшается, а даже ухудшается; уровень физической подготовленности основной массы поступивших в вузы не соответствует требованиям, предъявляемым к студентам [1]. Негодными для службы в армии по состоянию здоровья признаются 20 % призывников, а более половины призванных в армию не могут выполнить необходимых нормативов. Следует отметить, что тенденция к ухудшению здоровья молодежи влечет за собой последующее снижение здоровья представителей всех возрастных групп, что негативно сказывается на качестве трудовых ресурсов, приводит к снижению средней продолжительности жизни и др. [2].

Многие современные исследователи к факторам, способствующим ухудшению здоровья молодежи, относят следующие: «информационная депрессия», вызванная бесконечным потоком информации, обрушивающимся на молодого человека; ускорение темпов жизни; умственные нагрузки. Экспериментальные данные подтверждают, что важнейшим фактором профилактики данного психоэмоционального состояния становится физическая активность, так как ограниченность двигательной активности лишает человека возможности реализации естественной формы психического напряжения [3].

В итоге можно с сожалением констатировать, что молодые люди, обучающиеся в вузах, в основной своей массе не являются здоровыми. При этом нездоровое поколение – это результат воздействия не только социально-экономических и экологических факторов, но и следствие несбалансированности учебной нагрузки, несоответствия программ и технологий обучения особенностям состояния здоровья студентов, недостаточного материально-технического оснащения вузов и др. В связи с этим, с нашей точки зрения, одной из важнейших задач высшего образования является индивидуализация обучения с учетом особенностей развития личности студентов и формирование у них здорового образа жизни.

Студенческий период по сути – это важный период получения необходимого минимума знаний, умений и навыков по физической культуре в рамках государственной

Мустафин Рафит Вафиевич, доцент кафедры физической культуры и спорта Башкирского государственного университета (БашГУ)

Хисамутдинов Рабис Акмалович, д-р мед. наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности и охраны окружающей среды БашГУ

Гайнуллина Элина Нуровна, канд. социол. наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и охраны окружающей среды БашГУ. E-mail: hunter-kalipsa@mail.ru

системы образования. В дальнейшем (при осуществлении профессиональной деятельности, в быту, семье) заботу о двигательной активности, валеологической культуре, состоянии здоровья берет на себя сам индивид.

В этой связи невозможно переоценить роль физической активности и спорта как средства всестороннего развития индивида, формирования социально активной и зрелой личности, приобщения к здоровому образу жизни. Известно, что регулярное выполнение физических упражнений приводит отказу от вредных привычек, способствует устранению факторов риска возникновения ряда заболеваний, а повышение уровня двигательных навыков способствует снижению риска травматизма [3].

Физическая активность и спорт являются действенными методами воспитания молодых специалистов, поскольку располагают ресурсными возможностями для воспитания личности. Еще П.Ф.Лесгафт указывал на творческий, интеллектуальный характер деятельности личности при занятиях физическими упражнениями. Исследователь отмечал: «Путем анализа и сравнения получаемые извне впечатления переходят в умственную работу, появляясь уже затем в виде отвлеченных понятий. Соответственно этому следует анализировать и сравнивать движения, стараясь приспособить их к такой активной деятельности, в которой наибольшая работа проводилась бы при наименьшей затрате труда, что возможно также и при отвлеченных умственных занятиях» [4].

Роль физической культуры в жизни студенческой молодежи и характер ее воздействия выходят далеко за рамки функции развития физических, эмоционально-волевых, интеллектуальных качеств. Физическое совершенствование индивида способствует повышению работоспособности; рациональной организации досуга с использованием активных форм отдыха, улучшению социального самочувствия и др. Совместные тренировочные занятия влияют на формирование и укрепление малых групп, развитие внутригруппового общения. Таким образом, ресурс физической активности для воспитания гармоничной и успешной во всех сферах жизнедеятельности личности уникален и неисчерпаем. Поэтому необходимы переориентация общественного и индивидуального сознания в отношении ценностей физической культуры, формирования устойчивых мотиваций физического совершенствования, превращения оценки уровня развития физической культуры в один из критериев оценки уровня культуры человека в целом. Однако для системной реализации этого процесса необходимо комплексное изучение проблемы, в том числе с привлечением социологического инструментария.

На основе данных социологического исследования авторами статьи был проведен анализ факторов формирования культуры здоровья в современном российском обществе, определены роль и место физической культуры в системе здорового образа жизни студентов¹.

Многоплановость самооценки здоровья как мотивационной детерминанты самосохранительного поведения и как показателя здоровья заслуживает пристального внимания и анализа. Известно, что хотя субъективные оценки априори не могут быть в полной мере надежными при определении истинного состояния здоровья, существует достаточно высокая степень соответствия самооценки физического и психического здоровья и его объективной характеристики. В ходе исследования было выявлено, что большинство студентов (59,4%), принявших участие в опросе, оценивают состояние своего здоровья как хорошее, то есть они никогда не болеют или болеют очень редко, обычно хорошо себя чувствуют. Около четверти студентов (25,6%) достаточно часто болеют или чувствуют себя нездоровыми, они оценили свое здоровье как среднее.

¹Для сбора информации использовался метод анкетирования. Объем выборки составил 432 студента Башкирского государственного университета, дневной формы обучения (из них 61,6% девушек и 38,4% юношей).

Доля студентов, оценивших состояние своего здоровья как плохое, составила 3,1 %. Затруднились с выбором варианта ответа 11,9 % участников опроса.

Результаты исследования показали, что культура самосохранительного поведения у молодых людей, принявших участие в опросе, достаточно низкая: регулярно следят за своим здоровьем менее половины участников исследования (32,3 %), эпизодически, от случая к случаю – 61,5 %, не уделяют особого внимания здоровьесберегающей активности – 6,2 %.

Одним из направлений социологических исследований поведения в сфере здорового образа жизни является разработка концепции факторов риска, под которыми понимаются внешние условия или особенности поведения человека, оказывающие негативное воздействие на его здоровье. Респондентам было предложено оценить влияние на здоровье следующих факторов: злоупотребление психоактивными веществами (наркотическими средствами, алкоголем, курением); недостаток двигательной активности; несоблюдение принципов рационального питания; нарушение сна; загрязнение окружающей среды. Значительная часть респондентов (98,9 %) в целом отрицательно воспринимает такие отклонения от здорового образа жизни, как злоупотребление психоактивными веществами (наркотическими средствами, алкоголем, курением). То есть студенты, принявшие участие в опросе, осознают негативное влияние психоактивных веществ и курения. Однако если рассматривать другие предложенные для оценки индикаторы, то становится очевидно, что студенты недооценивают значимость таких факторов, как загрязнение окружающей среды (37,5 %), несоблюдение принципов рационального питания (28,1 %), недостаточная физическая активность (20,8 %), нарушение режима сна (12,8 %). Участниками анкетирования были предложены и собственные варианты ответа на вопрос о том, какие факторы оказывают отрицательное воздействие на организм человека: «эмоциональный стресс», «электромагнитное излучение», «воздействие на психику общения в социальных сетях», «метеорологические факторы» и др.

Полученные данные позволяют предположить, что студенты в недостаточной степени осведомлены о факторах, представляющих потенциальную угрозу для здоровья. Поэтому мы считаем, что в программы профилактических вузовских мероприятий и учебных циклов целесообразно внедрить образовательный модуль, который освещал бы следующие компоненты здорового образа жизни: культура питания, time- и pastime-менеджмент, экология здоровья и др.

Большинство респондентов (54,2 %) занимаются физической культурой и спортом в объеме, превышающем предусмотренный учебным планом. На данный момент не занимаются, но в перспективе хотели бы заняться физической культурой 41,7 % опрошенных студентов, что свидетельствует о благоприятной почве для развития соответствующей инфраструктуры, а также целесообразности дальнейшей популяризации здорового образа жизни среди студенческой молодежи. Некоторые респонденты (4,1 %) принципиально не хотят заниматься физической культурой и спортом. Однако мы считаем, что при проведении мотивационной работы с данной «пассивной» частью студентов они частично смогли бы пополнить группу желающих заняться в будущем спортом.

О степени популярности спорта в студенческой среде можно судить исходя из анализа распределения мнений респондентов при ответе на вопрос «Посещаете ли Вы спортивные мероприятия?». Так, 43,7 % респондентов посещают их раз в год, 6,3 % – несколько раз в месяц, а 50 % отметили, что вообще не посещают спортивные мероприятия.

В решении проблем привлечения к активным занятиям физической культурой молодежи особое внимание необходимо обратить на проведение детьми досуга совместно с родителями (на большую эффективность занятий физической культурой и спортом при привлечении в этот процесс членов семьи указывают 88 % респондентов, 12 % считают совместные занятия необязательными). Концепция семейного

активного отдыха должна быть признана приоритетной. Для этого на уровне Правительства Российской Федерации и субъектов Федерации необходимо разработать и реализовать специальную программу формирования зон отдыха для городов и районных центров России. В эту зону отдыха должны входить сеть спортивно-оздоровительных учреждений, региональных оздоровительных трасс и троп, вдоль которых формируется типовая или нестандартная инфраструктура (спортивные городки, экостадионы, туристско-оздоровительные комплексы).

В ходе исследования нами были определены мотивы приобщения молодежи к физкультурно-спортивной деятельности. Так, студенты, активно занимающиеся спортом, среди мотивов к началу тренировочных занятий выделили следующие: необходимость оптимизировать вес, улучшить фигуру (55,8 %), укрепить здоровье (55,8 %), воспитать силу воли, характер и желание повысить и сохранить физическую подготовленность (по 44,2 %); 27 % респондентов отметили возможность снять усталость, стресс, повысить работоспособность; 15,4 % – воспитать красивую манеру движений, грацию; 9,6 % – рационально использовать досуговое время; наименьшее число респондентов указали на возможность добиться спортивных успехов и общение с единомышленниками (по 3,8 %); всего 2 % студентов отметили, что веяния современной массовой культуры, культивирующие моду на спорт, не отразились на их желании заниматься спортом.

Большинство студентов (55,8 %), занимающихся физической культурой и спортом, посещают тренировочные занятия несколько раз в неделю, 30,8 % – каждый день, а 9,6 % тренируются один раз в неделю. Ни один респондент не выбрал такие варианты ответа, как «2–3 раза в месяц» и «1 раз в месяц»; 1,9 % участников опроса затруднились ответить на данный вопрос. Наиболее удобным временем посещения тренировочных занятий для большинства опрошенных студентов является вечернее время (72,1 %); 13,1 % студентов удобно посещать занятия в утренние часы, 14,8 % – в дневное время.

Для большинства студентов (61,5 %) барьером на пути к физкультурно-спортивной активности стала низкая обеспеченность материальными ресурсами, нехватка финансовых средств на оплату спортивных занятий. Так, основным источником финансирования физкультурно-спортивной деятельности студентов являются средства родителей (52,5 %), 37,5 % опрошенных оплачивают занятия за счет дополнительного заработка и 21,1 % респондентов ответили, что используют стипендию для оплаты занятий. Однако эта позиция во многом является средством оправдания пассивности и лени, так как отсутствие финансовых средств не является барьером для тех, кто действительно заинтересован в занятиях физической культурой. Пробежка на свежем воздухе, велосипедная прогулка, домашние тренировки с использованием видеопособий и многие другие формы физической активности не требуют каких-либо финансовых вложений. Элементарную пассивность можно также считать причиной бездействия, объясняемого отсутствием спортивной формы и спортивного инвентаря (32,6 %). На втором месте в числе факторов, препятствующих занятиям физкультурой и спортом, находится утомленность работой, учебой (51 %); на третьем – неудобное расположение спортивных объектов (32,6 %). Респондентами были также даны следующие варианты ответов: «отсутствие компании» (17,4 %), «отсутствие секции» (16,3 %), «проблемы со здоровьем» (13 %), «слабая организаторская работа» и «отсутствие желания» (по 6,5 %), лишь 6,5 % студентов отметили, что объективных препятствий на их пути к физкультурно-спортивной деятельности нет; 2,2 % респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

В ходе проведения работы по привлечению молодежи к физической культуре и занятиям спортом, а также популяризации спорта необходимо учитывать факторы, способствующие, по мнению опрошенной молодежи, повышению интереса к этим занятиям. Интерес к физкультуре могут повысить доступность занятий в спортивных секциях (46 %), наличие профессионального тренера, способного проводить занятия

на высоком уровне (43 %), возможность выбора вида спорта (25 %), близость расположения спортивных объектов (36 %) и более комфортные условия для занятий в них (33 %). Некоторые респонденты (7 %) полагают, что интерес молодежи к физкультуре и спорту могла бы поднять пропаганда здорового образа жизни, распространение рекламы о различных спортивных учреждениях и секциях (3 %); затруднились с выбором ответа 9 %.

Так как поведение индивида в сфере формирования физической культуры обуславливается степенью его информированности по данному вопросу, один из вопросов анкеты был направлен на выявление основных источников, из которых молодежь получает необходимую информацию о физической культуре и спорте. Кроме того, показатель степени информированности студентов служит индикатором эффективности функционирования таких социальных институтов, как семья, высшая школа, средства массовой информации. Среди каналов получения информации преобладают следующие: информация, полученная от друзей и знакомых (53,2 % ответивших), занятия в вузе (53,2 %) и спортивной секции (37,3 %). Актуальными источниками информации являются масс-медиа: интернет (45,9 %) и телевидение (20,4 %). Наиболее популярными источниками информации о спорте в сети Интернет являются социальная сеть «ВКонтакте», сайты «Чемпионат.ру», «Спорт.ру», «Еврофутбол.ру», а также новостная лента в интернет-поисковиках «Yandex.ru», «Google.ru», «Rambler.ru», «Mail.ru». Такие спортивные телевизионные каналы, как «Россия-2», «Спорт-1», «Тонус», «Боец ТВ», «EuroSport», информационные выпуски программы «Вести», «Вести недели» также пользуются популярностью среди молодежи.

Значимость других источников, таких как радио-передачи (12,7 %), рекламные буклеты, брошюры, средства наглядной агитации (12,4 %), газеты, журналы (2,3 %) и специальная литература (2,3 %) на порядок ниже.

По мнению участников опроса, наибольшее влияние на привлечение людей к занятиям физической культурой и спортом оказывают друзья (63,7 %), семья (48,4 %) и образовательные учреждения (42,5 %). Менее популярны такие варианты ответа, как «общественные физкультурно-спортивные организации» (34,5 %), «средства массовой информации (газеты, телевидение, интернет, радио)» (33,6 %), «государственная структура по физической культуре и спорту» (27,8 %), «органы местного самоуправления» (15,7 %), «министерство здравоохранения» (12,7 %), «реклама» (10,4 %). К сожалению, лишь незначительная часть студентов (7,5 %) отметили, что «физкультурная» активность зависит исключительно от собственного желания заниматься или не заниматься физической культурой и спортом. По мнению большинства респондентов (78,5 %), личный пример спортсмена, чемпиона мог бы в большей степени способствовать пропаганде физической культуры и спорта в молодежной среде. Для четверти опрошенных студентов показательным был бы пример педагога и руководителя спортивной секции (12,6 %). Распространенную точку зрения о том, что пример актеров и политиков способствует пропаганде ценностей здоровья и физической активности, не высказал ни один участник опроса.

В качестве наиболее значимых критериев выбора преподавателя, опрошенные студенты отметили следующие: «личные качества педагога», «опыт работы», «индивидуальный подход к обучаемым» и «профессиональное образование», в числе менее важных респонденты отметили такие как «использование эффективных методик обучения», «достижения преподавателя в данной сфере деятельности» и «внешний вид педагога».

Студенты, принявшие участие в опросе, высказали пожелание, чтобы по месту их проживания в ближайшее время появились муниципальные спортивные объекты: спортивные комплексы (24,7 %), залы (32,8 %), спортивные клубы для семейных занятий спортом (34,7 %), спортивная площадка во дворе (52,4 %), пункт проката спортивного инвентаря (12,5 %). Большинство студентов (95,4 %) выразили обеспокоенность тем, что в настоящее время создано большое число спортивных объектов VIP-класса и практически отсутствуют объекты эконом-класса или бесплатные объекты.

Таким образом, в последнее десятилетие в России наблюдается благоприятная тенденция: взят курс на оздоровление нации. На территории России реализуются различные программы, направленные на формирование у населения культуры здоровья и здорового образа жизни; повышение мотивации к сохранению здоровья; ведение активного медицинского просвещения, направленного на формирование у населения навыков культуры здоровья; сокращение масштабов распространения алкоголизма и наркомании; принятие на государственном уровне мер по укреплению основ здорового образа жизни; развитие физической культуры, спорта и др.

Проведенное нами исследование показало важность создания условий в физкультурно-спортивной среде вузов, способствующих формированию у студентов готовности к физкультурно-спортивной деятельности путем: организации двигательных рекреаций; организации самостоятельной работы по физическому воспитанию студентов; насыщения внеучебной работы спортивно-массовыми мероприятиями, секциями, клубами и др.; формирования физкультурно-спортивных ценностей, идеалов и спортивной традиции образовательного учреждения; создания психологических условий для благоприятных взаимоотношений в коллективе среди студентов и педагогов, взаимодействия спортивного коллектива с образовательным сообществом.

Литература

1. Акчурин Б.Г. Социальные условия и факторы формирования валеологической культуры: монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 248 с.
2. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. – М.: Наука, 2006. – 238 с.
3. Лесгафт П.Ф. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1988.
4. Синенко Г.С. Формирование у студентов потребности в рекреативно-оздоровительных занятиях // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2011. – № 3. – С. 21–25.
5. Тоноян В.Х. Влияние экстремальных видов спорта на развитие молодежного движения в России // Власть. – 2009. – № 9. – С. 33.

Благосостояние населения как приоритетное направление социальной политики в Азербайджанской Республике

А.ОРУДЖЕВА

Повышение уровня благосостояния граждан является одной из основных целей социально-экономической политики государства независимо от экономической модели каждой конкретной страны. Социально-экономическая политика представляет собой два взаимоопределяющих и взаимодействующих аспекта единой политики государства. Так, экономическое развитие создает условия для совершенствования функционирования социальной сферы, а осуществление социальной политики, надлежащим образом использующей эти возможности, способствует повышению качественных характеристик жизни населения и снижению социального бремени, которое возложено на государственный бюджет страны.

Оруджева Айнур Гамзага кызы, докторант Научно-исследовательского института экономических реформ при Министерстве экономики и промышленности Азербайджанской Республики.
E-mail: aynur.orudjeva@gmail.com

Научно-теоретические подходы к определению социальной политики. «Социальная политика» – сложное понятие, которым обозначают взаимоотношения между государством и социумом. С учетом того, что термин «социальная политика» имеет различные толкования, следует отметить, что по сути каждое из составляющих его слов содержит два аспекта. Если принимать во внимание точку зрения Платона, согласно которой «политика – это искусство жить вместе», то следует отметить, что социальная политика – это способность сосуществования, целенаправленное осуществление мероприятий по повышению общественного благосостояния.

Попытки определения содержания понятия «социальная политика» берут свое начало с древних времен. Так, в учении Конфуция государство отождествляется с семьей, правитель – с отцом, старшим в роде. Цель государства – создание общего блага для этой семьи. Призвание правителя – накормить народ, обогатить и обучить его. В Древней Индии в трактате «Артхашастра» также содержатся наставления по искусству правления. Цель общества состоит в обеспечении блага всех живых существ [4].

Древнегреческие мыслители считали, что государство должно обращать особое внимание на имущественное неравенство, которое возникает из-за неравномерного распределения доходов. Так, Платон считал правильным сохранение сословных различий, однако для достижения идеального общественного устройства выдвигал идею упразднения частной собственности среди правителей и воинов, которые должны всю свою жизнь посвятить служению общему благу, чтобы исключить слишком большое противоречие между бедностью и богатством, подрывающее единство государства [7].

Аристотель полагал, что «государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо. Целью государства является благая жизнь; само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни» [1].

Идеи, в которых содержится призыв правителей государства к справедливости, высказаны в трудах древнеазербайджанских мыслителей: Н.Гянджеви, Н.Туси, М.Физули и др. Так, Н.Гянджеви вкладывает в уста государя своеобразный манифест: «У здоровых и дельных не будет заботы: не позволю оставить я их без работы. Если примется кто-то за труд и притом все же не сможет прожить ежедневным трудом, облегчу я ему трудовую дорогу и, казну раскрывая, приду на подмогу» [6].

Анализ содержания многочисленных исследований в области определения понятия «социальная политика» позволяет выделить основные научные подходы к этой проблеме.

В соответствии с одним подходом социальная политика определяется как система общественных взаимоотношений. Так, по мнению Б.В.Ракитского, социальная политика – это взаимоотношения социальных групп по поводу сохранения и изменения социального положения населения в целом и составляющих его классов, слоев, социальных, социально-демографических, социально-профессиональных групп, социальных общностей [9].

По мнению О.И.Шкаратана, социальная политика связана с типом общества, его социокультурными особенностями и является своеобразным фокусом, в котором сходятся и интересы нередко конкурирующих за ограниченные ресурсы социальных групп, и существующие в обществе представления о справедливости, и общесоциальные потребности, связанные с самосохранением общества и поддержанием его конкурентоспособности [12].

Другой подход к определению понятия «социальная политика» состоит в отождествлении социальной политики и функции общества. В этом контексте наиболее обобщенное определение социальной политики предложил американский социолог Р.Баркер: «социальная политика – это деятельность и

принцип общества, формирующие способ, при помощи которого оно вмешивается и регулирует отношения между индивидами, группами, общинами, социальными учреждениями» [13].

Еще один подход базируется на предположении о том, что социальная политика – это прерогатива государства. По мнению А.М.Желтова, «социальная политика – это деятельность государства, общественных организаций и благотворительных фондов, направленная на удовлетворение потребностей населения и реализуемая через социальную сферу» [3]. М.И.Плотницкий характеризует социальную политику как систему мер, направленных на повышение уровня и качества жизни населения, и как деятельность государства по управлению развитием социальной сферы общества, нацеленную на удовлетворение интересов и потребностей граждан [8].

И.Орtiz считает, что социальная политика как инструмент регулирования и развития рыночных институтов и социальных структур определяется через систему социальных услуг (образование, здравоохранение, занятость и социальная защита) и включает такие элементы, как перераспределение, защита и социальная справедливость [15]. М.Хилл рассматривал меры в этом направлении, процесс их подготовки и реализации как политическую деятельность государства, влияющую на благосостояние населения [14].

Очевидно, что такой подход носит общий характер и требует определенного уточнения следующих моментов: какие интересы и потребности являются объектом государственного управления; каково разделение прав и обязанностей между государством и обществом? Определение, сформулированное О.Хеффе, гораздо точнее выражает содержание социальной политики. Так, полагая, что общество является своего рода «общезитием для людей», он отмечал, что «если человеческое общезитие хочет обладать легитимным характером, то оно, во-первых, должно носить правовой характер; во-вторых, это право должно объединять в себе качество справедливости; в-третьих, справедливое право должно быть защищено общественными законами, то есть в итоге оно должно принять форму справедливого государства» [11]. Как видно, О.Хеффе, выделив в рамках данного определения этапы формирования социальной политики, фактически обосновал деятельность государства в этом направлении.

Таким образом, будучи одной из сфер государственного регулирования, нацеленного на повышение уровня благосостояния населения, и представляя собой совокупность отношений между государством и обществом, социальная политика в целом включает в себя цели обеих сторон. Поэтому социальную политику можно определить как систему мероприятий, направленных на социальное развитие общества, оптимизацию отношений между социальными группами, создание условий для удовлетворения жизненных потребностей членов общества [9]. С точки зрения отношения государства и общества к человеку социальную политику можно определить как целенаправленное развитие социальной структуры общества, формирование условий для улучшения социального положения каждого члена общества, а значит, и общества в целом.

Т.И.Заславская предлагает определять социальную политику в узком и широком смысле. Так, по мнению исследователя, социальная политика в узком смысле – это система государственных мероприятий, поддерживающая социальные группы и слои населения, находящихся в более затруднительном положении по сравнению с другими и неспособных поправить его собственными силами. В более широком смысле под социальной политикой Т.И.Заславская понимает меры, направленные на достижение более сложных и масштабных целей [10].

Будучи одной из составных частей единой политики государства, социальная политика выступает как деятельность по защите интересов социальных групп посредством создания условий, необходимых для реализации этих интересов. В свою очередь создание таких условий является задачей, решение которой требует совместных усилий государства, общественных организаций, местных органов

самоуправления и предприятий, осуществляемых с целью достижения общественного благосостояния. Мы придерживаемся следующего определения социальной политики: социальная политика – это целенаправленная деятельность государства по принятию и реализации решений, ориентированных на защиту интересов социальных групп общества и повышение уровня благосостояния населения с учетом имеющихся ресурсов конкретно-экономических условий развития общества.

Цель, объекты и функции социальной политики. Главной целью социальной политики является повышение уровня и качества жизни граждан на основе стимулирования трудовой и экономической активности населения, создание для каждого трудоспособного человека условий, позволяющих ему за счет своего труда и предпринимательских способностей обеспечивать благосостояние своей семьи. При этом государство полностью сохраняет свои социальные обязательства перед социально уязвимыми категориями населения.

Объектами социальной политики являются классы и социальные группы, нации и народности, отдельная семья, человек как субъект общества.

К основным функциям социальной политики можно отнести следующие:

– обеспечение социальной устойчивости и безопасности общества. Социальную политику необходимо осуществлять с учетом разнообразия социальных структур общества в различных государствах и на различных этапах исторического развития, в направлении стабилизации общества и предотвращения разрыва социальных связей;

– обеспечение политической устойчивости. Учитывая, что существование политических систем непосредственно зависит от соблюдения интересов большинства, необходимо осуществлять социальную политику с учетом этих интересов в целях сохранения политической стабильности;

– обеспечение оптимального распределения власти и собственности. Социальная политика должна способствовать такому распределению властных, экономических ресурсов, которое было бы признано справедливым со стороны большинства населения и не требовало перераспределения;

– обеспечение экологической безопасности. Учитывая, что одним из важнейших факторов благосостояния является наличие благоприятных природно-климатических условий, проведение социальной политики должно способствовать осуществлению природоохранных мероприятий, обеспечивающих максимальное снижение отрицательного воздействия производства на окружающую среду, сохранение компонентов природной среды и рациональное использование природных ресурсов;

– обеспечение социальной защищенности населения. Учитывая, что социальная политика охватывает социальные потребности различных социальных групп и слоев общества, она должна способствовать созданию необходимых условий для их удовлетворения.

Эти функции можно распределить по двум группам: осуществляемые на макро- и микроуровне. Так, если обеспечение социально-политической стабильности, экологической безопасности имеет определенный макроэффект, то распределение ресурсов и обеспечение социальной защиты направлено непосредственно на граждан, то есть действует на микроуровне. Вместе с тем следует учитывать, что эти направления обладают способностью взаимоусиления.

Приоритеты, достижения и перспективы социальной политики Азербайджана. Начиная с 1991 г. (после получения статуса независимости) Азербайджан, взяв курс на построение социально ориентированной рыночной экономики, провозгласил социальную политику в качестве прерогативы государства, основными приоритетами которой являются достижение высокого уровня благосостояния, защита интересов всего населения, особенно его малоимущих слоев, и стимулирование производительной занятости.

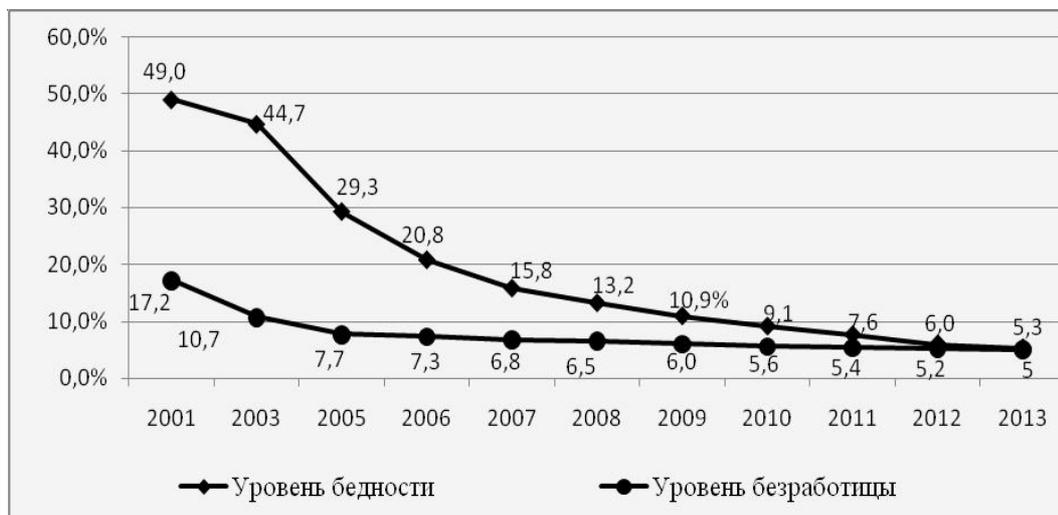
В этом контексте можно выделить несколько этапов социально-экономического развития: 1991–1995 гг. – экономический кризис; 1996–2005 гг. – макроэкономическая стабильность и начало социально-экономического развития; 2006–2010 гг. – динамичный

экономический рост; 2011 г. – настоящее время – новое качество экономического роста.

В 1991–1995 гг. в результате спада производства объем ВВП снизился на 44 %, цены на потребительские товары возросли в 14–18 раз, а потребительские расходы домохозяйств – на 50 %, что стало причиной резкого снижения уровня благосостояния населения. Так, в 1995 г. 61,5 % домохозяйств Азербайджана были определены как бедные, в том числе 20,4 % – как очень бедные [2, 18].

В 1996–2005 гг., характеризующиеся началом подъема экономики, установлением стабильности в стране, стал увеличиваться объем инвестиций, осуществлялись преобразования в сфере занятости, была преодолена инфляция и уровень бедности снизился до 49 % в 2001 г. В этот период была реализована «Государственная программа по сокращению бедности и экономическому развитию в Азербайджанской Республике на 2003–2005 годы», которая обеспечила возможность снижения уровня бедности в 2005 г. до 29,3 % [16].

Начиная с 2006 г. были приняты Закон Азербайджанской Республики «Об адресной государственной социальной помощи», утверждена «Государственная Программа сокращения бедности и устойчивого развития в Азербайджанской Республике в 2008–2015 годах», «Стратегия занятости Азербайджанской Республики», рассчитанная на 2006–2015 гг., и государственные программы по реализации Стратегии занятости на 2007–2010 и 2011–2015 гг. На основе реализации этих и других государственных программ, в том числе направленных на социально-экономическое развитие регионов, развитие малого и среднего предпринимательства и др., в Азербайджане были созданы условия для нормального воспроизводства человеческих ресурсов и обеспечения высокого уровня благосостояния населения. Так, в 2012 г. по сравнению с 2000 г. объем производства ВВП возрос в 13 раз и составил 68,7 млрд дол., объем ВВП на душу населения возрос в 11 раз и составил 7308,5 дол. В свою очередь уровень бедности за 2001–2013 гг. снизился в 5,4 раза, а уровень безработицы – в 3,4 раза (см. рис.).

Динамика показателей бедности и безработицы в Азербайджане, %
(составлено на основе [16])

Таким образом, в последние годы были достигнуты значительные успехи в социально-экономическом развитии Азербайджана. Дальнейшая реализация социальной политики нацелена на улучшение показателей благосостояния всего населения и каждого гражданина на базе всестороннего учета их интересов и потребностей, удовлетворение

которых возможно только при наличии сильной стабильной экономики и оптимальном сочетании государственной власти и активной деятельности гражданского общества. Так, принятая в конце 2012 г. Концепция развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее» направлена на обеспечение устойчивого экономического роста и высокого социального благосостояния, эффективного государственного управления и верховенства закона, всех прав и свобод человека, активного статуса гражданского общества в общественной жизни страны. Одним из основных приоритетов концепции является развитие социальной сферы и человеческого капитала. Повышение качества образования и здравоохранения, уровня социальной защиты населения, обеспечение гендерного равенства и развитие семьи, обеспечение развития потенциала молодежи, развития физкультуры и спорта – основные направления развития для достижения этого приоритета. В результате реализации Концепции к 2020 г. Азербайджан станет экономически и политически развитым, конкурентоспособным государством с высоким уровнем доходов населения, минимальным уровнем безработицы, высокоразвитым человеческим капиталом, охраняемой и благоприятной окружающей средой, широкими возможностями развития для каждого гражданина [5].

Учитывая, что качество социальной политики определяется достижением относительного баланса интересов групп, степенью соответствия основных социальных сил характеру распределения ресурсов общества, возможностями реализации человеческого потенциала общества, последовательно претворяемую в жизнь социальную политику в Азербайджане можно охарактеризовать как качественную.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.
2. Государственная программа по сокращению бедности и экономическому развитию в Азербайджанской Республике на 2003–2005 годы. – Баку, 2003. – 288 с.
3. Государственное регулирование экономики: учеб. пособие / под общ. ред. Г.Н.Власова, А.М.Желтова. – Н. Новгород, 1998. – 245 с.
4. Ковалева Г.П. Основные социально-философские учения: учеб. пособие. – Кемерово, 2010. – 173 с.
5. Концепция развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее». – http://www.president.az/files/future_ru.pdf
6. Гянджеви Н. Искендернаме. В двух книгах. – М.: Художественная литература, 1986. – 190 с.
7. Платон. Государство. Собрание соч. в 4-х томах. Т. 3. – М.: «Мысль», 1994.
8. Плотницкий М.И., Лобкович Э.И., Муталимов М.Г. и др. Курс экономической теории. – Мн.: Мисанта, 2003. – 496 с.
9. Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н.А.Волгина. – М.: «Экзамен», 2003. – 736 с.
10. Социальные ориентиры обновления: общество и человек / под ред. Т.И.Заславской. – М.: Политиздат, 1990. – 446 с.
11. Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М.: Гнозис, 1994. – 328 с.
12. Шкаратан О.И. Декларируемая и реальная социальная политика // Мир России. – 2001. – № 2. – С. 3–24.
13. Barker Robert L. The Social Work Dictionary. National Association of Social Workers. – NASW Press, 2003. – 493 p.
14. Hill M. Understanding Social Policy. London: Blackwell Publ., 2000
15. Ortiz I. Social policy. UNDESA PolicyNotes, 2007
16. www.stat.org.az.

Высокий профессионализм плюс активная гражданская позиция

Имя Лены Мирзаевны Карамовой, проработавшей в сфере охраны здоровья более 50 лет, широко известно в республике. Благодаря заложенному еще в семье характеру, а также установкам, полученным в процессе обучения и воспитания в медицинском институте, бескомпромиссности, ответственности, преданности и основательности профессиональных знаний, направленная по государственному распределению как молодой фтизиатр в Учалинский район Лена Карамова в экстремальной ситуации в первую же неделю работы самостоятельно оперирует и спасает от верной гибели от кровотечения молодую женщину. Этот гражданский акт определил ее профессиональный статус: она посвящает себя святому делу акушера-гинеколога, сложнейшей специальности, требующей одновременно и умения грамотно действовать, и сверхоперативной решимости.

Умение принимать позитивные решения в своей врачебной деятельности, а также гражданская позиция закономерно привели ее к другой специальности – социальной гигиене и организации здравоохранения. Главный врач родной Балтачевской центральной районной больницы, заведующая Уфимским горздравотделом, председатель республиканского Комитета профсоюза медицинских работников и, наконец, директор Уфимского НИИ гигиены и профессиональных болезней Минздрава РСФСР – вот профессиональный путь, пройденный Л.М.Карамовой. Природный талант, здоровая амбициозность поднимали Лену Мирзаевну по этой крутой лестнице здравоохранения.

Никогда не ограничиваясь узкими рамками своей деятельности, Лена Мирзаевна росла и развивалась вместе со всей системой здравоохранения страны. Она радовалась своим победам и гордилась успехами советского здравоохранения, признанного в свое время лучшей в мире системой охраны здоровья, основанной на принципах бесплатности, плановости, доступности, профилактической направленности.

60–70-е годы XX в. характеризуются укреплением материально-технической базы отечественного здравоохранения, созданием широкой сети лечебно-профилактических учреждений, строительством крупных больничных комплексов, развитием специализированной медицинской помощи. Каждое медицинское учреждение с энтузиазмом участвовало в социалистическом соревновании за высокое звание победителя и признание. Лена Мирзаевна всегда была в авангарде, в центре этого движения.

Бурное развитие нефтяной, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, станкостроительной, авиационной, приборостроительной промышленности потребовало для сохранения здоровья рабочих и специалистов создания широкой системы медико-санитарных частей (здравпункт – поликлиника – стационар – профилакторий), оснащенных по последнему слову техники оборудованием, аппаратурой, приборами, лекарственными средствами и укомплектованных высококлассными специалистами.

В эти годы разработан важный принцип здравоохранения – центральной фигурой становится цеховой врач, который объединяет лечебную и профилактическую помощь всех узких специалистов (так называемый бригадный способ работы). Во врачебно-инженерной бригаде участвуют цеховой врач, инженер-технолог, инженер по охране труда и профсоюзный работник. В эти же годы возникли профессиональные центры. Впервые в стране Леной Мирзаевной были разработаны сеть, структура, штаты, нормативы и принципы организации специализированной профилактической помощи. Именно на базе Уфимского НИИ гигиены и профзаболеваний впервые в стране был официально создан профилактический центр.

В 1980-х гг. и вплоть до середины 1990-х гг. показатели здоровья промышленных рабочих были высокими. Специалисты профцентра могли говорить об

отсутствии на нефтеперерабатывающих заводах людей, страдающих профессиональными заболеваниями. Низкие показатели профзаболеваемости в нашей стране в определенной степени объяснялись установкой, в соответствии с которой в социалистической стране невозможны подобные заболевания. Но все это, безусловно, не может перечеркнуть глобальные достижения здравоохранения тех лет.

Именно на этот период приходится «пик» достижений в показателях здоровья населения Советского Союза, что было во многом связано с эффективными научными разработками в области медицины. Госкомитетом науки и техники перед наукой ставились конкретные задачи, формировались принципы планирования и координации НИР, системы показателей деятельности научно-исследовательских учреждений, эффективности внедрения результатов их работы в практику.

Уфимский НИИ гигиены и профессиональных заболеваний под руководством доктора медицинских наук, профессора Карамовой Лены Мирзаевны, ставший одним из крупных (более 700 сотрудников) в РСФСР, развернул свою деятельность в тесной связи с бурно развивающейся промышленностью Крайнего Севера до самых южных границ и от Запада до Сахалина. В связи с этим Лена Мирзаевна с гордостью подчеркивает, что все здания института построены нефтяниками, сюда не вложено ни одной копейки бюджетных средств.

Эпохальная страница научной жизни Лены Мирзаевны Карамовой связана с Академией наук Республики Башкортостан. Она как член-корреспондент АН РБ уже более 15 лет возглавляет Научный Совет Отделения медицинских наук по охране здоровья трудящихся, работает с глубоким знанием дела, с присущей ей принципиальностью. В работе данного Научного Совета самое активное участие принимают ученые УфНИИ медицины труда и экологии человека, УНИИ безопасности жизнедеятельности Башгосуниверситета, Башгосмедуниверситета, Башкирского государственного аграрного университета, Института биологии, Института биохимии и генетики, Института органической химии Уфимского центра РАН по изучению влияния на человека природных и техногенных факторов.

В 1990-е гг. произошел развал страны, разрушивший экономику, подорвавший фундаментальные основы науки, культуры, медицины, образования. В своих многочисленных выступлениях Лена Мирзаевна отмечает, что больницы, поликлиники работают, но исчезло само здравоохранение. Охрана здоровья как система теперь отсутствует. Вместо нее осталась система предоставления медицинских услуг.

Обеспеченность врачами, фельдшерами, акушерами упала до критического уровня и составляет 47 %. Участковые больницы закрылись, центральные районные больницы превратились в учреждения первичной медико-санитарной помощи, где остались работать только участковые терапевты и педиатры, удельное число коек в стационарах сокращено до 100, при этом наблюдается тенденция дальнейшей «оптимизации». Смертность трудоспособного населения РФ выше, чем в Евросоюзе, в 4,5 раза, смертность мужчин превышает смертность женщин в 7 раз. Наша страна – один из лидеров по числу самоубийств.

В настоящее время по важнейшим демографическим, социально-экономическим и медико-биологическим показателям, определяющим уровень здоровья населения и эффективность функционирования системы здравоохранения, Россия оказалась в числе отсталых государств.

Федеральный закон о структурной модернизации системы здравоохранения, предусматривающий в Республике Башкортостан с населением 4,1 млн человек и территорией 143 тыс. кв. км всего 9 специализированных центров, отдаленных от населенных пунктов на 280–330 км, способствовал снижению доступности медицинской и лекарственной помощи, особенно для сел, деревень и малых городов в осенне-зимне-

весенний период в связи с бездорожьём, отсутствием постоянной и надёжной транспортной связи.

Катастрофически выросли очереди в поликлиниках даже в республиканском центре. На обычный прием к специалистам надо записываться минимум за месяц, на лабораторные анализы, процедуры функциональной диагностики – за 2–3 месяца, а если необходима срочная помощь – иди на платный прием. Там те же специалисты примут, но за немалые деньги. А это многим не по карману. В этой связи для того, чтобы прекратить экспансию платной медицины, коррупцию в сфере медицинской помощи, необходимо поставить заслон платной медицине в государственных федеральных, региональных и муниципальных учреждениях, не допускать коммерциализации этих медицинских учреждений, предоставления ими платных услуг.

VIII Всероссийский Пироговский съезд врачей, высший орган профессионального медицинского самоуправления в РФ, принял решение о недопустимости оказания платной медицинской помощи в государственных лечебно-профилактических учреждениях как противоречащего Конституции Российской Федерации. Съезд также выразил недоверие Минздраву РФ в связи с непрофессиональным, неэффективным, непоследовательным и фактически разрушительным управлением системой здравоохранения страны, нежеланием сотрудничества с высшим профессиональным медицинским форумом – Всероссийским Пироговским съездом врачей.

Тем временем Правительство РФ продолжает деструктивную «модернизацию» здравоохранения: организацию на новом (то есть пустом) месте центров высокотехнологичной помощи, выдачу сертификатов на роды и т. д.

Все эти меры – непродуманные, не согласованные с учеными и практикующими специалистами, поэтому они способствуют не совершенствованию, а разрушению системы охраны и профилактики здоровья. Здоровье новорожденных вызывает большую тревогу: более 40 % рождаются уже больными. Ситуацию усугубляют недоступность лекарств ввиду их чрезмерной дороговизны и коммерциализации системы аптек, дефицит специалистов в сфере медицины, в том числе врачей, ввиду самого низкого уровня зарплаты в мире. Еще Бернард Шоу сказал: «Нет ничего страшнее для здоровья людей, чем нищий врач». Старейший и мудрейший аксакал – политик и академик РАН Е.М.Примаков в своем докладе на Совете по внешней и внутренней политике РФ среди других угроз назвал коммерциализацию науки, культуры, здравоохранения, образования.

Жизнь человека, его здоровье – многофакторное явление. Оно зависит от того, насколько разумна политика, обеспечивает ли она гармоничную, бесконфликтную атмосферу, счастливую семейную жизнь. Но главное – здоровье человека зависит от экономической стабильности, рождающей уверенность в завтрашнем дне. У человека должна быть любимая постоянная работа, которая бы обеспечивала семье безбедную жизнь, достаточную для решения проблем, связанных с наличием достойного жилья, полноценным питанием, обучением, лечением, культурным отдыхом, рождением и воспитанием детей, достойных продолжателей рода. Это каждодневное желание, стремление, если хотите, мечта нормального человека, миллионов россиян. Однако для подавляющего большинства людей нашей страны она остается непозволительной, недоступной. Как решить эту глобальную проблему? А решать нужно безотлагательно.

Стремление российского народа к социальной справедливости как в локальном, так и во всемирном масштабе – это настоящая, главная российская идея! Тяга к высшей справедливости в сознании выше «приобретательского» инстинкта.

Будущее страны, к великому сожалению, нельзя считать безоблачным. Для того, чтобы преодолеть кризис нашего общества и экономики, необходимо принять законы, обеспечивающие поддержку отечественного производства, в частности, изменить налоговое законодательство таким образом, чтобы оно стимулировало производство

конкурентоспособных отечественных товаров, машин и оборудования, способствовало развитию малого и среднего предпринимательства в сфере производства. Необходимо реальное развитие бюджетного федерализма. Нужно перейти от плоской шкалы налогообложения к прогрессивной, увеличив налоговую нагрузку на богатых и сверхбогатых и смягчив ее для остальных слоев населения. Необходимо на законодательном уровне обеспечить повышение зарплаты бюджетникам, увеличив, например, долю бюджетных затрат на охрану здоровья до уровня передовых стран (более 10 % ВВП); повысить пенсии до уровня не менее 50 % от зарплаты.

Вот такие конкретные мысли и справедливые требования возникли у нас с юбиляром, заслуженным врачом РФ и РБ, заслуженным деятелем науки РБ, доктором медицинских наук, профессором, членом-корреспондентом АН РБ Карамовой Леной Мирзаевной.

Р.Ш.МАГАЗОВ,
д-р мед. наук, профессор,
академик АН РБ

*К 95-летию со дня создания Государственной
архивной службы Республики Башкортостан*

Управление архивами Башкирии: история создания и становления

Архивы принадлежат к числу древнейших институтов в истории человечества. Изучение истории становления и развития архивного дела способствует более глубокому пониманию истории государственных учреждений, законодательства, развития государства в целом.

В дореволюционной России сложилась огромная сеть ведомственных архивов, над которыми не было единого руководящего органа, они находились в подчинении различных ведомств. Всего по стране до 1917 г. насчитывалось более 120 тыс. архивов. Документы передавались из канцелярии в ведомственные, а затем в исторические архивы нерегулярно, с задержкой даже на десятилетия. Деятельность создаваемых на местах ученых архивных комиссий можно было охарактеризовать как попытку научной общественности сохранить архивное наследие.

Начало изучения истории архивного дела в нашем крае связано с созданием в 1887 г. Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК). В «Трудах ОУАК» содержатся сведения об изучении описей архивов учреждений Уфимской губернии, переписке с Уфимским губернским статистическим комитетом и др. Первым председателем ОУАК был избран П.Н.Распопов. Одним из ее активных членов являлся краевед из Уфы Н.А.Гурвич.

Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» положил начало созданию в нашей стране централизованной системы государственных архивов. Данный документ предусматривал создание Главного управления архивным делом (Главархив) при Наркомате просвещения РСФСР – первого в истории России органа управления архивным делом. Его основной функцией было управление Единым государственным архивным фондом (ЕГАФ) страны, формирование и проведение единой архивной политики.

31 марта 1919 г. СНК РСФСР принимает декрет «О губернских архивных фондах», который дополнил декрет от 1 июня 1918 г. Согласно декрету «О губернских

архивных фондах» все архивы, находящиеся в губерниях, объединялись в единый губернский архивный фонд. Главой губернского архивного фонда назначался заведующий, на которого возлагалась обязанность по сбору архивных документов и формированию губернского архива.

Реализация данных декретов на территории Башкирии произошла не сразу. Это объясняется тем, что после Октябрьской революции 1917 г. Уфимская губерния была разделена на Малую Башкирию и Уфимскую губернию, которые оказались в центре Гражданской войны.

Официально Уфимское губернское отделение Главархива РСФСР – Уфимский губернский архив (Губархив) был создан 11 августа 1919 г., а 12 августа был назначен первый уполномоченный – Б.А. Гинзбург-Кольцов, который прибыл в Уфу в сентябре 1919 г. Губархив находился в ведении губернского отдела народного образования, в его штате состояли лишь заведующий архивом (он же инструктор по Уфимскому уезду) и сторож. Аналогичную структуру имели уездные архивы: Мензелинский, Бирский, Белебеевский, Златоустовский. Уфимский губернский архив располагался на углу улиц Большой Ильинской и Карла Маркса (ул. Карла Маркса, д. 2).

На территории Малой Башкирии правительство Башкирской советской автономии также приступило к формированию архивной службы. В марте 1920 г. Президиум Башвоениревкома, располагавшийся в то время в г. Стрелитамаке, издал приказ о создании при Наркомпросе республики Архива БССР во главе с заведующим Моисеевым.

В 1922 г. Малая Башкирия и Уфимская губерния были объединены в рамках БАССР. Именно в то время начала формироваться единая архивная служба республики – Башцентрархив, который стал правопреемником Архива Башреспублики и Уфимского губернского архива. Башцентрархив был передан в 1922 г. из ведения Наркомпроса в ведение Башкирского Центрального исполнительного комитета.

За первое десятилетие своего существования Башцентрархив превратился в центр комплектования и хранения архивных документов по истории республики. Так, например, в эти годы начался сбор печатных материалов дореволюционного периода. Башцентрархив принял книги, оставшиеся от бывших библиотек Губернского правления и Канцелярии Губернатора, из бывшей библиотеки Уфимской мужской гимназии, в которой имелись Сборники Императорского Русского Исторического Общества, Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете, журналы «Сын отечества» и «Северный Архив», а также иные литературные, политические и исторические журналы, альманах «Русский Архив» за 1897, 1898, 1900 гг.

Большое внимание Башцентрархив уделял сбору исторических документов по истории и культуре Башкирии. В общей сложности к концу 1926 г. было сформировано 76 фондов. Объем комплектуемых архивных фондов был настолько велик, что его приходилось даже учитывать на вес.

С 1938 г. Центральное Архивное Управление БАССР было передано в ведение НКВД БАССР. На местах был также произведен прием районных архивов районными отделениями НКВД.

В самом начале Великой Отечественной войны, по данным архивного отдела НКВД БАССР на 1 июля 1941 г., райархивы были предусмотрены штатами в 63 районах, однако функционировали в 60 (не были организованы архивы в Ермекеевском, Улу-Телякском, Ишимбаевском районах). Из отчета Архивного отдела НКВД БАССР следовало, что материальная база районных архивов была слабой.

Архивным отделом НКВД БАССР была проделана колоссальная работа по приему, размещению документов эвакуированных архивов союзных Наркоматов, Центральных учреждений СССР и РСФСР, областных архивов. Так, уже к началу октября 1941 г. в Башкирскую АССР были приведены архивы Калининской (11 вагонов),

Воронежской (8 вагонов), Курской (1 вагон) областей. В 1942 г. из Калининской области прибыло еще 5 вагонов с архивными документами.

В Башкирию были эвакуированы также архивы СНК СССР, Наркомата авиационной промышленности СССР, Наркомнефти СССР, Наркомместпрома РСФСР, Кировоградского облисполкома и т. д.

Всем сотрудникам эвакуированных архивов было предоставлено жилье. По мере освобождения тех или иных территорий с 1944 г. многие архивы были реэвакуированы.

Во исполнение Постановления Совета Министров РСФСР от 2 сентября 1955 г. № 1171 и в соответствии с письмом МВД РСФСР № 1101/с от 2 ноября 1955 г. Совет Министров БАССР 30 ноября 1955 г. принял Постановление № 743 «О городских и районных государственных архивах БАССР», в соответствии с которым упразднению подлежали должности архивариусов во всех исполкомах райсоветов и Ишимбайском горсовете и с 1 января 1956 г. создавались городские и районные государственные архивы в 61 районном центре и 6 городах республиканского подчинения: Белорецк, Ишимбай, Стерлитамак, Салават, Черниковск, Октябрьский. В Белорецком и Стерлитамакском районах, где райгосархивы не были сформированы, функции последних были возложены на Белорецкий и Стерлитамакский городские госархивы. Методическое руководство и контроль за работой госархивов были возложены на архивный отдел МВД БАССР.

Существенные изменения в структуре архивной службы страны произошли в 1961 г. Совет Министров РСФСР 25 ноября 1961 г. принял Постановление № 1424 об организации Главного архивного управления при Совете Министров РСФСР на базе архивного управления Министерства внутренних дел РСФСР. Постановлением Совета Министров БАССР от 27 декабря 1961 г. № 1124 был организован Архивный отдел при Совете Министров БАССР на базе Архивного отдела МВД БАССР. В соответствии с вышеуказанными постановлениями был издан приказ МВД БАССР об упразднении Архивного отдела и передаче Совету Министров БАССР всего личного состава Архивного отдела и Центрального госархива численностью 24 человека.

История создания и становления архивов Башкортостана многогранна и интересна. Документы, хранящиеся в государственных, муниципальных и ведомственных архивохранилищах нашей республики, содержат уникальную информацию по всем отраслям народного хозяйства, культуры, общественной и политической жизни. Большая часть этих документов еще не исследована, не введена в научный оборот. Кроме того, малоизученной остается и история архивного дела Башкортостана.

А.НИЗАМОВА, канд. техн. наук,
профессор кафедры менеджмента БАГСУ
И.АСФАНДИЯРОВА, канд. юрид. наук,
доцент кафедры документоведения
и архивоведения БАГСУ

Редакция журнала поздравляет своего постоянного и любимого автора, профессора кафедры экологии Башкирского государственного университета, доктора биологических наук Б.М.Миркина с вручением **высокой государственной награды – медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени**. Желаем Борису Михайловичу здоровья и творческого долголетия!

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ABSTRACTS AND KEY WORDS

Р.МАЛИКОВ, К.ГРИШИН. Административная лояльность как фактор инвестиционной привлекательности региона

В статье исследуются вопросы организации взаимодействия властных структур и предпринимателей-инвесторов. Обосновывается взаимосвязь параметров инвестиционной привлекательности территории с формализованными и неформализованными правилами ведения предпринимательской деятельности в регионе. Раскрывается содержание понятия административной лояльности как базового условия организации взаимодействия бизнеса и власти в формате взаимной лояльности.

Ключевые слова: административная лояльность, инвестиционная активность, кризис доверия, властные и предпринимательские структуры.

R.MALIKOV, K.GRISHIN. Administrative Loyalty as a Factor of Region's Investment Appeal

The article considers issues of cooperation organization of government authorities and entrepreneur-investors. The interrelation of investment appeal parameters of a territory with formalized and non-formalized rules of doing business in the region is substantiated. The notion of administrative loyalty as a fundamental condition for organizing interrelation between business and government authorities within mutual loyalty is articulated.

Key words: administrative loyalty, investment activity, crisis of confidence, government and business structures.

М.МИНАСОВ, А.ШАКИРОВА. Аграрный сектор экономики: состояние, проблемы, факторы и условия устойчивого развития

В статье рассматриваются проблемы и перспективы обеспечения устойчивого развития аграрного сектора экономики. Показано, что устойчивое развитие аграрной экономики – это не столько количественный рост, сколько качественное улучшение параметров экономики на основе активного использования внутренних факторов развития, в том числе интеллектуального ресурса.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал аграрной экономики региона, человеческий потенциал, качество развития аграрного сектора экономики.

M.MINASOV, A.SHAKIROVA. Agricultural Sector of Economy: State, Problems, Factors and Conditions of Sustained Development

The article considers problems and perspectives of providing sustained development of agricultural economic sector. It is proved that sustained development of agricultural economy is not so much quantitative growth as qualitative improvement of economic measures based on the internal factors of development including the intellectual resources.

Key words: intellectual potential of the region's agricultural economy, human potential, quality of agricultural economic sector development.

З.САБИРОВА. Социальное предпринимательство в рамках муниципально-частного партнерства

Рассматриваются проблемы использования механизма муниципально-частного партнерства для развития социального предпринимательства. Обосновывается актуальность формирования законодательного поля данного вида партнерства в целях повышения качества и обеспечения доступности предоставляемых услуг населению муниципальных образований, привлечения в местную экономику частных инвестиций.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство, социально ориентированные некоммерческие организации, институциональная среда, законодательство, инфраструктура.

Z.SABIROVA. Social Entrepreneurship within Municipal-Private Partnership

The article considers problems of implementing the mechanism of municipal-private partnership to social entrepreneurship development. The actuality of creating legislative environment of the presented type of partnership in order to increase quality and affordability of the services provided to the population of municipal institutions and attract private investment to the local economy.

Key words: social entrepreneurship, public-private partnership, municipal-private partnership, socially oriented non-commercial organizations, institutional sphere, legislation, infrastructure.

С.РЕЙТЕР. Мотивационные аспекты внедрения формата административного содействия предпринимательству в муниципальном образовании

В статье рассматриваются вопросы мотивации органов местного самоуправления к развитию малого предпринимательства в муниципальных образованиях. Обосновывается необходимость формирования системы налоговых стимулов, мотивирующих местные администрации активнее содействовать развитию малого бизнеса на территории. В качестве одного из мотивационных механизмов, обеспечивающих заинтересованность местных администраций в развитии малого предпринимательства, предлагается модель установления базовых и стимулирующих нормативов отчислений в муниципальный бюджет по федеральным и региональным налогам и сборам. Разработана методика мониторинга уровня развития малого бизнеса на территории муниципального образования, на основе которой устанавливаются нормативы отчислений по федеральным и региональным налогам и сборам в местные бюджеты.

Ключевые слова: мотивация, малое предпринимательство, административное содействие.

S.REITER. Motivation Aspects of Launching Administrative Promotion of Entrepreneurship in a Municipal Entity

The article considers issues of local government authorities' motivation to developing small business in municipal entities. There is substantiated the necessity of creating a system of tax stimulation that motivates local administrations to promote small business development on the territory. A model of setting basic and stimulating standards of payments to the municipal budget on the federal and regional taxes and charges is suggested as one of the motivation mechanisms which provide local administrations' interest in small business development. There is developed a methodology of monitoring the level of small business development on the territory of a municipal entity on the basis of which standards of payments to the local budgets on the federal and regional taxes and charges are set.

Key words: motivation, small business, administrative promotion.

Р.АХМЕТЬЯНОВА, Р.ИМИЛЬБАЕВА. Преодоление информационного неравенства как условие модернизации системы государственного управления

В статье рассматривается проблема информационного неравенства, анализируются социальные факторы, препятствующие формированию «электронного правительства» в регионе. Обосновано, что социализация процесса формирования информационного общества, широкое вовлечение в него информационно пассивных групп населения позволит ускорить темпы формирования «электронного правительства» и повысить эффективность государственного управления.

Ключевые слова: информационное общество, «электронное правительство», информационно-коммуникационные технологии, государственные и муниципальные услуги, социальная структура, информационное неравенство.

R.AKHMETJYANOVA, R.IMILBAEVA. Information Inequality Overcoming as a Condition of Public Administration System Modernization

In the article the problem of information inequality is considered, social factors that prevent the «e-government» setting in the region are analyzed. It is substantiated that the process of information society creation is being socialized and mass involvement of information-passive social groups will let accelerate the pace of the «e-government» setting and increase efficiency of public administration.

Key words: information society, «e-government», information and communication technologies, public and municipal services, social structure, information inequality.

Л.ТОМАШЕВСКАЯ. Соотношение понятий «стоимость» и «институт»

В статье рассматривается вопрос о том, является ли институциональная структура общества фактором образования стоимости товара, или саму стоимость товара можно считать институтом. Проанализированы особенности и ограничения как согласования интересов производителей и потребителей, так и процесса формирования стоимости товаров одновременно с их альтернативной стоимостью.

Ключевые слова: институт, стоимость, интересы производителей и потребителей, альтернативная стоимость, редкость ресурсов, отраслевая структура экономики, иерархия общественных потребностей.

L.TOMASHEVSKAYA. **Correlation of Notions «Value» and «Institute»**

The article considers the issue if the society's institutional structure is a factor of product value formation or the product value is an institute itself. There were analyzed peculiarities and restrictions of reconciling the interests of producers and consumers as well as the process of product value formation together with its equivalent value.

Key words: institute, value, interests of producers and consumers, equivalent value, resource scarcity, branch structure of economy, social needs' hierarchy.

Е.ЖУК. **Проблемы использования теории позиционирования Дж.Траута и Э.Райса при формировании конкурентных преимуществ компании**

В статье рассматриваются проблемы формирования стратегической позиции компании, разработки эффективной стратегии позиционирования на базе положений теории позиционирования Дж.Траута и Э.Райса. Выделена специфика методов и инструментов данной теории, проанализирована актуальность ее использования на современном этапе развития.

Ключевые слова: стратегическое позиционирование, массовый маркетинг, кастомизация, дифференциация.

E.ZHUK. **Problems of Implementing a Theory of Positioning by J.Trout and A.Ries while Producing Company's Competitive Advantages**

The article considers the problems of creating a strategic position of a company and developing an effective strategy of positioning based on the theory of positioning by J.Trout and A.Ries. There was outlined specificity of methods and tools of the considered theory. Actuality of its implementation at the present-day stage of development was analyzed.

Key words: strategic positioning, mass-marketing, customization, differentiation.

Р.ГУБАРЕВ. **Эволюция теорий мотивации и стимулирования труда**

В статье проанализированы теории мотивации и стимулирования труда. Показано, что многогранность и нестандартность процесса мотивации определяют необходимость комплексного подхода к решению рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, содержательные теории мотивации, процессуальные теории мотивации, мотивационная структура, мотивационный процесс, методы стимулирования.

R.GUBAREV. **Evolution of Labour Motivation and Stimulation Theories**

In the article there were analyzed theories of labour motivation and stimulation. It is shown that complexity and irregularity of the motivation process predetermine necessity of a complex approach to tackling of the considered problem.

Key words: motivation, stimulation, content theory of motivation, process theory of motivation, motivational frame, motivation process, methods of stimulation.

Р.ДАНИЛКО. **Оценка эффективности научных моделей административно-территориального деления**

В статье рассматриваются актуальные вопросы реформирования административно-территориального деления государства. Критически проанализированы две научно обоснованные модели административного деления: модель на основе численных алгоритмов распределения районов и модель деления территорий по бассейновому принципу. Сделан вывод о том, что вторая модель в современных условиях может быть частично применена в России.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, модели административного деления, социально-экономическое районирование, водный бассейн.

R.DANILKO. **Scientific Models' Efficiency of Administrative-Territorial Division Evaluating**

The article considers actual issues of the state's administrative-territorial division reforming. There were critically analyzed two scientifically proved models of administrative division: the

model based on numerous algorithms of regions' allocation and the model of territory division based on the basin's principle. It was summarized that the second model might be partially applied in Russia in modern conditions.

Key words: administrative-territorial division, models of administrative division, social-economic regionalization, water basin.

Н.КУЗЬМИНЫХ. Интенсивность и экстенсивность инновационного развития

В статье проанализированы показатели интенсивности и экстенсивности инновационного развития, что позволило выявить проблемы инновационного развития России. На основе анализа инновационной проблематики разработаны рекомендации по формированию эффективной инновационной модели развития.

Ключевые слова: инновационное развитие, экстенсивность, интенсивность, технологические инновации.

N.KUZMINYKH. Intensity and Extensity of Innovation Development

In the article there are analyzed the indices of intensity and extensity of innovation development that let reveal problems of Russia's innovation development. On the basis of innovation topics there were drawn up recommendations on setting a model of effective innovation development.

Key words: innovation development, extensity, intensity, technological innovations.

К.САДЫКОВА. Адапционная динамика системы трансфера технологий в Республике Башкортостан

Анализируются результаты мониторинга развития системы трансфера технологий в Республике Башкортостан, в котором принимали участие инновационно активные предприятия, научные организации и высшие учебные заведения. На основе результатов мониторинга дана оценка современного состояния процессов трансфера и коммерциализации технологий.

Ключевые слова: инновации, трансфер технологий, коммерциализация технологий, инновационная политика.

K.SADYKOVA. Adaptive Dynamics of Technologies' Transfer System in the Republic of Bashkortostan

In the article there were analyzed the results of the technologies' transfer system monitoring in the Republic of Bashkortostan which was conducted among the innovational active enterprises, scientific organizations and higher education institutions. Due to the monitoring's results there was evaluated the present-day state of the transfer processes and technology commercialization.

Key words: innovations, technology transfer, technology commercialization, innovation policy.

А.СОКОЛИНСКИЙ. Зарубежный опыт инновационного развития дорожного хозяйства

В статье анализируется зарубежный опыт инновационного развития в сфере дорожного хозяйства. Выделены наиболее эффективные механизмы развития дорожной отрасли, рассматриваются возможности их применения в России.

Ключевые слова: зарубежный опыт, инновационное развитие, дорожное хозяйство, платные автомобильные дороги, контракты жизненного цикла.

A.SOKOLINSKIY. Foreign Experience of Road Sector Innovation Development

In the article foreign experience of the road sector innovation development is analyzed. The most effective mechanisms of the road sector development are outlined and opportunities of their implementation in Russia are regarded.

Key words: foreign experience, innovation development, road sector, toll roads, life cycle contracts.

Е.ГЛАДЫШЕВА. Карта рисков венчурного проекта как инструмент научно-технического обновления

В статье рассматриваются проблемы инвестирования в научно-техническое обновление промышленных предприятий, связанные с рисками. Для создания действенных механизмов управления рисками предложено составление карты рисков.

Ключевые слова: венчурные инвестиции, карта рисков, научно-техническое обновление.

E.GLADYSHEVA. Map of Venture Project Risks as a Tool of Scientific-Technical Renovation

The article considers the problems of investing the scientific-technical renovation of industrial enterprises which are connected with risk. To create efficient mechanisms of risk management there was offered compiling the risk map.

Key words: venture investments, a risk map, scientific-technical renovation.

Н.САМОФЕЕВ. Подходы к выбору эффективных решений в жилищном строительстве Республики Башкортостан

Автором статьи с применением технико-экономических методов исследования выполнен анализ конструктивных решений наружных стен жилых домов для многоэтажного и малоэтажного строительства в природно-климатических условиях Республики Башкортостан. Предложенная методика оценки может выступать основой для объективного выбора решений наружных стен на стадиях проектирования и эксплуатации существующих объектов жилого назначения.

Ключевые слова: жилищное строительство, конструкции и материалы, долговечность, массовые конструктивные решения наружных стен.

N.SAMOFEEV. Approaches to Selection of Effective Solutions in House Building of the Republic of Bashkortostan

The article's author performed the analysis of constructive solutions of exterior walls for multistory and low-height housing in the natural and climatic conditions of the Republic of Bashkortostan with the help of techno-economic research methods. The suggested assessment methodology may be a base for objective solution choice of exterior walls at the stages of project engineering and exploitation of the existing dwelling sites.

Key words: house building, constructions and materials, durability, mass constructive solutions of exterior walls.

С.САЛЧЕВА. Алгоритм оценки альтернативных комплексных инвестиционных проектов в нефтеперерабатывающей промышленности

В статье представлен разработанный автором на основе функционально-стоимостного анализа алгоритм оценки, позволяющий осуществлять обоснование альтернативных вариантов комплексных инвестиционных проектов. Обоснована целесообразность использования данного алгоритма на предпроектной стадии определения коммерческой реализуемости инвестиций в нефтеперерабатывающей промышленности.

Ключевые слова: алгоритм обоснования альтернативных комплексных инвестиционных проектов, вторичная переработка нефти, малобюджетные инвестиционные проекты модернизации, коэффициент эффективности капитальных затрат по альтернативным комплексным инвестиционным проектам.

S.SALCHEVA. Algorithm of Evaluating Alternative Complex Investment Projects in Oil-Refining Industry

In the article there was presented the algorithm which was developed by the author on the basis of the value analysis. The algorithm could allow substantiating the alternative variants of complex investment projects. There was justified practicality of the presented algorithm implementation at the pre-project stage of specifying the commercial realization of investments in the oil-refining industry.

Key words: algorithm of alternative complex investment projects justification, secondary oil refinery, low-budget investment projects of modernization, capital cost-effectiveness ratio of alternative complex investment projects.

Т.ЛЕЙБЕРТ, Э.ХАЛИКОВА. Методический инструментарий оценки инвестиционного проекта технического перевооружения производства строительной продукции

Рассмотрены методические подходы к оценке эффективности проекта технического перевооружения производства строительных материалов на основе использования теории нечетких множеств. Определены преимущества данного подхода, позволяющие учесть

неопределенность экономических параметров, влияющих на интегральный оценочный показатель эффективности инвестиционного проекта – чистый дисконтированный доход.
Ключевые слова: проект технического перевооружения, теория нечетких множеств, вероятностное моделирование, ставка дисконтирования, премия за риск, инвестиционный проект, экономическая оценка, эффективность.

T.LEIBERT, E.HALIKOVA. Methodical Tools of Investment Project Evaluation of Construction Production Technical Upgrading

There were regarded methodical approaches to the project effectiveness evaluation of the construction production technical upgrading on the basis of the fuzzy-set theory implementation. There were specified the approach's advantages which let take into account fuzziness of the economic parameters that influence the integral evaluation index of the investment project effectiveness – net present value.

Key words: project of technical upgrading, fuzzy-set theory, stochastic modelling, discount rate, risk premium, investment project, economic evaluation, effectiveness.

Л.МАРТЫНОВ. Инновационный характер развития организационного механизма в виртуальной бизнес-среде

В статье рассмотрены вопросы организационной структуры, коммуникационной сети и организационной культуры как компонентов организационного механизма. Показано, что данный механизм имеет инновационный характер развития в условиях современной виртуальной бизнес-среды, требующей применения инфоком-менеджмента.

Ключевые слова: организационный механизм, информационно-коммуникационная среда, инфоком-менеджмент, виртуальная бизнес-среда.

L.MARTYNOV. Innovationnal Nature of Organizational Mechanism Development in Virtual Business Environment

The article considers issues of the organizational structure, communication network and organizational culture as the components of the organizational mechanism. It is shown that this mechanism possesses the innovational nature of development in terms of the present-day virtual business environment which requires implementation of the infocom-management.

Key words: organizational mechanism, information-communicational sphere, infocom-management, virtual business environment.

Ю.ЛУТФУЛЛИН, А.КРАСНОВ. Организационный потенциал как элемент конкурентоустойчивости предприятия

Рассматривается взаимосвязь производственного, организационного, инновационного потенциала предприятия как составляющих экономического потенциала. Организационный потенциал предстает как особый элемент конкурентоустойчивости предприятия.

Ключевые слова: производственный потенциал, организационный потенциал, инновационный потенциал, экономический потенциал, конкурентоустойчивость.

Ju.LUTFULLIN, A.KRASNOV. Organizational Potential as an Element of Enterprise's Competitive Stability

The article considers interrelation between the production, organizational, innovational potential of an enterprise as the elements of economic potential. The organizational potential tends to be a special element of an enterprise's competitive stability.

Key words: production potential, organizational potential, innovation potential, economic potential, competitive stability.

Д.ВОЛКОВ. Маркетинговые инструменты в оценке деятельности государственного сектора: измерение удовлетворенности

В статье рассматриваются проблемы и возможности переориентации сектора государственных услуг с традиционного административного подхода к предоставлению государственных услуг на основе удовлетворенности граждан. Рассмотрены подходы к оценке качества государственных услуг через удовлетворенность граждан. Приведены результаты сравнительного анализ подходов, используемых в мировой практике для оценки удовлетворенности граждан деятельностью государственного сектора.

Ключевые слова: маркетинг в государственном секторе, удовлетворенность, индекс удовлетворенности, стейкхолдеры.

D.VOLKOV. Marketing Assessment Tools in the Public Sector Performance: Satisfaction Observation

In the article there were regarded problems and opportunities of the public sector redirecting from the traditional administrative approach to the public service provision based on the citizens' satisfaction. There were observed approaches to the public services' quality assessment through the citizens' satisfaction. There were provided the comparative analysis results of the approaches implemented in the world practice to assess the citizens' satisfaction of the public sector performance.

Key words: marketing in the public sector, satisfaction, satisfaction index, stakeholders.

А.ШЕСТАКОВИЧ. Роль руководителя в процессе развития вуза: опыт передовых университетов

В статье рассматривается проблема развития института образования и науки в России, которая во многом связана с личностями руководителей российских университетов, с их научно-исследовательской специализацией, сферой научной деятельности.

Ключевые слова: личность, руководитель, инновации, образование, университет, сфера деятельности.

A.SHESTAKOVICH. Leader's Role in Institute Development Process: Experience of Advanced Institutes

The article considers the Russia's institute of science and education development problem which is mostly connected with personalities of the Russian universities leaders, their scientific-research specialization and a sphere of scientific activity.

Key words: personality, leader, innovations, education, university, sphere of activities.

Р.МУСТАФИН, Р.ХИСАМУТДИНОВ, Э.ГАЙНУЛЛИНА. Проблемы развития физической культуры и формирования здорового образа жизни молодежи

В статье на основе данных социологического исследования анализируются факторы формирования культуры здоровья в молодежной среде.

Ключевые слова: культура здоровья, самооценка здоровья, физическая активность, образ жизни.

R.MUSTAFIN, R.KHISAMUTDINOV, E.GAINULLINA. Problems of Physical Training Development and Healthy Lifestyle Creation of the Youth

In the article due to the sociological survey there were analyzed factors of the health culture creation among the youth.

Key words: culture of health, health self-assessment, physical activity, life style.

А.ОРУДЖЕВА. Благополучие населения как приоритетное направление социальной политики в Азербайджанской Республике

В статье проанализированы основные подходы к определению социальной политики, рассмотрены ее цели, объекты и основные функции с позиции повышения уровня благополучия населения как ее приоритетного направления. Рассмотрены приоритеты, достижения и перспективы социальной политики в Азербайджанской Республике.

Ключевые слова: социальная политика, благополучие населения, деятельность государства, социальная защищенность, сокращение бедности.

A.ORUDZHEVA. Population Well-being as Priority of Social Policy in the Azerbaijan Republic

In the article there were analyzed the main approaches to the social policy definition, its objectives and key functions were observed from the view of the population well-being improvement as its priority. There were considered the priorities, achievements and perspectives of the Azerbaijan Republic social policy.

Key words: social policy, population well-being, government performance, social security, poverty reduction.

**продолжается подписка
на оставшиеся номера 2014 года!**

В год своего 20-летия редакция журнала продолжает уделять пристальное внимание проблематике, связанной с модернизацией российского общества и экономики на инновационной основе, совершенствованием системы государственного и муниципального управления. С обсуждением этих стратегически важных проблем на страницах нашего издания выступают известные ученые России и Башкортостана, руководители и специалисты министерств, предприятий, органов власти и управления.

Подписной индекс издания «**Экономика и управление: научно-практический журнал**» на 2 полугодие 2014 года в каталоге российской прессы «**Почта России**» (раздел «Центральные журналы») – **24410**.

Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте
Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан

Редактор А.В.Борисова

Верстка Т.Е.Безбайл

Адрес редакции:

450057, г.Уфа, ул.Цюрупы, 6, 1-й подъезд, к.402

Тел. (347) 273-87-32

E-mail: ekonuprav@ufanet.ru

<http://bagsurb.ru/journal/>

Подписано в печать 06.06.2014. Усл. печ. л. 12.

Формат 70x108/16. Тираж 1000 экз. Заказ № 404.

Отпечатано в издательстве БАГСУ

450022, г.Уфа, ул.Менделеева, 134/2. Тел. (347) 252-21-09

E-mail: izdatbagsu@mail.ru